Ю.М. ЮСУПОВ

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА XV-XVI ВЕКОВ

Гилем

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.М. Юсупов

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА XV–XVI веков

(социально-политический аспект)

Уфа «Гилем» 2009

УДК 93/99
ББК 63.3 (2) 43-04
Ю 91

Издание осуществлено при содействии
Фонда поддержки фундаментальных исследований АН РБ

Рекомендовано к печати решением Ученого совета
Института гуманитарных исследований Академии наук РБ

Научный редактор:
доктор исторических наук *Н.А. Мажитов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Б.А. Азнабаев*
кандидат исторических наук *А.З. Асфандияров*

Юсупов Ю.М.

История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект) / Ю.М. Юсупов. – Уфа: Гилем, 2009. – 192 с. – ISBN 978-5-7501-1014-8

После распада Золотой Орды и формирования новых государственно-политических образований башкирское общество оказалось на стыке двух альтернативных политических структур: «кочевого» и «золотоордынского». В период XV–XVI вв. на Южном Урале смыкались сложные переплетения социально-экономических, военно-политических интересов. В монографии рассматриваются причины и характер складывания социально-правовых отношений в регионе и взаимоотношения башкир с династийными кругами постордынских государственных образований. Впервые предпринимается попытка реконструирования истории башкирских государственно-политических образований на Южном Урале.

Книга предназначена для историков, этнологов, фольклористов, краеведов и всех интересующихся историей Башкортостана.

ISBN 978-5-7501-1014-8

© Юсупов Ю.М., 2009
© Издательство «Гилем», 2009

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен Южный Урал был зоной активных экономических, культурных и политических контактов. Регион представлял собой сложное переплетение различных этнополитических, социокультурных, социально-экономических интересов. Одним из самых загадочных периодов является время существования так называемых постордынских государственных образований и дальнейшего упадка государственно-политической системы Джучидов.

Еще в золотоордынский период на обширной территории Дешт-и-Кыпчака, Поволжья, Урала, Западной Сибири, Кавказа сложилась довольно специфическая политическая система – система чингисизма. Согласно этой идеологической системе, единственным правообладателем верховной власти в период Монгольской империи и после ее распада являлись потомки великого полководца Чингис-хана[1]. На основных принципах этой системы функционировали политические, социальные, правовые институты на огромной территории политического пространства династийных ветвей чингисидов.

В период распада Золотой Орды эта форма государственности начала изменяться, все еще оставаясь в рамках единой системы джучидского политического пространства. В него входили различные политические образования, которые в той или иной степени подчинялись общим правилам чингисизма, установленным в золотоордынский период. Основной особенностью этого периода является то, что тогда зародились (а фактически возродились) дочингисидские принципы политического строительства власти в степи. Башкортостан в этот период стал ареной противостояния двух исторических систем: типичная «кочевая» в лице ногаев и Ногайской Орды и (с XIII в.) джучидская, которую на Южном Урале олицетворяли баш-

киры, нашедшие свою политическую и, в первую очередь, правовую опору в лице правящей династии тука-тимуридов. Именно эти два принципа организации общества на данный период пришли в противоречие.

С другой стороны, упадок центральной власти в Золотой Орде и, как следствие, дробление некогда единой государственно-административной системы стало причиной постепенной политической переорганизации башкирского общества, где на первый план в качестве политического субъекта выходит конфедерация – союз племен.

Несмотря на важность, период XV–XVI вв. никогда не был объектом отдельного изучения. Из-за скудности письменных и археологических источников по данному периоду эта тема оставалась вне поля зрения ученых. Однако сегодня, с выявлением обширного источникового материала (устная историческая традиция) и выходом многих публикаций по истории соседних регионов и исторических эпох, появилась возможность с той или иной степенью достоверности рассмотреть этнополитическую историю региона, выделить основные этапы общественно-политической жизни башкирского общества в этот период.

Историография вопроса. В целом историю изучения данной проблемы можно условно разделить на два периода. Первый – XVIII в. – довоенный период XX в. – характеризуется в сборе материала и публикацией трудов историко-краеведческого характера. Второй (послевоенный, до сегодняшних дней) – выходом работ научно-исторического плана.

Интерес к дорусской истории Южного Урала возник в связи с активизацией политики царского правительства на Востоке. Бухгалтер Оренбургской экспедиции П.И. Рычков на основе собранного материала издал, по сути, первый труд по истории Башкортостана. В своей работе П.И. Рычков говорит о единстве башкир и ногаев, разъединившихся вследствие междоусобной войны. После этих событий взаимоотношения башкир с «казанскими и сибирскими ханами» складывались довольно сложно, терпя от них «большее разорение». И как следствие этого, после завоевания Иваном IV Казани, башкиры добровольно приняли подданство московского князя. Наиболее важным вкладом П.И. Рычкова в изучение истории данного периода является сбор материала (фольклор, этнография). В работу «История Оренбургская» была включена так называемая «Башкирская исто-

рия» Кидраса Муллакаева, которая являлась устным пересказом одной письменной летописи, которая пропала во время башкирского восстания[2]. Этот пересказ долгое время оставался основным источником в изучении данного периода.

Дорусский период истории Башкирии был в поле зрения и тюркских ученых, этим периодом интересовались мусульманские просветители XIX – начала XX в.: Ш. Марджани, М. Уметбаев[3], Г. Чокрый[4], Р. Фахретдинов[5], М. Хадыев[6], Х. Атласи[7] и др. Среди них интересно мнение Р. Фахретдинова, считавшего, что с древнейших времен народы Урало-Поволжья (башкиры, «казанские тюрки», чуваши, мишари и др.) образовывали некое этнополитические и этнокультурное единство. Существование этого симбиоза прослеживалось с древнейших времен и продолжало сохраняться в составе Казанского ханства. Но все же основным вкладом этих ученых является публикация и сохранение ряда источников автохтонного происхождения (предания, шежере). Среди краеведов, затрагивавших этот период, можно назвать Д.С. Волкова[8], Р.Г. Игнатьева, Н.А. Гурвича[9], М.В. Лосиевского и др. Им принадлежат публикации отдельных вариантов башкирских преданий и шежере, а также описание материальных памятников истории (городища, мавзолеи, курганы).

В 1925 г. выходит книга А.Р. Фахретдинова[10]. Согласно его концепции, после распада Золотой Орды земли бывшей Булгарии стали территорией Казанского ханства, куда была включена большая часть Мензелинского кантона. Значительную часть исторического Башкортостана (районы Бугульмы, Бирска, Самарской, Оренбургской губерний, Башкортостана и Казахстана, «Уральской губернии») начали занимать мелкие ногайские бии, которые не были оформлены в единое государство и были ориентированы на различные ханства (Казанское, Астраханское, Сибирское). В Казанском ханстве в «совете карачеев» находился один ногай. Ногайское присутствие в регионе в первую очередь отразилось в торгово-экономических связях региона. Западные, поволжские торгово-экономические связи заменяются связи с Сибирью и Центральной Азией.

Середина 40-х гг. XX в. в общественно-идеологической сфере характеризуется выходом знаменитых постановлений ЦК ВКП(б) об идеологической и агитационно-пропагандистской работе в областных комитетах ТАССР от 9.08.1944 и БАССР от 27.01.1945 г. В последующем на их основании были выстроены основные концепции по исто-

рии Урало-Поволжского региона. Новая концепция появилась в результате работы специально созданной «Башкирской комиссии» (июль 1945 г.), куда входили видные ученые СССР и БАССР. Данные мероприятия стали следствием проведенной в мае-июне 1944 г. секретного совещания при ЦК ВКП(б), куда были приглашены ведущие историки Советского Союза: А.В. Ефимов, Е.В. Тарле, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Х.Г. Аджемян и др.[11] На открытии этого совещания Т.М. Маленков оговаривает цели совещания: «Встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков»[12].

Глубинными причинами проведения этих мероприятий идеологического характера стало ослабление бюрократического давления в период Отечественной войны и появление работ, не отвечающих нормам коммунистической идеологии. Основным инициатором организации «Башкирской комиссии» (а также подобных комиссий в ТАССР, КазССР, УзбССР) стал известный историк-медиевист Б.А. Греков.

Согласно выработанной концепции, все дальнейшие работы историков должны были служить идее классовой борьбы и раскрыть, как происходила «совместная борьба башкир с другими народами во главе с русским, установление советской власти и далее построение социализма». В работах ученых Башкортостана, посвященных исследуемому периоду, доминировала мысль о социальном подавлении башкир ханами и противостоянии трудящихся башкир классу феодалов.

Тем не менее именно в послевоенные годы получила дальнейшее развитие башкирская гуманитарная наука. Первой работой, вышедшей на этой волне, стала монография А.Н. Усманова[13]. В работе, посвященной присоединению Башкирии к Русскому государству, рассматриваются особенности отношений башкир с Казанским, Сибирским, Ногайским и Астраханским ханствами. Сама Башкирия оказалась разделенной между этими государственными образованиями, и отношения башкир с ханами характеризовались как враждебные и агрессивные. Большая часть территории находилась под властью ногаев; северо-западные и северные территории – казанских ханов; северо-восточные башкиры оказались под гнетом сибирских ханов и какая-то часть находилась в составе Астраханского ханства. Свое внимание ученый уделил общественным отношениям башкир, рассматривая проблему в традиционных рамках концепции «кочевого» феодализма. Башкирское общество, по мнению А.Н. Усманова, уже

прошло путь феодализации и представляло собой «патриархально-феодальное общество», где собственность землевладения осуществлялась в виде управления кочевьями и наличием скота. К этому времени уже окончательно выделился класс феодалов в лице вождей племен (биев), тарханов и глав богатых семей (баев), «узурпировавших общинные земельные угодья». В политическом плане башкиры в XV–XVI вв. оказались внутренне раздроблены. Иногда разрозненные племена объединялись в достаточно непрочные племенные союзы. Несмотря на фундаментальность работы, весьма специфическая черта характерна для большинства работ этого периода: пронизывающая идея классовой борьбы и оценочная характеристика существующих тогда государственных образований (исключительно отрицательная роль Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств).

Значительное внимание проблеме феодального землевладения в башкирском обществе уделил Р.Г. Кузеев[14]. Рассматривая социальную сущность башкирского рода накануне присоединения к Русскому государству, Р.Г. Кузеев отмечает, что башкирский род представлял собой «тип сельской общины, сохранившей внешнюю форму строения рода», в основе которой лежит дуализм частной и общественной собственности». Собственники на землю выступали в виде иерархической сословной структуры. В основном ими являлись бии или – в случае объединения племен – ханы. Весьма интересные выводы сделал исследователь, рассматривая общественно-политическую структуру башкирского общества. Племя по своей сути являлось сложноструктурной организацией, оно состояло из различных по происхождению родов. К моменту присоединения Башкирии к Русскому государству племена являлись ни чем иным, как территориальными объединениями, не связанными между собой какими-либо кровнородственными узами.

В работе «Происхождение башкирского народа»[15] исследователь рассматривает этнокультурные процессы в Южноуральском регионе. Во взаимоотношениях с казанскими ханами башкиры основывались на принципах так называемого «свободного вассалитета» (термин введен Н.В. Устюговым[16]), с правом свободного выбора сюзеренитета. Ханы Казани стремились привлечь башкир своими пожалованиями с целью обеспечить сохранность границ. Наиболее сложные отношения башкир складывались с Ногайской Ордой. Политическая зависимость от Ногайской Орды сопровождалась массовым

приходом кочевых групп, которых Р.Г. Кузеев ассоциирует с очередной кипчакской волной. В то же время этнокультурные контакты проходили весьма слабо. Они усилились лишь с уходом основной части ногаев, увлекших за с собой часть башкир. Оставшиеся или вернувшиеся ногаи быстро ассимилировались в местной башкирской среде, оставив свой след в родоплеменной этнонимии: ногай-юрматы, ногай-бурзяны и др. В этническом плане к периоду XV–XVI вв. относится окончательное оформление «башкирской нации».

Совместная работа Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой «История Башкортостана с древнейших времен до начала XVI в.» стала по своей сути первой работой после крушения советской идеологической системы. Исследователями Башкирия представлялась весьма интегрированной в административно-государственную систему джучидских империй. Она находилась в улусно-крыльевой и десятичной системе Золотой Орды. Весьма существенную отрицательную роль в истории Башкирии сыграл золотоордынский хан Токтамыш, известный своим противостоянием сначала с Тимуром и затем с Едигеем, достаточно четко отразившимся в народной памяти. В башкиро-ногайских отношениях, опираясь в основном на рассказ К. Муллакаева, исследователи попытались реконструировать цепочку ногайских правителей Башкирии: Басман-хан, Тюра-хан (последняя четверть XV в.), Алтакар (начало XVI в.), Акназар «из местных башкирских ханов, вероятно, ногайского происхождения» (20–30-е гг. XVI в.), Исмаил (30–40-е гг. XVI в.), сын Акназара Ахмед Гирей (середина XVI в.). Привлекая дополнительно археологический материал, исследователи говорят о существовании на месте современной Уфы древней ставки ханов. При рассматривании башкиро-казанских отношений они считают, что начиная с 1468 г. (казанско-русской войны) до присоединения Башкирии к Московскому государству, «интерес России к Башкортостану не прерывался».

Вопрос о ногайском присутствии в регионе рассматривался московским специалистом по истории Ногайской Орды В.В. Трепавловым[17]. Привлекая новый источниковый материал, так называемые «ногайские дела», исследователь определяет личности правителей-ногайцев и годы их правления. Первое появление ногайцев, тогда еще, Мангытского юрта, ученый относит к концу XV в. Наиболее явное присутствие ногайских мурз на Южном Урале относит к первой половине XVI в. Далее, после присоединения башкир к Московскому

государству, появление ногаев в регионе с попыткой сбора дани происходило редко. К XVII в. должность ногайского наместника являлась исключительно номинальной. В.В. Трепавлов восстанавливает следующую цепочку ногайских наместников в Башкирии: Ямгурчи (конец XV в.), Алчагир (начало XVI в.), Хак-Назар (около 1522–1538 гг.) или же будущие нураддины – правители правого крыла Орды и бии Исмаил (1538 – около 1545 гг.), Ахмед Гирей (1546 – около 1558 гг.), Динбай (1558 – около 1584 гг.), Саид-Ахмед (1578 – около 1584 гг.), Капай (конец XVI – начало XVII вв.), Кара Кель-Мухамед (начало XVII в. – 1623 г.). Как полагает исследователь, основным предназначением должности наместника Башкирии стала своеобразная управленческая тренировка будущих нураддинов (правителей правого крыла), или верховных правителей. В работе ученый обратил внимание на характер политических отношений пришлой (ногайской) аристократии с местной (башкирской). Справедливо считает, что основной формой проявления власти ногаев в регионе был сбор дани с местного населения и нахождение в Башкирии ногайской ставки. В отношении башкир не использовались обычные формы зависимости у кочевников (регулирование кочевками, участие в военных кампаниях), которые применялись для ногайского населения. По мнению исследователя, в силу различий в хозяйственном плане Башкирия не смогла полностью интегрироваться в государственную систему Ногайской Орды, которая окончательно сложилась в 1537 г. И как следствие, Ногайская Башкирия оказалась за пределами улусно-крыльевой системы Орды, являясь ее четвертой автономной частью наряду с двумя крыльями и центром.

С довольно оригинальной версией формирования этнополитической карты Приуралья (Закамья) выступил казанский этнолог Д.М. Исхаков[18]. Этот вопрос исследователь затрагивал в рамках изучения проблемы формирования этноса волго-уральских татар. В рамках своей работы Д.М. Исхаков рассмотрел вопрос о башкирах и иштяках, а также вопрос этнополитической истории северо-западного Приуралья. Исследователем привлекается весьма широкий спектр источников: материалы архивов и устная историческая традиция. Рассматривая вопрос об «остяках» и башкирах, он пришел к выводу о том, что эти этнополитические образования различались. К числу первых Д.М. Исхаков относит некоторые нижнебельские и северные группы башкир: гайна/еней, терсак, тазлар, сызгы, балыкчы, кошчы,

упей, юрми и юрматы. Также ко второй половине XVI в. относится появление в Пермском крае оставшихся на Южном Урале ногайских кочевых групп (исследователь априори их называет «татарами»). Далее довольно неожиданно он приходит к выводу, что так называемое «остяко-татарское» население в XVII в. стало продолжением формирования этнической группы Урало-Поволжских татар. «Костяцкая земля», населением которой являлась большая часть отмеченных этнических групп, находилась под двойной юрисдикцией – казанских ханов и ногайских правителей. Д.М. Исхаков считает, что в состав Казанского ханства эта территория (Пермское Приуралье) входила в качестве отдельной единицы.

Аналогичная ситуация сложилась и с «Беловоложской землей» (реки Ик, Зай, Шешма и низовья Белой (по Исхакову – восточное Закамье). Эта территория относилась к одному из «княжеств» Казанского ханства – «Ногайской дороге». Относительно этнического состава этой территории ученый пишет, что основное население Приуралья было ногайским, а существовавшие там племена являлись структурными частями Ногайской Орды.

Н.Н. Томашевская уделила внимание вопросу о занимаемой башкирами территории накануне присоединения к Русскому государству[19]. Опираясь на архивные материалы конца XVI – XVII вв., она пришла к выводу о том, что территория расселения башкир достигала на юге р. Эмбы, рек Б.и М. Узень, Чижинские разливы, низовья Яика; на западе рек Шешма, Зай; на севере – не достигая р. Чусовая; восточными пределами были междуречья рек Пышма и Исеть, Тобол.

В своей монографии башкиро-ногайские и башкиро-казанские отношения рассмотрел Б.А. Азнабаев[20]. Исследователь считает, что ногайское присутствие на Южном Урале имело масштабный характер. Поддерживая выводы Р.Г. Кузеева, он говорит о почти восьмикратном численном превосходстве ногаев над местным населением. Основываясь исключительно на фольклорном материале, ученый пришел к выводу, что ногаи появились в Башкирии как оформившийся этнос и заняли там доминирующее положение в территориальном, военно-политическом и, наконец, в численном отношении. Но, как и башкиры, ногаи сохраняли этнополитическую автономность.

А.Б. Азнабаев предлагает весьма привлекательную версию о специфике башкиро-ногайских отношений. По этой версии, ногаи выступали «принципиальными противниками» ясы Чингисхана, согласс-

но которой лишь отпрыск рода Чингисхана мог претендовать на ханский титул, а стало быть правителя. Оказавшись в Башкирии, ногаи фактически сломали сложившуюся между башкирами и ханами систему поземельных отношений. В их основе лежало признание верховной властью за башкирами вотчинных прав, чего не могли сделать ногаи по причине их незнатного происхождения. Это и обусловило стремление башкирской аристократии уйти из под ногайского засилья, в первую очередь поддерживая казахское нашествие и попытками перехода под юрисдикцию казанского хана. Фактически ногаи, находясь с башкирами на одной статусной ступени, вынуждены были прибегать к методам прямого принуждения. Что, кстати, продолжалось сравнительно недолго (20-е гг. XVI в. – третья четверть XVI в.). Само положение ногайской государственности в системе постордынских государств автор признает исключительным в силу того, что ногаи смогли отказаться от «политико-правовой системы чингисидов». Это давало, с одной стороны, политическую самостоятельность нечингисидской династии в борьбе за власть, с другой – непризнание Ногайской Орды на международной арене.

Особая роль в становлении Ногайской Башкирии принадлежит чингисиду Хакк-Назару, ставленнику Ших-Мамая – самого влиятельного мирзы, а потом бия Ногайской Орды в тот период. При его правлении изменяется характер власти наместника и в Уфе появляется ногайская ставка. В этой связи исследователем также затрагивается вопрос башкиро-казанских отношений. В отличие от ногаев, считает Б.А. Азнабаев, казанские ханы могли и стремились интегрировать башкирскую аристократию в государственную систему ханства, предоставляя им различного рода привилегии (освобождение от налогов) и права на земельные владения.

Вопрос о тарханах Казанского ханства затронул А.З. Асфандияров[21]. Рассмотрев ареал распространения тарханных ярлыков казанских ханов, он пришел к мнению, что юрисдикция ханов охватывала территорию икского бассейна. Получение тарханных ярлыков было отдельной прерогативой башкир данного региона. Так же, что они, подразумевавшие в первую очередь освобождение от ясака и другие привилегии, выдавались подчиненным вассалам на окраинных территориях ханства, «которые могли выставить вспомогательные конные отряды». И единственным источником тарханных ярлыков в XV – первой половине XVI вв. были казанские ханы. Появ-

ление тарханов в Башкирии относят к периоду Золотой Орды или Казанского ханства.

Таким образом, собранный материал за более чем двухсотлетний период и выработанные концепции могут дать общее представление о постордынском периоде истории Башкортостана.

Анализ источников. В рамках работы предполагается использование различного рода источников. Учитывая специфику периода XV–XVI вв., когда археологические источники исчезают, а письменные редки и обрывочны по информативности, основными источниками выступают памятники устного народного творчества. Потому особое внимание уделим устной исторической традиции.

Довольно продолжительное время основным источником по изучению периода XV–XVI вв. был пересказ «башкирской истории» П.И. Рычковым со слов башкирского старшины Кидраса Муллакаева[22]. Остальные же памятники фольклора носили скорее вспомогательный характер («Мерген и Маянхылыу», «Идукай и Мурадым» и др.). Фольклор использовался без соответствующих подходов в методике изучения и предварительного анализа памятников. Богатый фольклорный материал, представленный в нашем случае в виде устной исторической традиции, привлекался частично и весьма предвзято. И подобное отношение к фольклорным памятникам в реконструкции исторического прошлого для историков было характерным довольно продолжительное время. Имеющийся сегодня собранный материал требует основательного, методологически выдержанного подхода.

Проблема реконструкции исторических событий на основе памятников устной исторической традиции весьма слабо затрагивалась в работах специалистов. Очень продолжительное время изучение устной традиции довольно часто оказывалось в плену утилитарного подхода, когда значимость традиции оценивалась исключительно с точки зрения ее социокультурной достоверности. С другой стороны, исследование устной традиции, фольклора как исторического источника часто противопоставляется исследованию его как памятника культуры. Нередко эти подходы рассматриваются прямо или косвенно как взаимоисключающие. Большинству исследователей уже вполне ясно, что фольклор отражает не только культурную, но и социальную реальность времени более раннего, чем время его фиксации. Соответственно он должен использоваться как историко-культурный и

исторический источник не только по времени записи или документированного бытования.

Принципиальное признание широких исторических корней фольклора, возможной связи его «исторических» жанров не только с мифологемами, но и с конкретным фактом, открывает более широкие перспективы для исследователей рассматриваемой проблематики. С другой стороны, жанры фольклора, призванные, по представлениям самих носителей устной традиции, сохранять память о конкретной истории, по-прежнему остаются во многом объектом дебатов между «мифологистами» и «истористами». Для большинства ученых предания остаются, скорее, смутными воспоминаниями о реальных событиях, некоей историей, но историей, искаженной ненадежной народной памятью и мифопоэтическим сознанием. Между тем в последние десятилетия в фольклористике получил широкое распространение функциональный подход к изучению народной культуры[23].

В центре дискуссии по-прежнему проблема источниковедческого характера – применимость материала в качестве источника для воссоздания реалий описываемых времен. Требуется, с одной стороны, установление по возможности конкретных обстоятельств возникновения отдельных сюжетов в их сохранившейся форме, с другой – реконструкция корней этих сюжетов, в том числе традиционных (в эпическом плане) и исторических. Важным звеном в анализе устных памятников является установление функционального значения и соответственно роли традиции в системе политико-правовых, социальных и общественных отношений. Только такой подход, исходящий из синкретического переплетения мифологического и реальности, позволяет определять роль устной исторической традиции и в культурном комплексе, и в отражении действительности.

Из использованных нами источников фольклорного характера в устной исторической традиции мы можем выделить три основных вида источников: 1) исторические предания, эпосы; 2) шежере, генеологические предания и 3) так называемая устная историографическая традиция.

Исторические предания. Предшественником исторического предания, как правило, является классический эпос. Развитие социально-правовых, общественных отношений, а также изменения социокультурной среды (в их числе чингисизм и исламизация общества) обусловили популярность исторических преданий. Классические же

эпосы, во многом хранившие мифологическую память, постепенно утрачивают свое значение, уступая свое место более «приземленным» (историческим) жанрам фольклора. Также меняется и сюжетная ориентированность эпоса, приобретая все более реальную социальную и историческую подоплеку. Теперь главными персонажами выступают не мифические, а вполне реальные герои. Персонаж или сюжет приобретает более конкретную (приближенную к реальности) социальную (хан, бий, батыр, мурза и т.д.) или территориально-политическую (г. Тора-тау, р. Яик, правый берег р. Самары, ямгурчи-кыпсак, бурзян и т.д.) привязку. Причем отчетливая тенденция к точной локализации событий в предании является одной из основных особенностей функционирования исторических преданий[24]. Хотя в то же время можно проследить некоторое сохранение старых эпических пережитков, например, приписывание башкирским предводителям «ханского» статуса, который могли иметь исключительно чингисиды, что, однако, не исключает реальное бытование «ханов» только в башкирской среде, что можно связать с домонгольской традицией. Личные имена все еще продолжают зависеть от эпической традиции и легко подвергаются изменениям на мифологической почве (Бурджан-бий, Идукай, Тура-хан, Касим-хан, Басман-хан и т.д.).

Довольно негативной чертой, воздействовавшей на исследование устной исторической традиции и особенно ее генезиса, являлось жесткое настаивание на исключительно «народном» генезисе всех или почти всех памятников. Тем самым несколько игнорировалась перспектива рассмотрения исторического предания как результат определенной социальной или социокультурной среды. Как отдельный вопрос до сих пор не рассматривалась устная традиция властвующих элит, аристократии башкирского общества, которя выражалась в широком бытовании дружинно-аристократических исторических преданий. Рассмотрение вопроса в таком ракурсе конкретизирует проблематику и позволяет видеть источник в социокультурном срезе.

Историческое предание во время своего возникновения и бытования в определенной этнокультурной среде был выразителем конкретно-исторической ситуации. В информационном плане оно играло огромную роль не только во временном, но и пространственном отношении. То есть историческое предание идеологически «обслуживало» конкретный этнокультурный социум, безусловно, подчиняясь социально-политической жизни и общим идеологическим представле-

ниям в обществе. Со временем предания изменялись или вовсе исчезали. Причиной тому были процессы в самом обществе, связанные с ломкой традиционной социальной структуры и общественной организации. В случае с башкирскими преданиями необходимо учитывать, что среда их бытования существовала весьма продолжительное время. Это способствовало, хотя и с некоторыми изменениями, воспроизводиться преданиям в каждом новом поколении, в первую очередь как память социального и политического строительства.

Собственно, возможность «строительства» и воспроизведения была основной функцией предания как носителя информации. В памяти создавался весьма устойчивый образ традиции, некоего исконного состояния общества, и тем самым устанавливалась система ценностных ориентиров.

Одним из наиболее информативных исторических преданий является эпос о Едигее в различных его вариантах. Сказание имеет широкое распространение у тюркоязычных народов, связанных в своих исторических судьбах с обширной державой чингисидов, т.е. Золотой Ордой периода ее распада, и с Ногайской Ордой, временно объединившей в своих зыбких границах кочевые элементы. Эпос бытовал на обширном пространстве от причерноморских, крымских и прикавказских степей, от Нижнего Поволжья и Урала до Приаралья и Южной Сибири. Поэма о Едигее была записана в разное время у казахов, каракалпаков, узбеков, ногайцев, башкир, туркмен, у тюркских народов степного Крыма и Южной Сибири (сибирских татар и горных алтайцев)[25]. По мнению А.Н. Самойловича, сказание о Едигее возникло среди господствующего класса феодального общества ногайской части Золотой Орды в целях поднятия и поддержания на высоком уровне авторитета власти[26]. Действительно, династия мангытских правителей как никто в бывшем улусе Джучи нуждалась в легитимации и поддержке авторитета. Таким образом, в башкирской среде эпос появился с распространением власти мангытов – конец XV и первая половина XVI вв.

В исследовании использованы различные варианты эпоса. География бытования башкирских вариантов – Башкирское Зауралье (нынешние Баймакский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан), вся южная и юго-западная Башкирия и Оренбургская область (долина рек Ток и Соран) – территория, которая после распада Золотой Орды вошла во владение Ногайского ханства[27].

По разным вариантам эпоса, основной сюжет развивается в рамках взаимоотношений Едигея с правителями Токтамышем и/или Тимуром. Едигей (Идукай) в башкирских вариантах представляется как башкирский герой и защитник народных интересов перед ханом угнетателем и его наместниками.

Использованы различные варианты эпоса «Кусяк-бий», возникшие в среде карагай-кипчакских и бурзянских башкир. В них повествуется о вражде двух биев – Масем-хана карагай-кипчака Бабсакбия и бурзянца Каракелимбета[28]. Один из вариантов эпоса «Мерген и Маянхылыу» описывает ногайский период.

Шежере, генеалогические предания. Стержнем бытования поздней исторической традиции является поколенная запись – шежере, в большинстве случаев в виде генеалогии конкретного рода и зачастую возводимая к мифологическим (или мифологизированным) персонажам. Р.Г. Кузеев определяет эту форму устной исторической традиции как «генеалогическая летопись»[29]. Возражая ему, М.А. Усманов делит шежере на письменно фиксированные – «генеалогические записи», состоящие из «цепи собственных имен – некомментированной таблицы родословной, и «генеалогическое предание» – шежере, возникшее на основе устной исторической традиции[30], характерные как раз башкирской устной исторической традиции. Но при определении шежере как «генеалогия» необходимо учитывать, что подобные памятники далеко не опосредованы родственными отношениями. Однако феномен родства используется в качестве «структурообразующего принципа организации»[31], т.е. родство здесь выступает как способ инкорпорации различных элементов сообщества в единую социальную среду.

Возникновение новой формы (шежере) приводит к «расщеплению» единой истории (ранее отражаемая мифами и мифическими легендами), переходу к поколенному счету времени и т.д. Постепенно, по мере развития социальных отношений и политической организации, смещаются акценты в пользу правящих династий, в том числе через прямое искажение исторических и мифологических фактов. Аристократическая среда становится основным источником и хранителем шежере. Теперь основной функцией устной исторической традиции (в т.ч. шежере, исторических преданий и т.д.) становится содержание информации о правовом статусе и политической роли того или иного рода (или родов) или связанной с ним политической организации.

Шежере, будучи исторической традицией, заключало в себе институциональные элементы, объясняющие этносоциальную структуру общества, политическое устройство.

Не менее серьезные функции прослеживаются в регламентации социальной иерархии общества по принципу происхождения из какой-либо среды и в обозначении соответствующего социального статуса члена этого общества. Одна из важных идеологических функций шежере заключалась в санкционировании права политического верховенства определенной династии, элиты[32]. Примером может служить известная династия чингисидов, которая сохраняла власть не только военной силой государства, но и идеологически обосновывала ее в форме сакральной истории о происхождении родоначальника. Потому устная традиция (в нашем случае шежере) – не просто набор таксономических уровней поколений людей, но и соционормативный регулятор всей жизни общества – будь то семейно-брачные отношения, наследственные права, системы родства и многое другое[33]. Особо следует отметить возможную роль шежере в качестве регулятора статусно-сословных и поземельных отношений в Ордынском пространстве, что является отличительной функцией башкирских шежере.

В XIII в. изменяется политико-правовое пространство, связанное с включением огромных территорий Северной Евразии в унифицированную государственную систему Монгольской империи. В течение столетия формируется особый тип социально-правовых отношений, согласно которым единственной правящей, легитимной династией (в случае с башкирами легитимным сюзереном) на территории Дешти-Кипчака являлись чингисиды. В связи с этим кардинально поменялись и основные сюжеты родовых преданий. Во главе угла становятся сюжеты, обрисовывающие обстоятельства оформления башкирских биев вассально-сеньориальных (в политическом и идеологическом плане) отношений с Чингисханом. Одним из наиболее информативных является шежере усерганских башкир, где говорится о хождении Муйтен бия к Чингисхану и получения от него ярлыка на правление в Башкирии. Именно сформировавшийся культ Чингисхана стал ядром для появления новых мифологем в устной исторической традиции. Апелляция именно к этому периоду истории имеет свой глубокий идеологический смысл в контексте политико-правовых отношений в системе Джучидских государств XIII–XVI вв. В данном случае шежере обосновывали и, можно сказать, обеспечивали полити-

ческие и социальные права на правление над одной политической единицей (род, племя, конфедерация). Шежере несло в себе функцию не столько для поддержания авторитета власти перед своими сородичами[34], сколько перед настоящими и последующими ханами-потомками Чингисхана, которые в свою очередь, обязуясь соблюдать ясу Чингисхана, подтверждали права башкирской аристократии. Как правило, шежере содержало в себе сюжет об акте получения башкирскими биями от хана каких-либо привилегий. Не редко шежере включали в себя тексты ярлыков, выданные верховными правителями башкирам. После присоединения Башкирии к Московскому государству эта джучидская политическая традиция была унаследована русским царями[35]. Юридическая сила башкирских шежере в решении земельных, социальных и других вопросов сохранялась до XIX – начала XX вв. Это способствовало сохранению политико-правового режима в Башкирии, заложенного еще в золотоордынскую эпоху, и было главной причиной выживания структурной единицы башкирского общества. Поэтому значение шежере в башкирском обществе трудно переоценить. Они бережно хранились и передавались из поколения в поколение.

Весьма уместно пересмотреть выводы советских авторов о том, что шежере в XVII–XVIII вв. было пережитком «патриархально-родовой жизни»[36]. В XIX в. шежере еще сохраняло свою функциональную значимость. Все еще сильна была социальная (родоплеменная) организация башкирского общества. То есть форма устной исторической традиции сохранялась до XX в., в то же время сохраняя антураж родового строя в виде генеалогических, порой полумифических построений.

В XVI в., считает Р.Г. Кузеев[37], у башкир появляются письменные шежере, не исключая, что шежере, хотя и редко, записывались и ранее, в начале XVI в. или даже в XV в. Превращение устной исторической традиции в письменные документы исследователь связывает с укреплением в регионе исламской традиции и распространением арабской письменности – XV–XVI вв. Процесс превращения башкирских шежере из устных памятников в письменные документы был довольно длительным. До наших дней шежере дошли в копиях XVII–XIX вв.

В работе использованы шежере и их варианты племен юрматы, усерган, бурзян, карагай-кипчак, салъют, тунгаур, тамьян и др.

Устная историографическая традиция. Отдельного внимания требует свод башкирских преданий и шежере, известный нам как «Дафтар-и Чингис-наме»[38]. Созданный анонимным автором в XVII в., это произведение литературы является попыткой изложения обобщенной истории башкир. В ней преобладает описание эпохи Улуса Джучи с использованием большого количества разнообразных, но противоречивых по своему содержанию устных преданий. Хронологически предания охватывают башкирскую историю примерно XII – XVII вв. Свод состоит из краткого введения и 6 глав:

I. Дастан о роде Чингисхана.

II. Дастан о Хромом Тимуре.

III. Дастан об Амате, сыне Айсы.

IV. Дастан об Идиге-беке.

V. Дастан о местопребываниях и местожительствах ханов.

VI. Дастан по истории[39].

Традиция составления сводов характерна для Ордынской исторической традиции. В первой части труда персидского историка XIV в. Рашид ад-Дина «Джами ат'-таварих» (Сборник летописей) наряду с более ранними историческими работами автор широко использовал устные предания, родословные тюркских и монгольских племен, генеалогии князей и т. д. Древняя монгольская летопись «Сокровенное сказание», составленная в 1240 г. при дворе хана Угедея, также базируется на официальных монгольских генеалогиях, преданиях. В нашем случае весьма интересны сочинения хивинского хана XVII в. Абул-Гази «Шаджара-и таракима» (Родословная туркмен) и «Шаджара-и турк» (Родословная тюрок). В основу этих сочинений были положены генеалогические предания, родословные. В известном смысле сочинения Абул-Гази являются обобщенным переложением распространенных среди туркмен шежере.

В.П. Юдин подобного рода произведениям даст собственный термин – устная кочевая историография. По его определению, «…это историческое знание кочевников Дашт-и Кыпчака, …которое в послемонгольский период предстает уже выделившимся из общего знания кочевников в особую область»[40]. В нашем случае «Дафтар…» несет не столько политико-правовое значение (на что делают основной упор шежере), сколько маркирует идеолого-политическую ориентированность социума-носителя. То есть несколько сменился акцент в идеологии, где возрастает роль общенародных межплеменных пред-

ставлений о прошлом. Нельзя не учитывать и тот факт, что источник создавался в экстренных условиях – в конце XVII в. период русско-башкирского противостояния[41].

И.Л. Измаилов в традициях чингисизма произведений типа «Дафтар-и Чингис-наме», «Чингиз-наме» Утемиша Хаджи, «Родословная туркмен» Абул-Гази и других видит этническую составляющую. Как считает исследователь, памятники возникли в среде военно-феодальной знати Улуса Джучи, ко времени составления сводов уже представлявшей татарскую этнополитическую общность. Чингисизм служил для «укрепления собственной легитимации» той или иной династии. Именно в рамках этой золотоордынской исторической традиции «сформировались основополагающие представления о … этнополитическом единстве татар»[42]. Однако такой подход, как нам представляется, значительно упрощает взгляд на информативность подобных памятников. Не касаясь весьма расплывчатых этногенетических построений И.Л. Измаилова, важно отметить, что использование чингисизма (культа Чингисхана) в устной исторической традиции не является прерогативой одной этнополитической группы. Как мы увидели на примере башкирских шежере, политический культ принимал довольно своеобразные формы и в какой-то мере был главным условием для выживания устной исторической традиции (конечно же, в случае сохранения самой социокультурной среды). Поэтому, вероятно, анализ подобных памятников должен основываться на анализе отдельных преданий этих сводов и вычленяться из общего фона исторической традиции конкретного этнического образования. Что касается непосредственно «Дафтар-и Чингис-наме», то в состав этого памятника входят исторические предания, которые в эпической форме отражают башкирскую этнополитическую общность. Как, например, в первой главе, где рассказывается о происхождении и жизни Чингис-хана. Но если эти сюжеты относятся к традиции чингисизма, то центральным сюжетом главы является хождение биев во главе с Майкы-бием в поисках Чингисхана и получения от него племен на управление (бау-бау халык) и атрибутов власти (кош, оран, тамга, сауыт, агач), что выражает идеологическое обоснование политико-правового статуса и единство этих племен. Культ Чингисхана – налицо, и, как правильно отмечает Измаилов, в «Дафтаре…» «присутствуют практически все элементы истории, присутствующие в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина»[43], но предание обеспечивает от-

дельный социум Южного Урала и, как правило, подчиняется устной традиции своей среды. В этом свете нам представляется, что так называемая «этноформирующая» роль подобных преданий является не более чем литературной традицией, не формирующей общество, а напротив, отражающей его реалии. И такая культурная традиция была главным условием для «выживания», а если точнее, адаптации традиции исторической. Она не могла служить «важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских общностей и выработки татарской этнополитической идентификации»[44], так как этническая традиция не может быть фактором появления нового самосознания этноса. В ином случае нарушаются причинно-следственные связи.

В то же время не исключается «обратная связь» между этническим массивом и династийными преданиями. Безусловно, процессы в политической организации, включающей различные этнические группы (например, кочевые вождества и Ногайская Орда), в случае долговременного сохранения, несомненно, приведут к формированию единой для всех устной дружинно-аристократической традиции. Но устная историческая традиция – отнюдь не решающий фактор и она опосредована уже оформившимися политическими и социальными институтами, причем далеко не в рамках «единого» Улуса Джучи, а в разных его частях, с присущей для каждого региона (улуса) общественно-политической и социально-экономической спецификой. Потому решающие факторы, влияющие на формирование этноса, следует относить на совершенно иную плоскость, более «реальную».

До сих пор окончательно не решен вопрос об этнической среде возникновения этого памятника. О «Дафтаре…» как татарском источнике впервые сказал Н.Ф. Катанов[45]. Позже это определение на основании специфики географических названий и языка памятника попытались обосновать А. Азизи и А. Рахим[46]. Хотя сегодня на основе топонимических и языковых признаков весьма сложно определить этническую среду[47]. Тем более, что язык «Дафтара…» являлся родным литературным языком для всего тюркского мусульманского Урало-Поволжья и потому не нес в себе конкретного этнического окраса. Более того, на схожем языке до начала XX в. записывалась основная масса башкирских преданий и шежере[48]. М.А. Усманов, несмотря на то, что оговаривается об условности принятия «Дафта-

ра…» как «татарской летописи» в историографической традиции[49], в дальнейшем своем повествовании «татарскую» принадлежность источника принял априори, без каких-либо доводов[50]. Он считает, что памятник возник в среде татарской аристократии, находившейся в этот период на Южном Урале в окружении башкирского населения. Однако большое количество башкиризмов (этнонимов и топографических названий, связанных с историческим Башкортостаном), о которых упомянул и М.А. Усманов[51] (он это выделяет исключительно как территориальный признак), а также ярко выраженная идейная направленность некоторых сюжетов (см. приложение 3) произведения указывает на башкирскую ориентированность источника, соответственно – на этническую среду его возникновения.

Кроме «Дафтар-и Чингис-наме», к числу устной историологической традиции можем причислить еще ряд произведений. Упоминаемый нами рассказ башкирского старшины Ногайской дороги Кидраса Муллакаева также относится к устной кочевой историографии. Со слов П.И. Рычкова нам известно, что это произведение существовало в письменной форме, но в 30-е гг. XVII в. бесследно исчезло[52]. Оно представляло собой цельное произведение без существенных лакун и сюжетных «скачков», в нем повествовалось о правителях в Башкирии в хронологическом порядке .

Таким образом, если подходить к рассмотрению вопроса источниковой обеспеченности, то привлечение устной исторической традиции возможно лишь при учете характера, условий возникновения и функционирования памятников.

---

[1] *Султанов Т.Н.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. – Алма-Ата, 2001. – С. 60.

[2] *Рычков П.И.* История Оренбургская. – Уфа, 2001. – С. 181–183.

[3] *Уметбаев Мухамедсалим.* Ядкар (на баш. яз.). – Уфа, 1984. – 288 с.

[4] *Сокорой Ғ.* Шам яктыхы. – Уфа, 1995.

[5] *Фахретдин Р.* Болгар ва Казан торекларе. – Казан, 1993. – 287 с.

[6] *Хадыев М.* Башкорт тарихы // Башкорт тарихы. Сост. Р.Ф. Ражапов. – Уфа, 2007. – С. 9–70.

[7] *Атласи Х.* Себер тарихы. Соенбика. Казан ханлыгы. – Казан, 1992. – 448 с.

[8] *Волков Д.С.* Материалы к истории г. Уфы. Т. I / НА УНЦ РАН. Ф.23. Оп. 1, д. 1.

[9] *Гурвич Н.А.* Описание г. Уфы // Справочная книжка Уфимской Губернии Отд. IV. – Уфа, 1883.

[10] *Резяпов Р.Ф., Хадыев М., Фахретдинов А.* Башкорт тарихы. – Уфа, 2006. – С. 75–176

[11] *Юсупов Ю.М.* Советская концепция в трактовке истории Золотой Орды // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 232–241.

[12] *Амиантов Ю. Н.* Вступит. статья // Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 49.

[13] *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству. – Уфа, 1949.

[14] *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1957.

[15] *Он же.* Происхождение башкирского народа. – Уфа, 1974.

[16] *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. – Уфа, 1950.

[17] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии XV–XVII в. // Материалы и исследования по истории и этнографии Башкирии. – Уфа, 1997. – С. 3–27.

[18] *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – 288 с.

[19] *Томашевская Н.Н.* От социального пространства к социальному времени: опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. – Уфа, 2002.

[20] *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную систему Русского государства. – Уфа, 2005.

[21] *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. – Уфа, 2006. – 160 с.

[22] *Рычков П.И.* История Оренбургская. – Уфа: Китап, 2001. – С. 181–183.

[23] *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. – Спб., 1994. – С. 45.

[24] Там же.

[25] *Жирмунский В. М.* П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 142–143.

[26] *Самойлович А.Н.* Вариант указания о Едигее и Токтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник. – М., 1974. – С. 191.

[27] *Зарипов Н.Т* Исторические сказания (вступит. статья) // БНТ. Т.10. – Уфа, 1999. – С.11.

[28] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 134. Л. 33; *БХИ.* IV т. – Уфа: Китап, 1999. – С. 304; *БХИ.* Т. VII. – Уфа: Китап, 2004. – С. 247–248; *БХИ.* IV т. – Уфа: Китап, 1999. – С. 304.

[29] *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 74.

[30] *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XV–XVII вв. – Казань, 1972. – С. 169.

[31] *Попов В.А.* Родство как принцип организации нетрадиционных социальных институтов // IV Конгресс этнографов и антропологов России. 29 июня – 3 августа 2006. – Спб., 2006. – С. 132.

[32] *Махсат Алпысбес.* Шежере как идеологический институт традиционного общества // www.ia-centr.ru (http://www.ia-centr.ru/comments.php?id=287)

[33] *Муканов М.С.* Из исторического прошлого: (родословная племён керей и уак). – Алма-Алта, 1998. – С. 7.

[34] *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. – С. 154

[35] *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России. XV–XVII вв. – М., 2007. – С. 145.

[36] Например, *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. – Уфа, 1989.

[37] *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа... – С. 63.

[38] *Башҡорт* халыҡ ижады. VII т. – Өфө, 2004. – 143–179 б.

[39] *Усманов М.А.* Указ. соч. –С. 97 – 98.

[40] *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тукатимуридов в казахских степях XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Чингыз-нама. – Алма-Ата, 1992. – С. 65.

[41] О времени появления памятника см.: *Надергулов М.Х.* Историко-функциональные жанры башкирской литературы. – Уфа, 2004. – С. 78–79.

[42] *Измаилов И.Л.* Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань. –С. 249; *Исхаков Д.М., Измаилов И.Л.* Этнополитическая история татар в IV – первой четверти XV в. – Казань, 2000. – С. 98.

[43] Там же. С. 252.

[44] Там же. С. 257.

[45] *Катанов Н.Ф., Покровский И.М.* Отрывок из одной татарской летописи. – Казань, 1905. – С. 1–2.

[46] *Инан А.* «Дастан-ы насел-и Чингис хан» китаыб хакында // Агидель. – 1996. – № 4. – С. 153.

[47] Например, *Гумилев Л.Г.* Этногенез и биосфера земли – М., 1997. – С. 32; *Бромлей Ю.В.* Очерки по этнографии. – М., 1972. – С. 54

[48] Напр. *Галяутдинов И.Г.* Два века башкирской литературы. – Уфа, 2005.

[49] *Усманов М.А.* Указ. соч. – С. 100.

[50] Там же. – С. 126.

[51] Там же. – С . 128.

[52] *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 181.

Глава I. БАШКОРТОСТАН В СИСТЕМЕ ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

§ 1. Обстоятельства и историческое значение вхождения башкир в состав Монгольской империи

В начале XIII в. в степях Евразии произошли значительные изменения. Многие кочевые монгольские и тюркские племена были объединены в могущественное централизованное государство. Находясь под предводительством Чингисхана и его сыновей-преемников, они совершали свои знаменитые завоевательные походы. Все народы и страны, включенные в Монгольскую империю, оказались вовлечены в глобальные евразийские процессы, обусловившие дальнейший ход истории. В отношении истории Башкортостана – именно в период нахождения в составе Монгольской империи, а затем и Золотой Орды были заложены основные принципы политико-правовой и социальной жизни, которые определяли развитие башкирского общества в XV–XVI вв.

Вопрос о вхождении в Монгольскую империю и нахождении Башкирии в системе политико-правового пространства империй чингисидов до сих пор остается малоизученным.

А.-З. Валиди, основываясь на сведениях из «Сокровенного сказания», полагал, что башкиры в 1207 г. добровольно приняли подданство Чингисхана в период первой военной компании монгол под предводительством Джучи[1].

На основании сведений башкирских шежере А.Н. Усманов сделал вывод о том, что в период создания монгольской империи у башкир сложилось вотчинное право, которое сохранялось продолжитель-

ное время вплоть до времени присоединения к Русскому государству. Очевидно, ссылаясь на свидетельство Юлиана, Л.Н. Гумилев относит завоевание к 1220–1235 гг.[2]

А.Н. Мажитов и А.Н. Султанова, не отрицая возможность более позднего завоевания Башкортостана, предположили, «что часть башкир вошла в состав государства монголо-татар в 1219–1220 гг., когда главная ставка Чингисхана находилась на Иртыше»[3]. В этом акте исследователи видят продолжение подданнических отношений между башкирами и Чингисханом, начатых еще в 1207 г., давшие башкирам политическую самостоятельность в рамках Монгольской империи и Золотой Орды.

Академик АН РБ Г.Б. Хусаинов, основываясь на башкирских летописях (шежере), считает, что после упорного сопротивления монгольскому завоеванию, башкиры дипломатическим путем смогли сохранить собственные институты домонгольской «ханской» власти и суверенитет[4]. Несмотря на то, что в первой половине XIII в. башкиры оказались разбиты завоевателями, формы башкирской государственности продолжали функционировать. А башкирские «ханы» и «улуг бии» в рамках собственных улусов продолжали оставаться полновластными правителями.

По мнению В.А. Иванова и А.Ф. Яминова, окончательное завоевание башкир следует относить к более позднему времени. Монголам пришлось повторить военные действия в 1241 г. в лесных районах Волго-Урала, после возвращения из западного похода[5]. Лишь тогда произошло окончательное завоевание региона. Исследователи также говорят о части башкир, добровольно вошедших в состав империи Чингисхана.

Б.А. Азнабаев считает, что именно договорные принципы взаимоотношений башкирской аристократии с монгольскими правителями легли в последующем в основу отношений между башкирами и русскими царями. Исследователь полагает, что именно добровольный характер присоединения гарантировал башкирам право на самоуправление и земли в составе империи, что давало возможность сохранения социального статуса собственной знати. Исследователь выводит некоторые принципиальные общие моменты в актах принятия подданства башкирами монгольского императора и московского государя. Во-первых, частью процедуры установления добровольного подданства была поездка глав родоплеменной структуры к вер-

ховному правителю в его столицу. Во-вторых, преподношение подарков, в-третьих, утверждение вотчинных прав новым сюзереном на занимаемые земли с указанием границ и подтверждение статуса главы – бия с наследственной властью[6].

Со своей точкой зрения выступил автор данной работы, видя в акте, совершенном в начале XIII в. между башкирскими биями и ханом, результат «политики объединения», которую первоначально (до 1219 г.) проводил Чингисхан, в период активного расширения границ империи. Обе стороны руководствовались древними представлениями и традициями кочевников, заложенными еще в скифо-сарматскую эпоху. Кочевые племена с общим жизненным укладом, идеологическим и правовым мировоззрениями, послужили основой для консолидации в политическое образование.

В 20 – 30-е гг. XIII в. в состав Монгольской империи были включены значительные территории Сибири, Восточной Европы и Средней Азии. Безусловно, «объединение» территорий шло военным путем. Пик военного противостояния башкирского населения с монгольскими завоевателями пришелся на 30-е гг. XIII в. После смерти Чингисхана во главе империи встает его сын Угедей. Он, продолжая завоевательную политику отца, в 1232 г. в поволжские регионы направляет свои войска во главе с Батыем.

Сопротивление башкир войску Батыя нашла свое яркое отражение в народном творчестве. Вот что о войне с Батыем повествует историческое предание «Мерген и Маянхылыу»:

У гор Уральских мятежный норов –
Не подчинятся без кровопролитья...
Сам Батый-хан покушался... И что же? –
Сгинул навек, обесславленный тоже[7].

В предании «Бурзяне во времена ханов» говорится: «Во времена Чингиса, Батый хана были очень жестокие войны. Народ старался не пропустить к своим землям, лесам и горам войско хана»[8]. Наиболее показательным является легенда «Биксура батыр». «До нашествия Сынгыза, Батыя устье Агидели, рек Ик, Малле и Минзеле были полноводными, богаты рыбой… В этих местах кочевали башкирские племена байляр, буляр… Сюда приходит война хана Батыя, который пожелал захватить страну булгар; они начали людей вешать, рубить,

хватать имущество. Особенно сильно пострадал и впал в большое горе род Карагай-Атая, проживавший по рекам Минзеле и Ик. Седобородый Карагай-Атай, не согнувшись перед врагом, был казнен перед всем родом. Всему мужскому населению, кто выше колена лошади, отрубили голову. В плен увели всех женщин и девушек. Схватили все имущество, табуны лошадей… В этот момент с охоты возвращался старший сын Карагай-Атая Биксура… Он, оседлав своего коня, скачет к племени байлар, ыласын, буре. Собрав воинов, готовых идти в огонь и в воду, выступает против Батыя. Устроив засаду, перебил людей Батыя, направлявшихся на штурм Булгара. Так отбито первое наступление на Булгар»[9].

Это предание определенно отражает войну 1232 г. Отнесение отразившихся в нем событий именно к этому времени подтверждает дальнейшее повествование эпоса: «Года через три Батый хан снова направил большое войско в страну булгар. Биксура со своими егетами снова поднялся на борьбу»[10]. Действительно, примерно через три года, в 1236 г., состоялось второе главное наступление монгол на Запад. После чего было завоевано все Урало-Поволжье.

О войне монгольского войска с башкирами говорится и в записях Юлиана: «Татары, столкнувшись с ними (т.е. с башкирами. – *Ю.Ю.*), не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими»[11]. О тех же событиях говорится и в летописях: «Приидоша татарове и зимоваша не дошедше Великого града Булгарьского»[12]. Батый в 1232 г., пройдя Яик, южную территорию исторического Башкортостана, был задержан в Приуралье, где монгольская армия встретилась с объединенными силами башкир.

Окончательное завоевание Башкирии монголами состоялось в 1236 г. По сообщениям Юлиана можно судить, что в 1236–1237 гг. в регионе уже была установлена власть монголов. Плано Карпини сообщает: «Возвратившись оттуда, они (монгольские завоеватели. – Ю.Ю.) пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, те есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, те есть великой Венгрии, они победили и их»[13]. Это событие имеет в виду и Рашид ад-Дин, говоря, что, хотя страны Булар и Башгирд были завоеваны, жители их «снова восстали»[14].

Содержательными источниками, характеризующими особенности политико-правовых отношений между башкирами и ханами, явля-

ются башкирские шежере. В них повторяется мысль о хождении башкирских биев к Чингисхану, где за службу при его дворе получают бийства, и земли[15].

Ярко данная традиция шежере отложилась в летописном своде шежере и преданий (устная кочевая историография) анонимного автора «Дафтар-и Чингис-наме»[16], составленного в XVII в.[17] В нем говорится о том, что Чингис, став правителем, завоевывает всеобщее уважение. Это порождает зависть у старших братьев. Они вынашивают план убийства хана. Чингис вынужден скрыться. Место, где он находится, знает только мать. Старшие братья тиранят и унижают людей. Народ, оставшись в бедственном положении, решает отыскать и вернуть своего хана. Главы родов, узнав от Алангуа (матери Чингиса) местопребывание Чингиса, отправляются в путь. Во время встречи биев с Алангуа, ханша незаметно для других дает одному из них – Ушын Майкы-бию – свое золотое кольцо, что бы тот показал его хану в знак пароля. Главы родов: Уйшын Майкы-бий, Калдар-бий[18], Кипчак-бий, Тамьян-бий, Кираит-бий, Буртак-бий (Юркыта), Тимер Кутлу-бий, Муйтен-бий, Теленгут, спустя три месяца, после долгих поисков находят Чингисхана и уговаривают его вернуться. Далее в предании говорится о том, как Чингисхан за верность своим биям выдавал атрибуты политической власти (тамги, кличи, сосуды) вместе с племенами на правление (бау-бау халыk).

В шежере усерганских башкир, которое сохранилось в нескольких вариантах, повествуется о Муйтан-бие, который от имени башкир с большими подарками ездил к Чингисхану, добился его расположения. В стихотворном варианте шежере, в частности, сказано:

Нагрузив пять пар верблюдов (подарками),
Он ездил к Чингисхану.
Хан оказал ему почести,
Посадил его рядом с собой.
Получил он похвалу от хана,
Визиром сделал его хан за жизнерадостность,
Во всем угождал падишаху,
Украшал его окружение,
Оказывал ему много почестей и уважения,
Если говорил пой – пел,
Если просил рассказать – рассказывал.

Вернувшись оттуда, Муйтен-бий
В своей стране был бием[19].

По другому варианту этого шежере, более полного в информативном плане, в результате этого посольства Муйтен-бий получил от Чингисхана «ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по Уралу, Яику и Сакмаре»[20].

В полученном ярлыке сказано следующее: «Муйтену сыну Туксаба, дано право на владение. До конца жизни быть ему бием, бием будет один из его сыновей. Так из поколения в поколение никому, кроме внуков и правнуков Муйтена, отдано не будет. Каждый из них будет владеть без избрания вечно, это право дается роду Муйтена, роду Туксаба»[21].

Описанное в шежере подтверждается письменными источниками. Юлиан также сообщает о том, что после 14-летнего противостояния «татары» вынуждены были избрать башкир в «друзья и союзники»[22].

В этой связи, для более детального понимания башкиро-монгольских взаимоотношений, следует коснуться особенностей характера формирования Монгольской империи. Дело в том, что сложение любой кочевой державы подразумевает объединение разноэтничных кочевых племен. Тенденции к объединению народов евразийских степей зародились задолго до основания империи Чингисхана. В то же время общий тип хозяйствования являлся далеко не главным фактором сближения. Основной причиной было сложение степных политико-правовых и идеологических норм, ставших характерными для большинства народов евразийских степей[23].

Монгольские правители, умело используя существовавшие традиции, сумели объединить целый ряд сильных и влиятельных племен. В ходе этой объединительной кампании без особой конфронтации был присоединен ряд регионов: Тувино-минусинский регион подчинился без единого сражения в 1207 г. Джучи был встречен кыргызской знатью, которая преподнесла ему символические дары и присягнула на верность[24]. Телесы и теленгуты – основные обитатели Алтая, также подчинились монголам без сопротивления. Ни один источник не сообщает о войне монгол с йемеками (т.е. кимаками) хорезмшаха. В 1211 г. сложился монголо-уйгурский союз. Без какой-либо конфронтации были присоединены карлуки Алмалыкского княжества[25].

Скорее всего, уже установившиеся правовые нормы вассально-сеньориальных взаимоотношений между монгольскими правителями и представителями местной аристократии легли в основу башкиро-монгольского «союза».

Уточняя термин «вассально-сеньориальные отношения», следует оговориться. Вопрос о феодализме и феодальном праве в кочевом обществе до сих пор остается дискуссионным. Основной вопрос экономической базы, которым в типичном феодализме является земельная собственность, не раскрыт. Поэтому в первую очередь под термином «вассально-сеньориальные отношения» подразумеваются отношения между верховной властью и подданными исключительно в политическом и идеологическом смысле.

Однако при рассмотрении источников различного характера мы столкнулись с противоречивыми сведениями об обстоятельствах вхождения башкир с состав Монгольской империи. С одной стороны, практически все исторические предания повествуют о жестком противостоянии монгольскому завоеванию, с другой – почти во всех шежере данный сюжет отсутствует. Напротив, большинство шежере говорят о принятии подданства Чингисхана.

При рассмотрении приведенных нами и ряда других подобного рода башкирских шежере следует учитывать то, что с формированием Монгольской империи и далее Золотой Орды в идеологической сфере среди всего населения империи и в особенности аристократии сформировался так называемый культ Чингисхана. Согласно ему теперь единственными полноправными правителями выступали исключительно чингисиды. Этот культ, вероятнее всего, и проявился в полной мере в родословных и преданиях. Так, многие башкирские шежере начинают свое повествование именно со времен Чингисхана, возводя его нередко к полулегендарным предкам-правителям (Юрмибий, Бурджан-бий, Темир Кутлуг-бий, Муйтен-бий и т.д.). Отсутствие фактов башкиро-монгольского противостояния в источниках типа шежере объясняется тем, что отражение добровольного подданства и получения за это определенных прав от легитимных правителей (в данном случае Чингисхана) обеспечивал шежере в данном государстве на последующие поколения социально-правовым и политическим содержанием. Пока по неизвестным причинам именно в шежере, в отличие от исторических преданий, сюжеты военного противостояния (которые, без сомнения, имели место быть) замещаются к

тому моменту необходимым идеологизированным сюжетом – принятие «даров» Чингисхана. То есть если сравнивать шежере и исторические предания в функциональном плане, то в данном сюжете (обстоятельства вхождения в состав Монгольской империи) выявляются их принципиальные различия. Шежере представляется как идеологический инструмент перманентной политической ситуации. Историческое же предание – больше мировоззренческого плана. Более того, можно сказать, что шежере создавалось в более узком социальном пространстве, нежели историческое предание. Но рамки этого пространства на данный момент определить весьма сложно.

После завоевания Урало-Поволжского региона эту территорию по завещанию Чингисхана унаследовал старший его сын Джучи. Территорию этого улуса составили следующие регионы: «От Хорезма до Яркенда, Согда (по другому Дженда), Сарая, города Маджара, Азака, Судака, Булгара, Башгирда и Джулымана» (Ибн Халдун, ум. в 1406 г.)[26] То есть значительная территория – от Алтая до Дуная – входила в состав улуса Джучи. Ко времени правления Бату относится деление улуса Джучи на две части. Левое крыло отходит сыну Джучи – Орде, правое – сыну Бату. Хан Орда со своими братьями занял восточные и юго-восточные земли улуса Джучи. Эти улусы имели свое цветообозначение: улус Бату – Ак-Орда, улус Орды – Кок-Орда.

Позже был выделен удел другому брату Бату – Шибану. Ему досталась территория от восточной стороны Яика, Южного Урала и Западной Сибири (Ибирь-Сибирь) до Семиречья. Утемиш-Хаджи («Чингиз-наме», XVI в.) и ряд других авторов обозначают ее как Серая Орда[27]. Однако он не был третьим равноправным улусом в уделе Джучи. Появление улуса Шибана – результат вторичного деления одного из двух крыльев улуса Джучи.

Итак, Башкортостан относился к правому крылу улуса Джучи. Однако не ясен вопрос о том, к какому улусу принадлежали башкирские территории по вторичному делению. Прямого указания об этом в известных нам письменных источниках нет. Г.А. Федоров-Давыдов определяет границу между собственно улусом Бату и улусом Шибана «где-то между Уралом и Волгой»[28]. Л.В. Егоров считает, что ею была река Яик. В пользу последней версии говорит письменный источник. Шибану, при наделении его улусом, было определено кочевать на восточной стороне Яика: «Юрт, в котором ты будешь

жить…, будет между юртом Бату и юртом старшего моего брата Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика – по рекам Иргиз, Санух, Орь, Илек, до горы Урал, а время зимы – в Аракуме, Каракуме и побережьях р. Сыр в устьях Су и Сарису»[29]. Как видим по этому источнику, восточная и южная часть башкирских территорий вошла в территорию кочевания Шибана. Это же подтверждает и сообщение Плано Карпини: «Четвертая (река. – *Ю.Ю.*) называется Яик, у нее переходят с места на место два тысячника, один – с одной стороны реки, другой – с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек (Днепр, Дон, Волга, Яик. – *Ю.Ю.*) поднимаются на горы»[30]. По версии Л.В. Егорова о реке Яик как о межкрыльевой границе[31], восточный тумен должен относиться к улусу Шибана. О летних кочевьях потомков Шибана пишет Абул-Гази: «После смерти Фулада (Пулата, в 1411 г. убитого Джелатдином) два его сына, Ибрахим и Араб-шах, разделив владения отца, жили совместно, кочевали и располагали ставки летом в верховьях Яика, зимой – в устье Сыра»[32].

Интересно сообщение Ибн Фадаллаха ал-Омари (ум. в 1348 г.): «Зимовье царей этого государства (Золотой Орды при Узбеке. – *Ю.Ю.*) Сарай…, а всегдашнее летнее пребывание их, *как у всех царей и правителей Турана* (т.е. шибанидов. – *Ю.Ю.*), на горе, называемой Уруттаг»[33] (выделено авт.). Под названием Уруттаг принято считать Ала-Таг – часть Алайского горного хребта, горы на западе Карагандинской области, к северу от р. Сарысу. А-З. Валиди в названии Уруттаг усматривает название горы Юрек тау которая находится на берегах р. Агидель близ современного города Стерлитамак[34]. Под этим термином (Уруттаг) могли подразумеваться Уральские горы. Так, далее в источнике сказано: «Вся отделенная им (правителям Сарая. – *Ю.Ю.*) часть и все остальные земли Туранские (лежат) к югу от него (Уруттага. – *Ю.Ю.*)»[3]. Здесь видно, что «Уруттаг» был северной территорией владений шибанидов, где постоянно кочевали правители «Турана». Это лишний раз подтверждает источник, приведенный нами выше о местах кочевания Шибана. Он же указывает на то, что там в это же время часто летовали и сарайские ханы и что Уруктаг находится севернее «основной» территории улуса, то есть Сарая – главной ставки золотоордынского хана. Таким образом, Ибн Фадаллах ал-Омари в своем сочинении имел в виду Южный Урал, а свое название эта территория получила от более известного восточ-

ным географам горного хребта, расположенного южнее, в юго-восточном Казахстане.

А.-З. Валиди считает, что башкиры были подчинены правителям-шибанидам. Именно с этим он связывает появление на территории исторического Башкортостана топонимов, включающих слово «тура» (Тура-тау, Тура-хан тубаһы)[36]. Судя по письменным источникам, скорее всего так и было. Однако это касалось лишь части башкирской территории.

Обратимся к картографическим материалам. На карте братьев Пацигано (1267 г.)[37] и в Каталонском атласе (1275 г.)[38] примерно между реками Кама и Яик южнее известного города «Pascherti» (Башкорт) на устье р. Уфы обозначен город(?) «Civitas de Marmorea» (civitas – город, marmorea – мраморный (лат.)). Несколько точнее он локализуется в более поздних картографических работах XV–XVII вв.[39] Там он располагается, как и на карте братьев Пацигано и в Каталонском атласе, ниже «Pascherti», но уже соединяется с ним рекой. Поэтому река, соединяющая «Pascherti» и «Civitas de Marmorea», является продолжением р. Агидель. В этом случае можно расположить «Civitas de Marmorea» более конкретнее. Дело в том, что на территории современных Ишимбайского и Стерлитамакского районов Башкортостана находятся два шихана, подпадающие под «описание» западноевропейских картографов. Это Шаке-тау и Тура-тау. У обеих гор есть природное свойство – белый цвет. Скорее всего, этот уникальный для региона естественный признак одной из этих гор и мог вызвать у информаторов составителей карт ассоциации с мрамором.

На Каталонском атласе «Civitas de Marmorea» обозначен как значимый пункт с крупным изображением крепостных стен и куполов. То есть составитель был уверен, что этот район имел какое-то особое значение. В купе со сведениями Ал-Омари о расположении летовок в горах на севере от Сарая и Карпини о том, что один тумен, кочевавший по западному берегу Яика, поднимался в горы, «Civitas de Marmorea» западноевропейских карт и мог быть обозначением «конечного пункта» этой кочевки, т.е. летовки.

В течение второй половины XVI – XVIII вв. территория, прилегающая к вышеупомянутым шиханам, являлась вотчиной башкир юрматы. Однако в XIII в. их территория находилась в Приуралье в междуречье Степного Зая и Шишмы и западнее[40]. В XVI в. район «Мраморного города» без осложнений с соседними племенами занимают

(а позже оформляют как вотчину) юрматынцы. То есть она была «свободна» от вотчинных прав других родов. Возможно, такая ситуация могла сложиться в том случае, если бы эта территория была в непосредственном ведении монгольской кочевой аристократии и использовалась ею непосредственно для организации кочевок и на которую не имели бы хоть и номинальные права местные башкирские роды.

Таким образом, территория Башкортостана входила в оба улуса Золотой Орды одновременно. По улусно-крыльевой принадлежности мы можем условно разделить ее на «восточную» и «западную» части, где «восточная» относилась к улусу Шибана, «западная» – соответственно к Сараю. Однако очертить более четкие границы улусов из-за скудности источников не представляется возможным. Более того, сложность описания границы объясняется тем, что крыльевое деление весьма поверхностно коснулось Башкирию и, скорее всего, было номинальным, нежели фактическим. То есть разделение исторического Башкортостана на различные крылья Золотой Орды было не столь жестким.

Судя по археологическому материалу, монгольское присутствие сравнительно сильно проявилось на юге Башкортостана, что выразилось в смешении различных этнических групп (башкиры, кипчаки, монголы), тогда как в Центральном и Западном Башкортостане какой-либо значимой инкорпорации в башкирскую среду не наблюдается[41]. Но, скорее всего, присутствие монгольской аристократии на Южном Урале было спорадическим и непродолжительным. Тем более, что основная масса монгольской аристократии с большим желанием использовала для своих кочевок огромные степные просторы Дешта, нежели лесостепные и лесные районы Приуралья. Тем не менее башкиры потеряли значительные земельные пространства, преимущественно в степной зоне. Как мы увидели по данным шежере усерган, Муйтен-бию по ханскому ярлыку принадлежала почти вся территория башкирского «улуса», в которую входила в том числе огромная территория всего среднего и верхнего бассейна р. Яик. В нашем же случае башкирские территории были урезаны как минимум до р. Яик. Эту утрату башкиры стремились компенсировать расширением своих владений на севере. Тогда возникли новые маршруты их кочевий, как, например, от устья р. Уфы до Средней Камы. С этим и может быть увязано появление в Кунгурском крае кочевнических захоронений в местности Селянино с вещами XIII–XIV вв. Происхо-

дит плотное заселение горно-лесных и лесных районов Южного и Среднего Урала[42]. Несмотря на существенные изменения, связанные со сменой экологических зон, башкирское общество претерпело сравнительно незначительные изменения.

С возникновением государства Чингисхана на ее территории складывается десятичная система деления всего кочевого населения. Это не было простым оформлением на военный лад племенных и родовых групп. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, «своей системой Чингисхан преднамеренно разрушал традиционную родо-племенную структуру»[43]. Теперь попавшие в зависимость роды и племена разделялись на десятки, сотни, тысячи и тьмы. «Новоявленные» кочевые группы теряют связи с близкими им по происхождению родами. Масса кочевников, попавшая в зависимость к какому-нибудь царевичу чингисиду, уже не представляла собой рода или племени, а являлась обычной смесью различных родов. Ее же аристократия оказалась оторванной от своих сородичей, превратившись уже в вассалов и дружинников тех же царевичей. Теперь монголы, выделенные в удел сыновьям Чингисхана, являлись господствующим элементом. Они были рассеяны среди покоренных родов и племен, но стояли во главе новых улусов. Причем учитывая, что в количественном отношении монгольский элемент был в сравнении с тюркскими элементами очень мал, то социальный статус и политические позиции монголов были несоизмеримо высокими среди местного населения. Поэтому монгольский предводитель, который становился во главе улуса, давал ему собственные родоплеменные атрибуты: этноним, тамгу и др.[44] Кроме того, у интегрированных в улусно-крыльевую структуру империи племен постепенно исчезала историческая память о своем домонгольском прошлом. Изменялись идеологические представления кочевников. Прививался культ Чингисхана, сутью, которой были представления об исключительной прерогативе государственной власти чингисидов на огромных территориях монгольской империи. Исчезала память о прежних местных правящих династиях. Выжившая местная аристократия и местные династии беспощадно истреблялись, оставшиеся же единицы вынуждены были адаптироваться к новым условиям[45].

Скорее как исключение в новой системе находились в значительной части башкирские объединения (кроме кунграт-герейской группы (см. гл. 4, § 1)). В отличие от своих соседей они функционировали,

сохраняя домонгольскую традицию родоплеменной организации. Об этом свидетельствует сохранение этнонимов, тамг, исторической памяти и др., относящиеся к домонгольскому периоду жизни этноса. Существовавшая еще в домонгольский период структура башкирского общества сохранялась в течение всего золотоордынского и постзолотоордынского периода. Изменения же в этническом составе следует отнести к естественным этническим процессам, проходившим вне зависимости от установления государственной системы в Монгольской империи. Родовая аристократия сохранила свои позиции в башкирском обществе. Верно считает Г.Б. Хусаинов, говоря, что даже после завоевания и введения на просторах Дешт-и-Кипчака имперской системы башкирское общество сохранило собственные домонгольские институты «ханской» власти[46]. Более того, с незначительными изменениями сохранялась социальная и общественная организация, о чем говорят в большинстве своем признаки родоплеменной структуры: этноним, тамга, уран, птица, дерево, историческая память и др.[47] Вполне уместно сравнение исследователем этого явления с русскими княжествами. В известном «Письме…» от 1320 г. Иоганки сообщается о существовании «государя… всей Баскардии». Причем по тому же свидетельству можно говорить о единовременном нахождении представителей монгольской власти: «И там были татары, судьи баскардов»[48]. Необходимо отметить, что в источнике речь идет о событиях времени правления Узбек-хана, при котором государственная система Золотой Орды достигла своего расцвета[49].

Подобную ситуацию можно объяснить тем, что действовал заключенный некогда договор[50] между башкирскими биями и Чингисханом в период компании «объединения». Фактически это выражалось в признании верховным кааном за башкирскими биями прав на существование в качестве родовой аристократии, но являясь уже подданными Чингисхана и его потомков. К тому же нельзя не учитывать и другие факторы, повлиявшие на сложность интеграции башкирского общества в государственную систему Монгольской империи.

Во-первых, башкиры довольно продолжительное время сохраняли политическую активность. Так, в период правления Узбек-хана на политической арене Золотой Орды появился некий Баджир Тук Буга, на время узурпировавший власть в Золотой Орде, о чем свидетельствует «Чингиз-наме» Утемиш Хаджи: «Был (некто) по имени Бад-

жир Ток-Буга из омака уйгур. (А уйгур) был эль с многочисленными (и) сильными родами (и) племенами, и был он также аталыком хана. Шайтан попутал (его) – ведь был он черный человек – провозгласил себя он ханом <...>.

Словом, этот Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом, женился на женах (Токтага-)хана и подчинил себе весь народ»[51].

Во-вторых, горно-лесные башкирские территории не были привлекательны для монголов, что автоматически отодвинуло башкир на периферию империи, а следовательно, и внимание великих каанов.

Таким образом, заключенный договор между биями и правителями Монгольской империи продолжал действовать и в период сложения и существования десятичной административной системы государства. Это обеспечивало некий иммунитет башкирской аристократии во внутригосударственных взаимоотношениях с монгольскими правителями, что в свою очередь осложняло интеграцию башкирского общества в государственную структуру Золотой Орды.

В этнокультурном отношении XIII–XIV вв. можно квалифицировать как кипчакский этап, существенно повлиявший на этногенез башкирского народа. Кипчакская миграция в Башкортостан по этническому составу и стала наиболее мощной из всех тюркских миграций в Волго-Уральский регион. Разрушительное монгольское нашествие привело в движение массы кочевников, то затухая, то вновь активизируясь, оно продолжалось, по крайней мере, два столетия. В этническом составе кипчакской миграции в Башкирию в XIII–XIV вв. отчетливо выделяются несколько родоплеменных групп: кипчакская группа (время миграции XIII – начало XIV вв.) с собственно кипчакскими образованиями (кипчак, кара-кипчак, илан, сары, сарыш, бушман, кошсо, ельдяк, имак и др.), огузскими (туркмен) и тюркизированными монгольскими (гэрэй, гэрэ) образованиями; катайская группа (время миграции – середина XIII вв.), являющаяся сложным компонентом (катай, найман, балга, маскара, салъют, борэ, балыксы); табынская группа (табын-уйшин, суюдук, дуван, кувакан, сырзы, теляу, барын, таз), состоящая из восточно-тюркского этнического компонента, смешавшегося с монгольскими. Этническая история табынских образований протекала во взаимодействии с усунями, кара-китаями и племенами Дешт-и Кипчака. Вместе с катайцами табынцы являются наиболее яркими носителями в составе башкир центрально-азиатских черт культуры (время миграции XIII – начало XIV вв.); минская группа

(время миграции – XIV в.), будучи в основе тюркской (мин, кырк), она включала монгольский компонент (миркит) и, возможно, древние образования эпохи тюрко-угро-самодийских контактов на Северном Алтае. Средневековая этническая история минских родов связана с кочевыми племенами Сырдарьи, Двуречья и Дешт-и Кипчака.

Основным районом миграции в XIII–XIV вв. был юго-западный и южный Башкортостан. Это привело к активному движению башкирских племен и расширению территории расселения. Образуются три потока движения. На север и северо-восток устремляется основной состав катайской родо-племенной группы, а также территориально связанные с ним в низовьях Белой гайна-тарханцы, танышцы, балыкчинцы, минцы и др. Они расселились по Быстрому Таныпу, левобережью Камы, достигли р. Тюй, северной излучины р. Уфы и ее притока Бисерти, верховьев Чусовой. Минские роды заняли низовья р. Уфы, чтобы оттуда вновь постепенно продвинуться в лесостепные районы юга. Табынская родо-племенная группа отодвинулась на северные отроги Южного Урала, заняв центральную Башкирию и прилегающие с востока горные районы и степи Зауралья. Кыпчакские племена направляются на Южный Урал или остаются в западной Башкирии, расширив кочевья и лесные районы правобережья Белой. Впрочем, в низовьях Белой и в долинах ее южных притоков, а также в бассейне р. Ик остаются многочисленные группы табынцев, катайцев, бурзян, усерган и др.

Мощное кипчакское наслоение на башкирский этнос в XIII–XIV вв. изменило и языковое развитие по направлению к формам, характерным для современного башкирского языка. Это развитие намечалось в домонгольскую эпоху, но резкие различия в масштабах домонгольской и поздней кипчакской миграции говорят о решающей фазе кипчакизации башкирского языка в послемонгольскую эпоху[52].

В целом надо сказать, что смешение и взаимодействие племен кипчакской миграции с древнебашкирскими племенами и расселение смешанных групп в пределах территории исторического Башкортостана привели к формированию этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа.

Кыпчакские племена, оказавшись на территории исторического Башкортостана, как важный компонент вошли в состав башкирского народа. Археолог А.Ф. Яминов выделяет памятники пришлых племен с территорий Алтая и Центральной Азии, локализуя их в восточных

районах степного Приуралья и в Зауралье. Эти памятники он связывает с территорией расселения родоплеменных групп катайцев и табынцев, а оставившие их племена – с носителями монгольского языка[53].

Таким образом, в золотоордынский период произошли взаимосвязанные, но неоднозначные изменения. С одной стороны, как следствие возникновения договорных отношений между башкирскими биями и монгольскими правителями сохраняются родоплеменная структура и автономность отдельных башкирских объединений. С другой – существенное сокращение территорий кочевания сильно влияет на хозяйственный уклад, изменяет этнический облик башкир в связи с наплывом кипчакских масс.

§ 2. Башкортостан в условиях распада Золотой Орды

Еще в начале XIV в. начали значительно усиливаться позиции местной тюркской и тюркизированной аристократической верхушки[54]. Существовавшее ранее традиционное раздвоение ханской власти между кочевой ставкой – Ордой и городским центром – Сараем теперь с упадком центральной власти выразилось в политическом разобщении Сарая и Орды[55]. В результате на территории северо-восточного, центрального и южного Казахстана в XIV в. политически обособилась от Золотой Орды Кок-Орда, на территории юго-восточного Казахстана возник Могулистан. Западная часть владений Джучидов, включавшая степи Поволжья, земли к западу от Волги, Крым, Северный Кавказ и северную часть Хорезма, по-прежнему составляла Золотую Орду. Восточная часть улуса Джучи, охватывавшая обширную территорию современного Казахстана к востоку от р. Урал и к северу от Аральского моря и Сырдарьи, вошла в состав Кок-Орды.

К 60-м гг. XIV в. усиливаются позиции аристократии левого крыла (восточная часть улуса Джучи). Эта группа аристократов активно включается в борьбу за верховную власть в государстве и постепенно захватывает Сарай все на больший и больший срок.

Верхушка Кок-Орды стремилась использовать сложившуюся ситуацию, хотела объединить обе части улуса Джучи в одно политическое целое под своей властью[56].

В конце 70-х годов резко противостоят две группировки: Урус и Мамай. Урус-хан предпринял поход в сторону Поволжья (1374–1375),

безуспешно осаждал Хаджи-Тархан (Астрахань)[57]. Но Урусу удалось овладеть Сараем – столицей Золотой Орды, где его наместник правил вплоть до прихода Токтамыша[58]. Однако его политика не увенчалась успехом. Против Урус-хана выступили: Мамай, контролировавший Причерноморье (Западная часть Золотой Орды) и с востока Токтамыш при поддержке Тимура и кок-ордынской аристократии.

Политику объединения восточной и западной частей улуса Джучи продолжил Токтамыш. С его именем связано временное возрождение Золотой Орды.

В 1380 г. Токтамыш завоевал западную часть улуса Джучи. После длительной борьбы Токтамыш победил Уруса и его сына Тимур-Мелика. Характерно, что по мере того, как Урус входит в дела западных областей Поволжья, видимо, сближаясь с сарайскими эмирами, аристократы (эмиры Кок-Орды) отходят от него и отдают свои симпатии Токтамышу. Позднее то же случится и с союзниками Токтамыша. В эти годы Токтамыш в борьбе с Урусом мог опереться не только на Тимура, но и на аристократию Кок-Орды, которая постепенно отходит от Уруса. В этом ее отходе значительную роль играла поддержка Токтамыша Тимуром, который для этой аристократии, видимо, являлся залогом восстановления сильной государственности. Не случайно, что эти круги левого крыла в будущем сами предадут Токтамыша, присоединяясь уже непосредственно к Тимуру. Мотивы действия Тимура объясняются желанием убрать все более обретающего силу Уруса при помощи Токтамыша, которого так неудачно для себя Тимур попытался превратить в марионетку[59].

Двадцатилетняя междоусобная борьба в Золотой Орде с воцарением нового хана Токтамыша временно прекратилась. После Куликовской битвы, закончившейся полным разгромом Мамая, случилось то, что казалось невозможным. Токтамышу удалось объединить под своей властью Кок-Орду, Хорезм, Хаджи-тархан, Хаджи-Черкеса, Орду Мамая и восстановить единство Джучиевского улуса. Дмитрий Донской все же вынужден был признать себя вассалом хана, Литва платила дань татаро-монголам за те русские земли, на которых когда-то сидели данники монгол.

Великодержавная политика Токтамыша текла по традиционному руслу монгольской внутренней и внешней политики «сильной власти». Однако политические действия Токтамыша были противоречивыми. С одной стороны, он стремился к усилению центральной влас-

ти и укрепления ее авторитета, с другой – раздавал суяргулы или подтверждал иммунитет местной знати. Его объединительная политика, денежная реформа, переселение новых масс пленных ремесленников – все это направлено на подъем ремесла и торговли. Но экономическая жизнь сложилась так, что города приходят в упадок и жизнь в них постепенно угасает уже с 1370-х гг.[60]

Как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, происходила экономическая автомизация территорий Золотой Орды. Уже в XIV в. прослеживаются характерные черты децентрализации власти. Если до этого она держалась на абсолютной власти золотоордынских правителей, то в период политической нестабильности эта система стала распадаться[61].

Это коснулось, очевидно, и башкирской родо-племенной аристократии. В некоторых шежере фигурируют имена с отличным сословным достоинством. В шежере племени бурзян в девятом поколении от Бурджан-бия фигурирует имя «Юлай» с тарханским достоинством[62]. Это поколение, исходя из расчета 20–25 лет на одно поколение, по времени примерно относится к рубежу XIV–XV вв. В шежере башкирского племени кипчак четырнадцать поколений биев завершается Китюк-тарханом. В генеалогической цепочке шежере племени мин между поколениями биев XIII в. и биями, жившими в период правления Токтамыша, есть разрыв в несколько поколений. И не случайно, что поколенное перечисление минских биев возобновляется (если судить по тексту) именно в конце XIV в. В.В. Трепавлов считает, что «происхождение подобных иммунитетов у башкирских аристократов следует отнести ко временам Золотой Орды и ханства кочевых узбеков (пер. половина XV в.)»[63]

Вообще, расцвет тарханства в Золотой Орде приходится на вторую половину XIV в. Тогда как до этого тарханное достоинство давалось исключительно духовенству. С конца XIV в., т.е. периода правления Токтамыша, тарханные пожалования в государстве становятся частым явлением[64]. Но мы не можем говорить о конкретных внутриполитических изменениях в государстве Токтамыша. Также сложно говорить о том, что в шежере отразились именно подобные пожалования, но определенно в конце XIV в. в башкирском обществе на основе шежере мы можем видеть некоторые сдвиги в сторону укрепления родоплеменной аристократии.

Токтамыш, скорее всего, сам был заинтересован в подобной политике. Тем более, что в военно-политическом смысле он опирался

на аристократию Золотой Орды и племенную (местную) аристократию ее народов.

Чрезвычайная аморфность государства была важной причиной появления института тарханства – одного из вариантов суюргала (в виде земельного владения), получившего свое развитие именно во второй половине XIV в. Как земельное владение суюргал был аналогом позднего иранского икта или, по существу, военным леном. Пожалованное им лицо пользовалось правами налогового и административного иммунитета. Есть основания видеть в тарханстве (и вообще в вотчинном праве) башкирского общества аналогии с суюргалом. Очевидно, во второй половине XIV в. оформление (как подтверждение ханами уже сложившихся норм) поземельных отношений могло восприниматься обеими сторонами как военный лен через легитимацию специфических поземельных отношений региона в золотоордынском государстве.

Вначале Токтамыш, следуя совету приближенных, оставался верным своему покровителю. Когда же умерли эмиры Урус-Тимур и Ак-Буга, в окружение Токтамыша вошли новые люди, ориентировавшиеся на западные улусы. Новое окружение Токтамыша было настроено против подчинения Тимуру[65]. Политический курс Токтамыша постепенно стал изменяться, да и сам Токтамыш по мере усиления своего могущества все более стремился к самостоятельной политике[66]. Именно наиболее острые моменты внешней политики – союз с Египтом и претензии на Азербайджан – оказались ключевыми вопросами внешней политики Джучидов, и Токтамыш не преминул их выставить[67].

В 1385 г. произошло коренное изменение политики Токтамыша в отношении своего покровителя. В указанном году послы Токтамыша направляются в Египет. Спустя некоторое время последовало нападение войск Токтамыша на Азербайджан и Иран. На эти же области претендовал и Тимур.

Его политические и военные замыслы были обращены на юг, а конкретно на земли, когда-то составлявшие владения хулагуидов и джагатаидов. Ко времени правления Токтамыша обе династии полностью возродились, а территории их улусов постепенно поглощались завоеваниями Тимура. Такое устремление Токтамыша, проводившееся целенаправленно, методично и со всей возможной энергией, может свидетельствовать лишь об одном – хотя бы частичном восстановлении давно рухнувшей и исчезнувшей империи чингисидов в границах трех

улусов: Джучи, Джагатал и Хулагу. Только ради такой далеко идущей и заманчивой цели Токтамыш решил напасть на Тимура[68].

Сначала удача была на стороне Токтамыша, и он заходил со своими войсками за кавказский хребет и в Среднюю Азию. Однако в тылу Токтамыша вскоре созрел заговор. Его организовала группа сторонников союза с Тимуром: Кунге-оглан и Тимур-Кутлуг, сын Тимур Мелика, от которого трудно было ждать верности Токтамышу, и когда из этого заговора ничего не вышло, бежали к Тимуру. Это все – представители кок-ордынской аристократии, которая поддерживала Токтамыша, когда он был в союзе с Тимуром, и которая сейчас поступила с Токтамышом так же, как в свое время с Урусом, когда он вступил в конфликт с Тимуром.

Компанию 1388–1389 гг. Токтамыш проиграл. Тимур окончательно закрепил за собой Хорезм и приордынские города – городские центры Кок-Орды. Эта неудача вызвала новую волну недовольства Токтамышем внутри лагеря аристократической верхушки. Западные монгольские эмиры – подельник Бахыт-Ходжа, Кадыр-Ходжа, Мамай-Ходжа, принявшие христианскую веру, в 1391 г. бегут к московскому князю[69].

О настроениях, а именно о заговоре говорит ярлык Токтамыша к Ягайле в 1393 г. Из ярлыка видно, что огланы: Бек-булат и Хаджман ад-дин, князь Бакши, Турджан-берди и Давуд организовали заговор против хана; вступив в тайные отношения с Тимуром, они отправили князя Едигея ко двору Тимура, который подстрекал последнего к войне с Токтамышем. Организатором заговора был Едигей[70].

В 1391 г. Тимур организовал новый поход против Токтамыша. Токтамыш, видя решительные действия Тимура, смиренно выразил готовность договориться, согласиться с приоритетом Тимура, но последний увидел в этом только слабость и продолжил поход на север. В 1391 г. на реке Кундурча состоялось генеральное сражение. Оно произошло на территории исторического Башкортостана, поэтому есть основания остановиться на нем подробнее. Шериф-а-дин Йезди в своем сочинении «Книга побед» говорит о реках, которые пересек Тимур. Судя по описаниям, маршрут пролегал через Тобол, затем по верховьям рек Яик, Самара и Ик[71]. На некоторое время Тимур теряет след неприятеля, но через пленных узнает расположение войска Токтамыша «в Кырк-Куле» (Кандры-Куль)[72]. Предполагается, что армия Токтамыша преодолела Уральский хребет по р. Инзер или Зи-

лим[73]. В районе р. Ик Тимур напал на след Токтамыша и возобновил преследование. Токтамыш, отступая с боями, дошел до р. Кундурча.

Не случайно Токтамыш избрал Башкирию как территорию своего отступления. За время своего правления золотоордынский хан своими пожалованиями смог создать себе в регионе военно-политическую опору в лице башкир. Поэтому попытка скрыться в лесных районах Башкирии в родовых землях своих подданных имела свою логическую причину.

Войско Тимура состояло из семи корпусов, во главе которых стояли приближенные эмиры. В центре расположился корпус эмира Сулейман шаха, позади него встал корпус царевича Мухамед-Султана, окруженный подвижными отрядами. Справа от центра находился мурза Миран-шах и эмир Сей ад-дин. Слева – эмир Омар шейх, нойон Берди-Бек-и Сарбуга и Худадат-Хусейни. В войске также находились отряды ополченцев.

О войске Токтамыша нам известно немного. Численно оно превосходило тимуровское. Йезди сообщает имена некоторых его полководцев: Таш Тимер-оглан, Ченте-оглан, Бик Ярык-оглан, Илыгмыш-оглан, Бик Пулад-оглан, Али-оглан, Алий, Сулейман Суфи-кунграт, Науруз-кунграт, Актау, Ак-Буга Урусчук Кыят, Иса-бек, Хасан-бек-Сарай, Куке-Буга, Яглы-бий-бахрин, Кунгур-бий, Эдигей и др.

Значительную долю войска составляли отряды народов Золотой Орды – «русских, черкесов, булгар, кипчаков, аланов, (жителей) Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и м.к.с.». Арабшах сообщает о том, по какому принципу Токтамыш собирал свое войско: «Токтамыш послал к старейшинам своих людей и начальникам своих народов, к жителям песчаных степей и обитателям окраин своих, к главам своей родни и вождям правой и левой сторон, созывая их и приглашая их к сопротивлению и к бою. Они пришли…, собрались по племенам и родам, конные и пешие, вооруженные мечами и стрелами»[74].

С самого начала боя инициатива принадлежала Тимуру, но в ходе сражения Токтамышу удалось уничтожить левофланговый корпус Тимура и выйти в тыл тимуровских войск. Но мурза Омар-Шейх успел перестроить свой корпус и встать фронтом к прорвавшимся. В это время Тимур поспешил с главными силами на помощь, и здесь произошел разгром войск Токтамыша.

Во время боя опять сказалось недовольство части приближенных Токтамышу. В частности, предательство Оглан Булата (очевид-

но, Бек-Пулад, который упомянут в качестве заговорщика в письме Токтамыша к Ягайле)[75]. В ногайской редакции «Сказание о Едигее и Токгамыше» имеется подробность: Токтамыш, собрав остатки своих войск, призвал к себе военачальников и предложил им обсудить, что предпринять дальше, но получил уклончивые ответы от своих приближенных, думавших только об измене. Вместо сопротивления беки советовали ему на время скрыться в лесу, когда же он это сделал, они уведомили об этом Тимура. Войско Токтамыша, прижатое к Волге, стало легкой добычей неприятеля – «впереди оказалась р. Итиль, а сзади губительный меч». Лишь немногим, в том числе хану, удалось выбраться «из этого смута бедствий», жены, его дети, имущество и снаряжение – все попало в руки неприятеля[76].

После битвы Тимур во все концы страны посылает гонцов с воззванием о том, что бы народы «улуса Джучи» присягнули ему на верность. После этого Ордынская аристократия, бежавшая к Тимуру, возвращается с ярлыками Тимура в свои старые владения. Возвращаются Кунчи-оглан, Тимур-Кутлуг и Едигей. В конце XIV в. земельные пожалования настолько прочно закрепились за определенными ветвями монгольской знати, что становятся постоянными, наследственными, родовыми их владениями. Это объясняет, очевидно, возможность сохранения за определенными огланами и нойонами их старых уделов после нескольких лет изгнания и политических смут.

Кок-ордынской аристократии было важно вернуться в свои уделы. Их не интересовало получение от Тимура суюргалов в его землях в Средней Азии. Они не желали после того, как получили свои владения, становиться его нукерами. Получив свои улусы, они чувствовали себя снова независимыми и вполне самостоятельными.

Аналогичным образом (раздачей ярлыков) хотел «закрепить» при себе Ордынскую аристократию и Тимур. Он отпустил Едигея, Тимур-Кутлуга и Кунче-оглана в их улусы и выдал им тарханы и ярлыки при условии, что они вернутся к его двору «с семьями и родными», пообещав им еще большей милости. Тимур хотел сделать из них послушных вассалов, видимо, полагая, что они будут у него служить. Едигей противился этому. Страх лишиться феодальной автономии, растерять своих вассалов, свой улус, отталкивает аристократию от Тимура[77].

Примечателен пример, приводимый М.Г. Сафаргалиевым: «Когда Тимур-Кутлуг, добравшись до своего улуса, стал собирать лоша-

дей чтобы присоединиться к Тимуру, однако Едигей, оказавшись более дальновидным, уговорил его этого не делать: «Какая тебе польза от того, что ты этих коней перевозишь к Тимуру, – говорит он, – Тимур же отправит их в Самарканд и рассеет по разным местам, а ты станешь по-прежнему нукером Тимура». Действуя по совету Едигея, Тимур-Кутлуг собрал старшин всех племен и сказал им: «Вас Тимур убьет, детей ваших и домочадцев сделает пленниками. На это народ ответил: «Мы идем из-за вас, а Тимура мы не признаем». После этого Тимур-Кутлуг вернул людей, направляя их в один укромный уголок, там и остановился, пока он, Тимур-Кутлуг, не был объявлен ханом[78].

Когда встал вопрос о поглощении Кок-Орды Тимуром, а следовательно, об утере самостоятельности кочевой аристократии в восточном улусе, эта группа феодалов оказывается противником Тимура.

Тем кругам аристократии, которых агитировал Едигей, оставалось только одно: предав Токтамыша и отказавшись слушаться Тимура, попытаться сплотиться вокруг Джучида Тимур-Кутлуга. Таким образом, на политическую арену выходит нечингисид Едигей, на некоторое время в последний раз объединивший Золотую Орду.

Едигей принадлежал к племени мангытов. По «Зафар-наме», мангыты были племенем в Золотой Орде[79]. Тот факт, что в период своего правления он не являлся официальным главой государства, а был временщиком, говорит о том, что он не являлся потомком Чингисхана, которым принадлежало исключительное право восседать на престоле.

В.В. Бартольд, опираясь на «аноним Искандера», Едигея называет сыном Балтычака, главного эмира в стане Тимур-Мелика. Казнь Балтычака Токтамышем еще до появления эпоса о Едигее обросла легендами[80].

Едигей, один из эмиров левого крыла, становится правителем от лица ханов. В конце XIV в. кок-ордынская аристократия еще могла выдвинуть из своих родов хана, проводника сильной ханской власти, и поддержать его. Но в начале XV в. ни о какой сильной ханской власти не могло быть и речи. Захватить власть и некоторое время удерживать ее мог только авантюрист, интриган, достаточно удачливый и ловкий. Это стало возможным в последний этап политического разложения Золотой Орды, потому что эта власть осуществлялась без участия вельмож и правительственных кругов. Именно эти круги создавали неустойчивость власти в Сарае в XIV в. Не хан садился

теперь на сарайский престол, за который боролась аристократия, а авантюрист с группой своих приверженцев, обосновавшихся в орде, захватывал столицу и сажал лишенного всякой фактической власти джучида. Власть сосредотачивалась теперь не в руках хана и его правительства, вельмож и придворных, а временщика. Потому смещение или гибель хана меняли только ту декорацию, за которой прятался временщик.

Именно эти обстоятельства позволили Едигею в последний раз объединить Золотую Орду. Деятельность Едигея и его брата с другими аристократическими кругами свелась к тому, что Едигей систематически сажал на престол марионеток-царевичей из левого крыла (Тимур-Кутлуга, Шадибек, Пулад и др.)[81]

Таким образом, в 1396 г. Едигей и Тимур-Кутлуг основывают в улусе Джучи государство, причем «султанство» переходит Тимур-Кутлугу, а Едигею – «эмирство»[82]. В 1399 г. Едигей предпринимает поход на государство Тимура, захватывает Хорезм, где оставляет наместника.

Однако объединение Золотой Орды явилось лишь началом нового витка междоусобиц – агонии, распада могущественной золотоордынской империи.

В период 1396–1402 гг. Едигей правил при Тимур-Кутлуге. После смерти Тимур-Кутлуга положение в стране становится неустойчивым. На престол Едигей сажает Шадибек-хана. Однако Шадибек-хан, не желая чувствовать властную руку Едигея, ведет против него свою политику. После изгнания Шадибека на Кавказ власть перешла Пуладу. Затем Тимур, сын Тимур-Кутлуга, став ханом, возобновил борьбу против Едигея с большим успехом, чем Шадибек. В 1410 г. Едигей бежит в Хорезм. За ним последовал и Тимур-хан, изгнанный в свою очередь Джамалатдином, одним из сыновей Токтамыша[83]. Едигею удалось изгнать сыновей Токтамыша из Дешт-и Кипчака, но они, находясь при дворе Витовта, правителя литовского, при каждом удобном случае могли вредить Едигею. В 1420 г. после сражения с Кадыр-Берди, сыном Токтамыша, Едигей был убит его эмиром [84]. Но в том же сражении был убит и Кадыр-Берди, поэтому междоусобная война за власть возгорается с новой силой. На политическую арену выдвигаются сразу несколько претендентов. Самым заметным из них был Улуг-Мухамет, в 1421 г. в Крыму провозглашенный ханом с согласия знатных крымских родов ширинов, барынов, аргынов и др. Его соперника-

ми стали Барак, в 1422 г. захвативший Дешт-и Кипчак, и Худайдат, в скором времени (31 августа 1422 г.) разгромленный Бараком.

Разгромив Худайдата на западных окраинах Джучиева улуса, Барак обрушился на Улуг-Мухамета. В 1422 г. Улуг-Мухамет еще считался правителем Дешта, но большинство улусов на западе были подвластны Бараку. Уже к лету 1423 г. сообщалось, что Барак захватил Орду Улуг-Мухамета и большую часть «улуса Узбекского».

Участие в этих событиях башкир отражается в предании «Тура-хан», зафиксированном в башкирском шежере племен бурзян, кипчак, усерган и тамьян[85], и в рукописи «Усерган таварихы» (История Усергана)[86]. Приведем его полностью: «На реке Белой известна гора Тура-таг. Это место его (Тура-хана. – *Ю.Ю.*) ставки. Он был самовластным ханом башкирского народа. Его сын был Кусем-хан. В те времена в Сарайчике было сражение с Бурак-ханом, т.е. происходили события из-за земли и воды. После Кусем-хан своего младшего брата Бирдебека отправил с сильным войском с северной стороны. Бурак с правой стороны отправил Мансура. Затем с двух сторон противостояли друг другу, готовились к битве. Ведя переговоры, заключили соглашение о следующем: правая сторона реки Самары досталась Кусем-хану, его подданными были башкиры. Затем после перемирия Бирдебек-султан и Мансур с двух берегов реки Белой состязались в стрельбе из лука. Каждый из них был великолепным стрелком и эмиром, и стрелы обоих перелетели дороги, идущие по обеим сторонам реки Белой. Прожив с таким пиршеством и весельем месяц, ушли обратно, то есть вернулись в свои страны. Башкирский и ногайский народы на некоторое время остались жить в мире, до эпохи Урак Мамая».

В этом памятнике народного творчества своеобразно соединилось несколько преданий о разных эпохах и личностях. Однако в основу были положены события, относящиеся к противостоянию Улуг-Мухамета и Барака. Тура-хан, известный нам по многим башкирским преданиям, скорее всего был образом какого-нибудь башкирского правителя. Кусем-хан, так же как и Тура-хан, собирательный образ башкирских правителей. Бурак-хан – искаженное имя Барака, а под именами Бирдебек-султана и Мансура, очевидно, надо видеть сторонников Улуг-Мухамета и Барака соответственно.

В.В. Трепавлов в эпическом Мансуре видит одного из сыновей Едигея – Мансура[87]. После смерти отца Мансур скрывался у рус-

ских князей. Затем вернулся и стал бием при золотоордынском хане Гияс ад-Дине. Через некоторое время хан умирает, и Мансур переходит к малолетнему Кичи-Мухамеду, но вскоре решает поддержать Барака. В противостоянии с Улуг-Мухаметом Мансур при Бараке выступает уже как особо приближенный к царевичу (беклярбеком).

Как видно из предания, башкиры приняли сторону Улуг-Мухамета, но заключенное между Бердибек-султаном и Мансуром перемирие, скорее всего, связано с разгромом Худайдатом Улуг-Мухамета и бегством последнего в Литву. Там при поддержке ее короля Витовта ему удается вновь вернуться в степь и составить серьезную оппозицию Бараку, который в это время был занят усмирением других претендентов на престол.

Несмотря на достигнутые Бараком успехи, ему не удалось закрепить за собой захваченные на западе земли, и спустя год он был вынужден бежать на Восток[88]. Худайдат же в 1424 г. был разбит войсками князя Василия Васильевича[89].

После ухода Барака и Худайдата значительная часть западных земель вновь оказалась в руках Улуг-Мухамета. Первоначально он владел Крымом и лишь в 1426-1427 гг. подчинил себе Астрахань и Булгар. С воцарением Улуг-Мухамета фактически завершилось разделение Джучиева улуса на две самостоятельные части, совершенно не связанные между собой не только экономически, но и политически. На западе укрепился на время Улуг-Мухамет, на востоке – потомки Шейбана и Орда-Ичена.

Однако полновластное правление Улуг-Мухамета было не долгим. В 1433 г. Крым захватывает Саид-Ахмед, в свою очередь, прогнав оттуда Хаджи-Герея. Также появляется Кичи-Мухамет, потомок Урус-хана, претендующего на западные улусы. Он захватывает Астрахань, сохраняя ее в своих руках вплоть до своей смерти (1459 г.)[90]. Это явилось большой угрозой для Улуг-Мухамета. Противостояние двух Мухаметов в 1437 г. заканчивается изгнанием Улуг-Мухамета из Дешт-и Кипчака. После сражения под Белевом в 1438 г. Улуг-Мухамет обосновывается в Казани. Приход Улуг-Мухамета положил начало политическому обособлению Среднего Поволжья.

Подведем итог. Во второй половине XIV в. в Золотой Орде произошли значительные изменения. В связи с кризисом власти в Орде постепенно политически обособляется ряд регионов. В этот период различные ветви чингисидов предпринимают попытки объединения

Золотой Орды под своим началом. Апогеем этой внутридинастической борьбы становится противостояние Токтамыша с Урусом, где первый при поддержке могущественного Тимура одерживает победу. Исторический Башкортостан оказался на периферии этих событий, однако далее он вошел в воссозданную империю Токтамыша, где между башкирской аристократией и ханом создаются особые вассально-сеньориальные отношения. Их причиной стала внутренняя политика Токтамыша (раздача суюргалов), направленная фактически на укрепление местной аристократии. Именно они стали основой для продолжения специфических отношений башкирских аристократических групп с политическими и династийным наследниками Токтамыша – тука-тимуридами.

§ 3. Башкиры и Казанское ханство

Казанское ханство как отдельное государственное образование появилось в 1445 г. в связи с приходом в Казань Махмуд-хана, но база для политического обособления Среднего Поволжья была заложена его отцом, Улуг-Мухаметом.

Факт прихода Улуг-Мухамета в Казань и принятия его подданства народами Средней Волги описывается казанским летописцем. «И шедше полемъ, перелезше Волгу, и засяде пустую Казань, Саиновь юртъ. И мало въ граде живущихъ, и нача збиратися Срачинiи и Черемиса, развiе по улусамъ Казанскимъ, и радi ему быша, а изоставшися отъ плена худыя Болгары молиша его, Казанцы, быти ему заступнику бедамъ ихъ, и помощника отъ насилiя, воеванiя Рускаго, и быти царству строителя, да не до конца запустеютъ, и повинушася ему. Царь же вселися въ жилище ихъ и постави себе древяны градъ крепокъ, на новомъ месте, крепчаеше старого, недалече отъ старыя Казани разоренныя отъ Рускiя рати»[91].

Основная территория Казанского ханства была разделена на так называемые «даруги»: Арская, Галицкая, Алатская, Зюрейская и к концу XV в. – Ногайская. Во главе каждой «даруги» стояли правящие кланы Казанского ханства. В Арской – кипчаки, в Галицкой – аргыны, в Алатской и Зюрейской – ширины и барыны. Подобные политическая и административная организации объясняются тем, что Улуг-Мухамет находился в близких родственных связях с крымски-

ми ханами и с потомками хана Токтамыша. Между тем эти кланы являлись приближенными Токтамыша, и не исключено, что Улуг-Мухамет мог получить их в наследство[92]. Тем более именно эти группировки поддержали его в Крыму, выбрав ханом.

Особое внимание следует уделить этносословной структуре Казанского ханства, поскольку решение этого вопроса позволит подойти к рассмотрению башкиро-казанских отношений комплексно; поможет понять роль и значение башкир в военно-политической и социальной жизни нового государства тука-тимуридов.

Казанское ханство, образованное в период распада Золотой Орды, включало в себя полиэтничное население Урало-Поволжского региона. В него были включены разные по социально-политическим и этнокультурным характеристикам народы. По многим источникам (преимущественно русского происхождения) они фигурируют как «казанлы», «булгары», «татары», «мусульмане» и т.д. Несмотря на то, что вопрос довольно популярен, к сожалению, до недавнего времени проблема этничности населения Казанского края в этот период, особенно ее центральных регионов, не имела четкой концептуальной основы.

Ю.А. Кизилов рассматривал этнополитическую структуру Казанского ханства, состоящую из двух основных частей: местная податная и пришлая правящая («татарская»). По мнению исследователя, основная часть правящей верхушки Казанского ханства состояла из пришлых кипчакских аристократических групп. Они представляли собой иерархически соподчиненные замкнутые слои казанской знати. Наиболее представительные старейшины были управителями отдельных областей и вместе с тем являлись непременными участниками правительствующего учреждения во главе с ханом. Эти две группы являлись самостоятельными этническими образованиями[93]. Правящие группы различных государственных образований XV–XVI вв., связанные между собой династийно и идеологически, сформировали экстерриториальные группы этноса татар. «Татар» Казанского ханства исследователь рассматривает как часть правящего этносословного образования татар на огромных пространствах бывшей Золотой Орды. Казанский историк И.Л. Исмаилов, основываясь на памятниках устной кочевой историографии, считает, что возникновение в среде правящей аристократии Улуса Джучи произведений типа «Дафтар-и Чингис-наме», «Джамиг ат-таварих» Карыд Али-бека, «Чингиз-наме» Утемиш Хаджи и др., повлекло за собой формирова-

ние нового этнического самосознания и единения этнополитического образования татар[94]. Б.Л. Хамидуллин, рассматривая этническую ситуацию внутри Казанского ханства, пришел к выводу, что в этот период с включением пришлого золотоордынского населения произошла трансформация населения ханства, приведшая к формированию современного облика татар.

Подходя к рассмотрению вопроса, следует отметить, что основной проблемой в ее рассмотрении является почти полное отсутствие по этой проблеме аутентичных источников. Это значительно осложняет детальную реконструкцию этнического состава Казанского ханства.

Исследования последних лет рассматривают население Казанского ханства не как однородную массу, а сложную этнополитическую структуру. В этом отношении условно его можно разделить на две составные части: по отношению к господствовавшему, государство-образующему, преимущественно пришлому населению употребляется термин «татары»[95]. Фигурировавшие же летописные термины «болгары» («болгары Поволжские»), «худые болгары» и другие относились к количественно превосходящему местному населению Казанского ханства, этот термин фигурирует как полиэтноним[96] и обозначает податное[97] (большей частью) и довольно пестрое в этнокультурном отношении население ханства. Термины «мусульмане» и «казанцы» несли менее выраженный этнический окрас, обозначая в первом случае религиозную принадлежность, во втором – территориально-политическую[98]. Попробуем обрисовать в общих чертах этнополитическую и этносословную структуру общества Казанского ханства.

С приходом Улуг-Мухамета к власти в Казани устанавливается клановая структура правления государства, весьма традиционная для позднеджучидских государственных образований, во многом копируя структуру Крымского ханства[99]. Можем примерно определить из каких этнических групп состояли «татары», во всяком случае, находящиеся в высших эшелонах политической власти. Основу правящего сословия составляли 4 клана – аргыны, барыны, ширины и кипчак. Скорее всего, именно эти племена в первую очередь подразумевались под термином «татары». Эти кланы, выведенные Улуг-Мухаметом из Крыма и впоследствии пополнялись такими же пришлыми элементами[100].

Оценка влияния пришлого населения на этнический состав Казанского ханства во многом зависит от определения примерной чис-

ленности пришлого населения, «татар». Б.Л. Хамидуллин, основываясь на сообщении «Казанского летописца» о трехтысячной Орде Улуг-Мухамета, говорит о трансформации этнического облика всего населения ханства[101]. Как нам представляется, игнорирование факта последующих миграций золотоордынского населения в Казанское ханство дает не достаточно полное представление об этнических процессах на данной территории.

«Татары» – экстерриториальная этническая группа с возможностью свободного перемещения[102]. Они являлись носителями джучидской традиции государственного строительства, что было жизненной необходимостью для функционирования данной этнополитической группы в рамках Ордынского политического пространства. Именно о факте дальнейшего пополнения «татар» таким же пришлым элементом говорит фрагмент русской летописи: «И начаша збирается к царю мнозие варвары от различных стран: от Златые Орды, от Астрахани, и от Азова и от Крыма». Постоянный контакт с соседними правящими дворами и «подпитка» служилыми людьми позволяла существовать в качестве автономной этносословной группы.

Безусловно, именно принадлежность к политической элите постордынских государственных образований со всеми сопутствующими особенностями (приоритеты в сословной структуре ханства, связанные почти с абсолютной монополией во власти, слабая «привязанность» к территории, наконец, этнокультурные различия), очевидно, сохраняла различие между пришлым и местным населением – «булгарами» и не давала значительно трансформироваться этническим процессам в регионе. Это позволяло продолжительное время (в период существования Казанского ханства) «татарам» сохранять культурную самобытность среди превосходящих численно масс местного населения. Весьма ярко это положение отразилось в произведении казанского поэта середины XVI в. (очевидно, «булгарского» происхождения) Мухамедьяра:

Ты татарин, не знающий своего Аллаха и масхаба,
В этом мире хуже собаки.
...О безобразный, говорит, ты татарин
Не воспитывай щенка – будет похож на свою сущность.
Ты без веры, ты – создание зловещей судьбы,
С черным лицом, ты собака преисподней[103].

Однако и к определению «татар» как отдельного этнополитического образования в этом источнике следует подходить весьма осторожно. Д.М. Исхаков, комментируя стих Мухамедьяра, считает, что в данном стихе термин «татары» скорее сословное обозначение, чем этническое[104]. Действительно, если обратим внимание на некоторые письменные свидетельства, то перед нами «татары» предстают несколько в ином свете. Так, например, в челобитной от 1551 г., направленной казанцами от имени «всея Казанской земли» Ивану IV, говорится: «Кудайкул-улан в головах да Муралей князь и вся земля Казанская и полны, и сеиты, и шихи, и шихзаде, и молзаде, имамы, азии, афазы и уланы, и мырзы, и ички, дворные и задворные казаки, и Чуваша, Черемиса и Мордва, и Тарханы, и Можары»[105]. Как видим, в первой части фрагмента перечисляются различные обозначения служилых и духовных лиц, под которыми мы и должны в первую очередь подразумевать пришлое население – «татар». Причем после перечисляются термины, несущие более конкретное этническое содержание. Этнонимы относятся к коренным народам Казанского ханства: чуваши, марийцы, башкиры и т.д. Сословия, представленные в большинстве своем пришлым населением, имели более слабую этническую выраженность, и термин «татары», скорее, нес социально-политический окрас, нежели этнокультурный. В этнокультурном плане, скорее всего, это население было представлено кипчакскими и кипчакизированными племенами, слабо объединенные в единую этнополитическую общность. Главенствующее положение среди них занимали аргыны, кипчаки, барыны, ширины. Принимая таксономии Л.Н. Гумилева, очевидно, степень социальной интеграции этой группы населения Казанского ханства соответствует консорции. Она все еще являлась частью служилой аристократии джучидской системы и продолжала поддерживать контакт с другими кипчакскими кланами ханств, которые оставались преимущественно кочевыми. Очевидно, общность «татар» в политическом пространстве джучидов и поддерживалась за счет хозяйственно-экономической близости. Однако принадлежность к разным потестарно-политическим организациям в постордынское время не позволяло смешиваться в одну этносословную общность.

Затрагивая вопрос о властной иерархии, нельзя однозначно говорить о монополии «татар» во власти. Нередко ведущая роль во внутренней и внешней политике принадлежала представителям местных

народов. Не исключается возможность, что в процессе интеграции в число «татар» частично мог входить и местный этнический компонент. Хотя, как мы увидели, в подобных документах народы Казанского ханства представлены весьма конкретно, о чем речь пойдет ниже. То есть роль в государственной власти Казанского ханства «пришлых чиновников» и «местных» еще предстоит определить.

Итак, термин «татары» являлся в большей степени социально- (сословно-) политическим обозначением правящей, элитарной группы населения. Это были преимущественно кипчакизированные племена (кланы), не представлявшие этнополитического единства. Были довольно замкнуты в этнокультурном плане (в отношении местным населением – «булгарами»), с одной стороны, и экстерриториальные в рамках джучидского политического пространства – с другой.

Как мы уже сказали, термин «булгары» – обозначение местного населения Казанского ханства. Вряд ли его возможно соотнести с какой-либо конкретной этнокультурной группой, проживавшей в то время. Каких-либо иных по характеру сообщений о народе «булгар» в Казанском ханстве нет. Безусловно, это был полиэтноним. Попытаемся определить примерные «этнические границы» «булгар».

Как уже было сказано, основная проблема состоит в том, что информация автохтонных источников казанского периода о народах ханства весьма скудна. До сих пор основные сведения о народонаселении исследователи черпали из русских источников XVI–XVII вв. Конечно, во многих случаях не могло обойтись без искажений. Наиболее достоверные сведения находятся в источниках документального характера. Обратимся к приводимой нами выше челобитной 1551 г. Этот источник относится к тем немногим, где перечислены народы Казанского ханства. Названия «Чуваша», «Мордва» вполне соотносятся с этнонимами чуваши, мордва. Марийцы же и удмурты обозначены под одним этнонимом – «Черемиса»[106]. Башкиры же скрыты под именем «Тарханы» [107] (см. ниже). «Можары» – мишарo-буртасское население правобережья Средней Волги. А. Курбский говорит о пяти «языках» Казанского ханства: «мордовский, чюважский, черемиский, воитецкий, або арский, пятый – башкирский». Здесь отсутствуют «Можары» и появилось удмуртское население, ранее скрытое под «Черемиса».

Наибольшие споры по поводу местного населения вызывают определения роли чувашского фактора. Дело в том, что во второй поло-

вине XVI – XVII вв. основное ясашное население на территории бывшего Казанского ханства (Свияжский и Казанский уезды) в писцовых книгах фигурирует как «ясашные чуваши». В конце XVII в. оно сменяется термином «ясашные татары». Это дало основание ряду исследователей говорить о превалирующем булгаро-чувашском компоненте в Среднем Поволжье с домонгольских времен до конца XVII в.[108] Возражая этой версии, другая часть историков предлагает видеть в термине «ясашные чуваши» обозначение исключительно социальной категории преимущественно татарского населения[109], имевшее хождение исключительно в правовом поле Русского государства и не являвшееся их этническим самоназванием[110]. В.Н. Татищев, которому были известны не дошедшие до нас источники и, вероятно, основываясь на собственных наблюдениях, еще в середине XVIII в. в своей «Истории Российской» утверждал: «Вниз по реке Волге чуваши, древние болгары, наполняли весь уезд Казанский и Синбирский», «чуваша, народ болгарский, около Казани»; «Вниз по Каме жили биляры, или болгары, и чолматы... ныне остатки их чуваша, которых и вниз по Волге довольно»; «Оставшие болгарские народы чуваша»[111].

Р.Ф. Галлямов весьма убедительно доказал, что в XVII в. термин нес исключительно социальное содержание. Однако исследователь не отвечает на вопрос: по какой причине большинство населения Казанского и Свияжского уездов стало обозначаться этим термином. Безусловно, основой для этого термина стал этноним, который, скорее всего, и был самоназванием мусульманского булгаро-чувашского населения Казанского ханства. Именно термин «чуваш» писцовых книг XVI–XVII вв. мог стать аналогом термина «Чуваша» летописных сообщений (см. выше).

Дополнительные доводы Р.Ф. Галлямова о «непричастности» средневековых этнических чувашей к «чувашам» писцовых книг основаны на современных этнографических признаках, как, например, отсутствие «следа чувашской культуры». Вряд ли эти доводы могут служить доказательством. Мы не должны ограничивать возможную широту средневекового этноса современными этнокультурными маркерами, тем же язычеством чувашей. Это, кстати, характерно и для первой группы исследователей, объяснявших исчезновение чувашей их омусульманиванием. Вероятнее всего, никакой исламизации населения в это период не произошло. Оно было мусульманским до этого и продолжало им оставаться продолжительное время. Выдающийся

татарский ученый Ш. Марджани, кстати, один из основателей булгаро-чувашской теории, отмечал, что среди финно-угорских народов (к ним он причислял и чувашей) сильны пережитки мусульманской религии. К тому же именно в их лице видел коренные народы Урало-Поволжья и потомков булгар[112]. Однако все же остается открытым вопрос о том, был ли термин «чуваш» самоназванием населения края. На этот вопрос смогут ответить лишь редкие аутентичные источники.

Наиболее интересные сведения относительно этносостава коренного населения Казанского ханства содержатся в дипломатическом письме к крымскому хану. По странным обстоятельствам данный источник почти не привлекал внимания исследователей. Лишь недавно А.Г. Салихов опубликовал фрагмент этого документа на башкирском языке. Это письмо написанно неким Рахман Колоем от имени старейшин и абызов[113]. В документе выражалась просьба к крымскому хану принять народы Урало-Поволжья к себе в подданство. В нем перечисляются народы, готовые принять подданство хана с указанием их численности: еловые марийцы (40 тыс. домов), горные чуваши (20 тыс. домов), башкиры-иштяки (10 тыс. домов), удмурты (10 тыс. домов). Хотя источник датируется 1635 г., нам представляется, что в документе довольно четко отражена этническая ситуация региона. Потому считаем целесообразным соотносить эту форму по количественным и этническим показателям с этнополитической картой Казанского ханства. Если исходить из того, что при минимальном расчете 1 дом (семья) – 5 человек, то 80 тыс. (общая сумма домов) будет соответствовать 400 тыс. человек, что представляет значительную долю населения региона. Данная цифра подтверждается и другими источниками, согласно которым численность населения Казанского ханства достигает 0,5 млн человек[114]. Учитывая, что авторство источника принадлежит представителям данного политического союза, то не может вызывать сомнений, что в нем отражены именно этнонимы, а не сословные категории (конечно, если не затрагивать сложный вопрос о приоритетах самоидентификации в средневековье[115]). В этом случае перед нами довольно определенно вырисовывается этнокультурный состав основного населения Средней Волги и Южного Приуралья, которое и являло собой население Казанского ханства. Хотя, не исключено, что под перечисленными в источнике этнонимами кроются и полиэтнонимы. Кроме того, нам

совершенно неизвестны и сами события 30-х гг. XVII в., причины и обстоятельства этого акта. Эти вопросы требуют более детального анализа документа.

Исходя из вышеизложенного, мы можем примерно обозначить этнический состав коренных народов ханства («болгарския страны»): чуваши (в их числе чуваши-мусульмане), марийцы, мордва, башкиры, удмурты и, вполне вероятно, «можари» (мишаро-буртаский пласт).

В связи с высказанными положениями актуализируется вопрос о судьбе народов Казанского ханства после присоединения к Русскому государству. А если конкретнее: насколько могла измениться этнополитическая ситуация в Казанском крае в последующие периоды. Однозначно на этот вопрос ответить невозможно. Некоторые этнокультурные признаки (фольклор, материальная культура и т.д.) могли с определенными изменениями сохраняться. Но также и изменения социально-правовой среды и политической обстановки, безусловно, сказывались на глубинных этнических процессах, которые, как нам представляется, имели масштабный характер и охватывали значительные пространства Средней Волги.

Фактов сохранения родоплеменной (клановой) структуры правящего сословия ханства при переходе в служилое сословие Русского государства неизвестно. Скорее всего, она и не сохранялась. Фактически ломалась этнополитическая структура «татар» бывшего Казанского ханства. Более того, сохранявшееся до того, в рамках Казанского ханства, довольно четкое разграничение между государственнообразующим «чиновничьим» сословием «татар» и остальным местным «булгарским» населением начинает размываться. В «русский» период, конец XVII–XVIII вв., происходит объединение, сращивание этих двух групп в рамках сословий («ясашные татары» и «служилые татары»). В нашем представлении такой процесс мог происходить лишь в том случае, если вместе с исчезновением «старых» социально-общественных норм изменялось этническое самосознание. Это неизбежно приводило к началу формирования качественно нового этноса. В данном случае казанских татар. Однако данная проблема выходит за рамки нашей работы и, безусловно, требует более специального и критического подхода.

Таким образом, есть все основания представлять структуру населения Казанского ханства как сложный социально-политический организм с переплетением различных этнокультурных и сословных

категорий. Известные по письменным свидетельствам «татары», «булгары» перед нами предстают с более или менее конкретными этнополитическими характеристиками. Под первыми подразумевается пришедшее с ханами разноплеменное кипчакизированное население, занявшее административно-политическую плоскость новообразованного Казанского ханства. «Булгарами» же представлено коренное тюркское и финно-угорское население края.

Однако необходимо добавить, что пришлая, так сказать, «кочующая» аристократия отнюдь не обладала монопольной властью в ханстве. На протяжении всей истории Казанского ханства проявлялась политическая активность местной знати.

Также надо сказать, что кроме социальной замкнутости пришлой аристократии, от «булгар» их отличал иной уровень материальной, духовной культуры и идеологии. Это сказалось на сложности взаимоинтеграции пришлых и местных групп в единую этнополитическую систему и обуславливала всю пестроту и сложность этнической и социальной структуры ханства. Неустойчивая терминология русских летописцев, принятая для определения населения Казанского ханства – камские булгары, новые булгары, казанцы[116] – лишь подтверждает положение. Таким образом, на протяжении всей истории Казанского ханства этнополитическая ситуация в ханстве характеризовалась биполярной системой, где, с одной стороны, была немногочисленная пришлая «кочующая» аристократия бывшей Золотой Орды, с другой – местная.

Довольно трудно определить территорию Казанского ханства. М.Г. Худяков, располагая ханство в Среднем и Нижнем Поволжье, делит территорию на два вида: «1) Основное ядро, населенное татарским народом, и 2) Обширные подвластные земли, населенные другими народами и состоявшие в даннической зависимости от Казанского ханства»[117]. Однако здесь сложно согласиться с Худяковым, определяющим «основное ядро» Казанского ханства с современным распространением этноса поволжских татар. Последующий так называемый русский период мог до неузнаваемости изменить этническую карту бывшего Казанского ханства. Также должны признать, что не совсем верно само разделение на административном уровне земель Казанского ханства на «центральные» и «периферийные». Ведь «центральные» земли также не являлись моноэтничными и представляли собой полиэтничные районы, населенные местными «булгара-

ми» и пришлыми кипчакскими группами. Но все же земли Казанского ханства можно разделить по принципу организации администрирования в районе. К одним можно отнести земли, где административная система построена по клановому принципу, где управителями являлись представители пришлой «кочевой» знати барин, ширин, кипчак, аргын. К другим – все остальные земли, подчиненные казанскому хану с собственной племенной аристократией. Именно к ним относятся интересующие нас башкирские земли.

Рассмотрим подробнее восточные (башкирские) территории Казанского ханства. М.Г. Худяков, ссылаясь на сведения Хисамутдина Шерефетдина (Муслими), восточные пределы Казанского ханства очерчивает селениями по рекам Дим, Белая, Уфа и Ай[118]. По А.Н. Усманову, владения казанских ханов конца XV – начала XVI в. достигали р. Вятки и шли далее по р. Каме выше устья Белой, а временами и до устья р. Уфы. Также он речь ведет о подчинении казанскому хану башкир, проживающих по рекам Ик и Минзаля[119]. О западных границах башкирских территорий говорится в шежере юрматынских башкир, которые еще в XV в. продолжали кочевать в междуречье Зая и Шешмы. Н.А. Мажитов, основываясь на сведениях А. Курбского середины XVI в., относит к башкирам Казанского ханства северную и северо-западную территорию исторического Башкортостана, очерчивая территорию по верховьям Камы, городам Оса и Пермь, где «живут башкирды вверх великие реки Камы, в лесах, яже в Волгу впадают, ниже Казани двенадесят миль». Далее после захвата Казани он преследовал казанские отряды «аж до Башкирска языка, ям по Каме реке вверх ко Сибири протязается». Именно с башкирами, о которых писал А. Курбский, связано появление на северных территориях десятков башкирских деревень, зафиксированных в XVIII в.: Елпачиха, Уймушево, Федоровка, Усть-Тунтурово, Искир, Ишменево, Каноково, Акбашево, Кудашево, Чувашево, Ишимово, Галково и другие в Осинском уезде; также башкирские земли по р. Мамыш, Мулле – вблизи г. Пермь[120].

Вообще, вхождение в состав Казанского ханства северо-западных территорий исторического Башкортостана не подвергается сомнению. В этом отношении для нас наиболее любопытен фрагмент летописного источника, где казанский хан Ибрагим за семь дней успевает собрать войско со своих земель. События происходят в 1469 г. Летописец перечисляет следующие земли, где было собрано войско

хана: «Камскою», «Сыплинскою», «Костяцькою», «Беловоложскою», «Вотяцькою», «Башкирьскою»[121]. Здесь интересны три «земли» (региона), указывающие на исторический Башкортостан. Это Костяцкая, Беловоложская и Башкирская. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова считают, что Беловоложская и Башкирская земли были обозначениями двух различных групп башкир, но каких-либо оснований, подтверждающих это мнение, нет. В свою очередь, небезынтересно сообщение Кидряса Муллакаева: «В башкирском же народе до того Акназар-хана (Хак-Назар-хан. – *Ю.Ю.*) владели… по реке Белой и Яику жившими – казанские… ханы»[122]. Очевидно, именно к этому региону относится определение летописца «Башкирьскою землею». Основываясь на этом, можно предположить, что территориально данная «земля» примерно совпадала с будущей Ногайской дорогой. Беловоложская земля относилась к нижнебельским, западным и северо-западным территориям исторического Башкортостана. Костяцькой (Остятской) землей обозначался северный Башкортостан[123] – основная территория расселения племени гайнинских башкир. В Казанский период она входила в состав ханства в качестве особой единицы – княжества[124]. В 1509 г. Мухамед-Аминем в качестве посла в Москву был направлен некий «князь уфимский». То есть, скорее всего, юрисдикция казанского хана достигала минимум устья р. Уфы.

Таким образом, мы видим, что в состав Казанского ханства первоначально входила основная территория исторического Башкортостана или же находилась в союзнических отношениях с ханом Казани. Вспомним, что еще во время междоусобной войны за золотоордынский престол между Улуг-Мухаметом и Бараком башкиры поддержали Улуг-Мухамета, деда Ибрагима, тогда еще хана Золотой Орды. В войне участвовали именно башкирские племена юга Башкирии («Башкирская земля»). Улуг-Мухамет в свою очередь является потомком Токтамыша, в чью армию также входили башкиры. Спустя примерно сорок лет башкиры не изменили своей политической ориентации и поддержали династию тука-тимурида в 1469 г. То есть можно утверждать, что после распада Золотой Орды и образования Казанского ханства в политическом плане вассально-сеньориальные отношения между тука-тимуридами и башкирской аристократией не изменились.

В XV – первой четверти XVI в. значительная часть исторического Башкортостана в разной степени относилась к Казанскому ханству. Исключение составляют, скорее всего, восточные ее пределы.

Еще в золотоордынский период эта часть исторического Башкортостана входила в левое крыло улуса Джучи, улус Шибанидов.

О формах и степени зависимости башкир от Казанского ханства письменные источники сохранили очень мало сведений. Основную массу населения ханства составляли податные, но лично свободные общинники. Ярлык Сахиб-Гирея от 1523 г., выданный иракгинцам Шейх-Ахмету и шести его товарищам, перечисляет 13 видов различных податей, налогов и повинностей: ясак (10-процентный подоходный налог), клан (оброк в пользу хана и его семьи), салыг (подать на выплату жалования войскам), кулуш, кутлык, бач (таможенные пошлины), сала-хараджи (сельский налог), ер-хаблясы (поземельный налог), тютюн-саки (подворный налог), сусун (продовольство для проезжающих чиновников) и гульфе (фураж для лошадей чиновников)[125]. Однако на основе ярлыка 1523 г., выданного семи башкирам, можно говорить лишь о факте получения башкирами тарханства. Сам же документ подчинялся определенной форме, поэтому переводить все перечисленные виды налогов на башкирские земли Казанского ханства и их население было бы неверным. А.Н. Усманов, основываясь на том положении, что башкиры после принятия подданства Ивана IV продолжали платить ясак в той же форме и в том же размере, как платили и казанским ханам, приходит к выводу, что «башкиры платили ясак, главным образом, пушниной и медом. Кроме того, они снаряжали военные отряды в ханские войска и поставляли лошадей»[126].

С другой стороны, в подданстве хану была заинтересована башкирская аристократия. Во многом повлияло то, что в период острой междоусобной войны, во время распада Золотой Орды и образования на ее обломках новых государственных образований, выбор сюзерена, легитимного правителя из числа правящих чингисидов, был необходимостью. В то же время башкирская родо-племенная аристократия получала от казанских ханов значительные привилегии, в данном случае тарханные ярлыки. Так, во время похода русских войск на Казанское ханство в 1468 г., на реке Белой был взят в плен башкирский тархан Тулазей, военачальник башкир, призванный казанским ханом для борьбы с русскими войсками[127]. Известен ярлык башкирам Ибрагим-хана, подтверждающий ярлык хана Хайдара Гали от 1398 г. Он был выдан некой вдове Гульбустан, ее сыну, работнику и еще одному человеку. Им были предоставлены тарханные права с

освобождением их от податей за пашню, от постоя, подводной гоньбы и от всякого притеснения[128].

Более известен науке уже упомянутый нами ярлык казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г., выданный башкирам[129]. Ярлык был также подтвердительным. В нем говорится: «...слово мое таково. Этот Шейх-Ахмед сын Махмуда, потом сын Шей-Ахмеда Абдал, потом Сеид-Ахмед, его брата Мухамеда сын Муса, Якуб сын Сеида, его брат Буланс, его брат Нур-Сеид – эти семь человек, пришедши к нам, били челом, что они были тарханами прежних наших старших ханов; мы вновь, пожаловав упомянутых лиц во имя великого бога и ради пророка Мухаммеда, сделали их тарханами...».

Выдача ярлыков ханами во многом имела цель привлечь на свою сторону местную аристократию башкирского общества, сохранившего основные принципы военной кочевой организации.

Необходимо сказать, что тарханство получали не только представители «местной» знати, но оно являлось особой прерогативой башкирского населения в ханстве. Подтверждение тому мы видим в челобитной в 1551 г. Башкиры в нем скрыты под названием «Тарханы». Так, в духовном завещании Ивана IV 1572–1578 гг.[130] говорится о царстве Казанском, среди жителей которого перечислены: «Чюваша, Черемиса, Тарханы, Башкиры». «Тарханы», упоминаемые рядом с «Башкиры», есть башкирская служилая аристократия Казанского ханства[131].

Кроме тарханства есть факты, говорящие о том, что башкиры оформляли у хана Казани вотчинные права. В 1621–1622 гг. ясашные книги зафиксировали документы, находящиеся в руках у булярцев на вотчинные угодья, данные им «до Казанского взятия, как в Казани был татарский царь»[132]. Оформление собственных вотчин, надо полагать, относилось ко всем башкирским областям, входившим в состав Казанского ханства, и было главным условием принятия подданства хана. Весьма интересные сведения приводит С. Вахиди. В 1920-х гг. в д. Симяк Мензелинского кантона он записал предание. По нему явствует, что предками этой деревни были тарханы (!), которые на руках имели ярлыки казанских ханов. Кроме того, представители этого района участвовали в выборах хана Казани[133].

Степень подчиненности башкирских земель казанскому хану была неодинаковой. На основе тарханных ярлыков казанских ханов и источников XVII–XVIII вв. А.З. Асфандияров приходит к выводу, что

властные полномочия казанского хана распространялась лишь до бассейна р. Ик[134]. В подтверждение этих слов говорит шежере карабабынских (иракгинских) башкир. В нем рассказывается, что «Кара-Табын, оставив прежние места, перекочевал к реке Чулман», что эта территория была подвластна одному из казанских ханов – Чуртмак-хану[135]. То есть кара-табынцы, перекочевав в бассейн р. Ик («к реке Чулыман»), попадали непосредственно под юрисдикцию хана. Позже, с присоединением к Русскому государству, башкирские роды и племена, занимавшие территории по обоим берегам р. Ик, начали называться «Итскими» («Ицкими) волостями. В некоторых источниках они фигурируют как отдельная область наряду с Казанской, Ногайской, Сибирской и Осинской дорогами[136]. С 1730-х гг. Икские волости уже начали указывать в составе Казанской дороги. В состав Икских волостей входили Сарыш-Кипчакская, Тангаурская, Айская, Бурзянская, Гирейская, Иланская, Ирехтинская, Сюнь-Кипчакская, Минская, Санырянская, Табынская, Тамьянская, Юрмийская, Курпеч-Талбынская, Сенирянская, Гайнинская, Кыргызская, Янсйская, Тышкы-Иланская[137]. Исходя из того, что образование волостей в крае являлось отображением родо-племенной карты исторического Башкортостана[138], можно полагать, что именно башкиры этих племен составили не все, но основное население Икского бассейна. Очевидно, это и есть пресловутые «башкирские улусы», упоминаемые казанским летописцем. Аристократия именно этих «улусов» в первую очередь входила в число знати Казанского ханства, тарханов. Р.Г. Кузеев столь своеобразный состав Икских «улусов» объясняет привлечением казанским ханом башкир на службу. Однако, как мы видели, башкиры оказывали военную помощь и не входя в состав Икских «улусов». Тем более, что в числе «земель», поддержавших Ибрахим-хана, эта территория ни коим образом не отразилась. Отсюда можно предположить, что образование «Ицких волостей» состоялось намного позже образования Казанскогох ханства, а именно в период ногайского засилья в регионе – 20–30-е гг. XVI в., хотя начало оформления «Ицких волостей» можно отнести и к концу XV в. С этим событием можно связать приход некоторых групп кара-табынских башкир и принятия ими подданства казанского хана.

В отношении Икских «улусов» интересно сообщение Муслими, автора рубежа XVIII–XIX вв., в работе «Тауари-и Булгария». Там в связи с нашествием Тимура упоминается «Икское царство», где его

владетелем Байрасом в честь приезда Тимура был построен дворец. Конечно, нельзя безусловно принимать сообщение Муслими[139]. Однако «появление» «Икского царства» в его сочинении не случайно. Можно предположить, что он пользовался неизвестными для нас источниками. Как бы там ни было, в сочинении отражается особый статус улусов бассейна р. Ик.

Науке известны имена следующих башкирских ханов: Байджурахана, проживавшего около г. Уфы, Тугаш-хана, Дауд-хана и Киликхана, живших в районе устья р. Ик. Эти имена зафиксированы в текстах надмогильных плит и стали достоянием науки благодаря трудам В.В. Вельяминова-Зернова и Н.И. Березина[140]. Годы жизни этих правителей ориентировочно можно определить XIV–XV вв., временем массового появления на Урале надмогильных плит с текстом на основе арабского письма.

В 70-х гг. XX в. аспирантом М.Х. Надергуловым около с. Чокорлы в Татышлинском районе Башкортостана была обнаружена надмогильная плита, где четко читаются слова «хан Асан». В 2001 г. она повторно была осмотрена академиками Г.Б. Хусаиновым и Н.А.Мажитовым, которые также подтвердили надпись на плите. Это имя («хан Асан») хорошо известно по текстам башкирских шежере[141], по трудам известного поэта просветителя XIX в. Гали Чокорыя. По этим источникам он известен как Исян-хан, но на надмогильной плите, по мнению Г.Б. Хусаинова, четко выведено имя Асан[142].

А.Н. Усманов говорит о нахождении на территории Башкортостана князей, мурз или карачей, назначаемых казанским ханом в качестве наместника. К их числу он относит уфимского князя Килембета, отправленного в 1509 г. Мухаммед-Аминем послом в Москву к Ивану III. Современные историки отождествляют Килембета с Кара-Килембетом, известным башкирским бием по башкирским шежере и фольклорным памятникам[143]. Н.А. Мажитов связывает его с Кель-Ахметом (Калиметом), одним из влиятельных князей в Казанском ханстве[144]. О каких-либо других «наместниках» на территории исторического Башкортостана нам неизвестно.

Вообще, можно несколько районировать степень подчиненности башкирской аристократии верховным правителям Казанского ханства: подчинение башкир прибельских и камско-икских районов можно охарактеризовать как подданство, основанное на договорных вассально-сеньориальных отношениях. Башкиры северных, центральных и

южных областей состояли с ханом Казани в союзнических отношениях. Как правило, башкиро-казанские взаимоотношения были продолжением золотоордынской традиции, которые, скорее всего, были окончательно оформлены во второй половине XIV в. Вспомним «суюргалы» Токтамыша.

После прихода и обоснования Улуг-Мухамета в Казани, весной 1439 г. с целью заставить московского князя платить дань ему, а не сарайскому хану, Улуг-Мухамет предпринимает поход. 10 дней он стоял под Москвой, но кремля взять не смог. В 1444–1445 гг. хан повторяет поход, в результате которого в плен был взят князь Василий. На условиях большого выкупа князь вернулся в Москву. С Василием прибыло 500 казанских людей. Они были назначены на различные административные должности и получили кормление волости и города.

К этому времени относится выделение Мещерского юрта, отданное во владение сыну Улуг-Мухамета – царевичу Касиму (Касимовское ханство). С начала формирования оно оказалось в зависимости от Московского великого княжества. Однако было бы ошибкой преувеличивать степень зависимости этого ханства от формирующегося государства – Московского княжества. Московские и Рязанские князья были обязаны платить «выход» Касимовским ханам[145]. Ее же аристократия имела право свободного отъезда. Однако с постепенным сужением самостоятельности Касимовское ханство превратилось в проводника политики московских князей на востоке.

Касимовское ханство в нашем случае интересно своим составом населения. В XVI в. тюркские группы, жившие в Касимовском ханстве, именовались по-разному. Наиболее употребительным был термин «татары», использовавшийся для обозначения разных тюркских этнокультурных общностей. В московских деловых грамотах применялась форма «Городецкие татары», крымцы и ногайцы предпочитали называть это население «людьми Мещерскими», «Мещеряне». Но все же население Мещерского юрта в этническом отношении состояло, как и в Казанском ханстве, из «двух этносословных страт»[146]: первый так называемый мещаро-буртасский пласт, относимый исследователями еще к домонгольскому периоду[147]. В сословном отношении это было преимущественно ясашное население. Ко второму относится золотоордынский пласт, в который включается пришлый компонент тюркского населения региона, относящийся к социальным верхам. В этом отношении для нас наиболее интересна грамота, дан-

ная в 1539 г. князю Еникею. В ней говорится: «... татар из тарханов и башкиры и можерянов, которые живут в Темникове, судить и ведать их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш». Здесь под именем «можерян» подразумевается ясашное сословие. Некоторые авторы склонны ассоциировать их с «буртасами – посопными татарами» в источниках XVII в.[148]

Сложен вопрос об этнической принадлежности «татар из тарханов и башкирцев». П.Н. Черменский относил их к буртасам[149]. Д.М. Исхаков видит в них выходцев из Ногайской Орды. Свой вывод он основывает на распространении топонимов «тарханы» в бассейне р. Цна, который являлся владением мангытского князя Тениша. Именно в бассейне этой реки наблюдается концентрация ногайских языковых явлений. Однако этого явно недостаточно для того, чтобы объяснить, почему довольно устойчивая форма, где одновременно фигурируют или являются синонимами термины «тарханы» и «башкиры», применялась именно к пришлой мангытской аристократии. Как мы убедились выше, эта же формула характерна для башкир Казанского ханства. И она сохранялась по отношению к башкирам продолжительное время. Так, в башкирских наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. такое выражение, как «наш башкирский и тарханский народ» является формулой обозначения башкирского населения. Наиболее вероятным представляется то, что под «тарханами» и «башкирцами» в документах XVI в. мы также должны видеть обозначение двух социальных групп башкир. «Тарханы» – ее привилегированная часть, а «башкиры» – остальное башкирское население (общинники).

Кроме топонимов «тархан» бассейна р. Цна, в конце XVII в. в Шацком уезде зафиксирована «Башкирская гора»[150]. Заслуживают внимания и названия двух так называемых «беляков» на территории Мещерского юрта – Ирехтинский и Керешинский[151]. Эти названия совпадают с наименованиями двух башкирских племен – иракте и каршин[152]. Вполне вероятно, что эти родоплеменные группы входили в число «тархан» и «башкир» Мещерского юрта. Мнение о нахождении в составе Мещерского юрта значительных масс башкирской знати подкрепляет предание усерганских башкир: ханы «одаряя их (усерганских. – *Ю.Ю.*) верховодцев и биев разных степенями и званиями, богатствами и дорогими подарками, а также правом быть хозяевами земель, принуждали сколачивать войско из усерганцев. Вместе с тем

войском направились они на север. Видя красоту приокской природы, множество скота на ее зеленых долинах, густоту лесов, решили усерганцы обосноваться в тех местах… Родовое дерево усерганцев – рябина (мышар. – *Ю.Ю.*), поэтому люди других родов объясняли храбрость и воинственность усерганцев тем, что кровь у них рябиновая. Потому позднее перебравшихся на приокские раздолья усерганцев стали называть «мышарами». Постепенно «мышари» превратились в «мишари». Часть теперешних Касимовских мишаров – усерганцы».

Появление башкирской группы в Мещерском юрте мы ориентировочно можем отнести ко второй половине XV в., ко времени оформления и заселения Касимовского ханства.

В 1447 г. Улуг-Мухамет умер, и на казанский престол сел его сын Махмуд. В период его правления происходит развитие торговли, экономики, город Казань становится притягательным культурным центром в мировой политике.

В конце 60-х гг. XV в. башкиры принимают активное участие в двух значительных военных компаниях казанского хана. В этом отношении подробнее рассмотрим особенности русско-казанских взаимоотношений. Это поможет нам четче определить политическую позицию башкирской знати в ханстве.

В Москве Иван III, сменивший в 1462 г. Василия II на княжеском престоле России, начинает проводить активную восточную политику. Поводом для активизации послужила смерть Махмуда. Согласно традиции власть в ханстве должна была перейти его брату Касиму, правившему в Мещерском юрте. Но у Махмуд-хана остались сыновья Халиль и Ибрагим, и вместо ставленника Москвы казанцы предпочли Халиля. Он правил несколько лет и умер в 1467 г. Ханом был провозглашен теперь уже его брат Ибрагим. К этому времени в Казанском ханстве наметилась дифференциация в обществе, сформировалась промосковски настроенная оппозиция во главе с князем Абдул-Мумином, и она выдвинула требование пригласить на ханский престол Касима – дядю Ибрагим-хана. В 1467 г. Касим приехал в Казань в сопровождении русских войск. Но занять Казань им все же не удалось. В ответ Иван III предпринимает походы в Среднее Поволжье. Русское войско было довольно многочисленным и действовало в различных направлениях. Отряды хана более не в силах сдерживать наступление, отступая, «поворотили Камою к Белой Воложке». Отряд русских под начальством воевод Руно и князя Ивана Звенце-

ва из Москвы в 1468 г. переправился через Вятку и Каму и вторгся в пределы Башкортостана. Продвигаясь вверх по р. Белой, русские войска настигли отступавших и нанесли им поражение. В этой же битве был взят в плен башкирский тархан Тулазей.

В 1469 г. поход повторился. Хан Ибрагим в срочном порядке мобилизует воинов из восточных районов, выступает навстречу агрессору. Судя по тому, что из шести «земель» перечислены три башкирские, надо полагать, что участие в этой войне башкир было значительным. Тем более не исключено, что русские войска, как и в 1468 г., угрожали башкирским районам. Ибрагиму удалось отогнать русские отряды, но в том же году Казань была осаждена вновь. Конфликт закончился перемирием на 40 лет. Спустя 8 лет конфликт возобновился. В 1487 г. русские войска заняли Казань и посадили на трон Мухамед-Амина.

К середине 90-х гг. сформировалась оппозиция. Ее лидерами выступают известный уже нам уфимский князь Кара-Келимбет (Кель-Ахмед), Урак, Садыр и Агиш. Начиная с 1495 г. да начала русско-казанской войны 1505–1507 гг. при непосредственном участии оппозиционной группы на казанском престоле произошла череда дворцовых переворотов. С приходом к власти и укрепления политических позиций Мухаммед-Амина ситуация в ханстве несколько стабилизировалась, сохраняясь до 1518 г.

Однако в последующие периоды в Казани в полной мере выявилась нестабильность верховной власти, наметившаяся в ханстве еще в 90-е гг. За эти годы проявилась неспособность его элиты выдвинуть из своих рядов легитимного правителя. Казанский престол превращается в объект противостояния между крымской династией Гиреев и Москвы.

Долгое время в советской историографии господствовала теория о турецкой опасности и протекторате Турции над Казанским ханством. Ситуация в постордынском международном пространстве характеризовалась высокой степенью заинтересованности и участием Турции в судьбе Казанского ханства и агрессивной политикой Османской империи по отношению к народам Поволжья. Однако на сегодняшний день наблюдается явный отход от предвзятой схемы османско-московских взаимоотношений. Центр антирусской политики смещается из Стамбула в Бахчисарай[153]. В связи с осложнившейся ситуацией в Казанском ханстве усиливается прокрымская политическая

ориентация. Причем не только в слоях пришлой аристократии, что и следовало ожидать, но и среди так называемой местной аристократии, что мы рассмотрим несколько ниже.

Итак, после смерти Мухаммеда Эмина (1518) на казанский престол был посажен московский ставленник касимовский царевич Шах-Али, свергнутый в 1521 г. братом крымского хана Сахиб-Гиреем. Последний являлся вассалом турецкого султана, но несмотря на это его вассалитет не имел никакого отношения к Казанскому ханству[154].

В период правления Сахиб-Гирея Казанское ханство вступает в союз с Крымским. Он в союзе с крымским ханом Мухамет-Гиреем в 1521 г. совершил опустошительный набег на Русь и принудил Московского князя Василия III выплачивать захватчикам дань. Для обороны от нападений со стороны ханства в 1523 г. был построен Васильсурск. В 1524 г. на престоле утвердился Сафа-Гирей. Он правил с перерывами в 1524–1549 гг. Наибольшего напряжения борьба достигла летом 1541 г., когда из Крыма на русские земли вторглось 70-тысячное войско крымчан, турок, ногайцев, а зимой этого же года – Сафа-Гирей из Казани с 30-тысячным войском. В 1542–1543 гг. Сафа-Гирей не менее успешно повторяет свой поход. В марте 1549 г. Сафа-Гирей скоропостижно скончался. У Сафа-Гирея осталось несколько сыновей. Двое из них взрослых – Мубарек и Буляк и один младенец Утемиш.

Сразу после смерти Сафа-Гирея в 1549 г. из Казани в Крым было отправлено два посольства. Первое, отправленное весной, было схвачено казаками. Посольства имели целью призвать из Крыма сына Сафа-Гирея Буляк-Гирея на казанский престол. Однако Сахиб-Гирей, в тот период являвшийся ханом Крымского ханства, ответил отказом.

О казанском посольстве 1549 г. писал князь Ногайской Орды Юсуф Ивану IV. «И как Сафа-Кирея не стало – и те бадраки, которые живут в Казани, в Крым послали царя просити Янбар Сарасова да Магметева сына Данила в головах, тритцать их человек»[155]. Здесь для нас интересен этноним «бадраки».

«Бадрак» и его производные (патрак, бадыраг и т.д.) имели широкое распространение в средние века. Родоплеменные группы бадрак имеются в составе казахов Старшего Жуза (бадрак-канлы), башкир (бадрак), гиссарийских локайцев (бадаглы), туркмен-йомуд (бадраг), ногаев (бадырак)[156]. В верховьях р. Ика есть несколько дере-

вень с название Бадрак, на севере Башкортостана, в Янаульском районе, есть д. Бадраш[157]. Также с. Бадраково в Мензелинском районе левобережья Камы; в бывших Куйбышевской и Ульяновской областях есть деревни с названием Бадраки. В Самарской области имеется г. Бадраки[158]. В Пермской губернии П.И. Иванов зафиксировал Бодракову волость[159]. Деревня Патряксы Нижегородской области также восходит к термину «бадрак» (патряк – батрак – бадрак). В то же время в центральных регионах Казанского ханства каких-либо следов нахождения племенной группы бадрак не зафиксировано.

В отличие от терминов «казанлы», «мусулман» и «болгар» (аморфных в этническом плане) «бадрак» имеет более конкретное этническое содержание. Это подтверждается, например, тем, что в состав башкир и ногаев бадраки вошли со своими этническими атрибутами (родовые тамги, память о предке бадраков и т.д.).

Интересен вопрос происхождения бадраков. Р.Г. Кузеев считает, что корни надо искать на востоке, в районе формирования тюркомонгольских племен[160]. Но каких-либо доказательств в пользу их азиатского происхождения Кузеев не приводит. А.П. Григорьев, автор комментариев труда Эвлия Челеби, предположил, что сочетание «бадарак» можно осмыслить как «с трезубцем», «трезубные»[161]. Поскольку трезубец был тамгой Гиреев, то определением «трезубный» Эвлия Челеби мог обозначать вообще всех подданных крымского хана. То есть фактически Григорьев привязывает бадраков к крымским татарам. Подобная трактовка в принципе может объяснить инициативу казанцев отправки посольства именно в Крым. И пояснение Юсуфа, что это «бадраки, которые живут в Казани», вполне согласуется с этой версией. Но, как справедливо подмечает И.В. Зайцев, гребенка была тамгой далеко не только одних Гиреев. «Тарак тамга» использовалась и ногайскими родами[162]. В подтверждение ногайского происхождения бадраков И.В. Зайцев пишет: «Автор описания Крымского ханства (до 1783 г.) Тунманн назвал Бадрак «малой Ордой» восточного Ногая, т.е. отдельным ногайским родом»[163]. Однако это не подтверждает того, что в середине XVI в. (период Казанского ханства) бадраки составляли с кипчаками Ногайской Орды единое этнополитическое образование. В состав ногаев они могли влиться и позже. Да и термин «ногай» в средневековье выступал скорее как территориальное обозначение, нежели определение этнокультурной общности.

В. Бушаков бадраков связывает с буртасами, а отсюда, ссылаясь на Б.А. Васильева[164] и Л. Клима[165], с мишарями. С учетом определенной концентрации специфических топонимов в Урало-Поволжье данное утверждение не лишено основания. Также эта теория объясняет отрывок из посольских книг 1534 г., где говорится следующее: «И послал князь велики за Кудояром с грамотою татар своих *рязанских батраковских* (выделено нами) Темеша Бахметева с товарищи»[166]. Однако предположения Бушакова по поводу преемственности бадрак – буртас по большей части относятся к истории хождения этнонима, нежели к самому этносу. Таким образом, ранняя история бадраков остается открытой.

Обратим свое внимание на башкирских бадраков. Первоначальное место их обитания в историческом Башкортостане было в верховьях р. Ик[167]. Как мы выяснили, бассейн р. Ик являлся «особым» регионом Башкортостана, входившим в активную зону контактов местной аристократии с Казанским ханством. Под термином «тарханы» в русских источниках в первую очередь подразумевалась башкирская знать именно этого региона. В их число входили и бадраки р. Ик. Возможность появления именно этих бадраков в верхах казанской элиты весьма вероятна. Бадраки играли существенную роль в политике Казани, чья аристократия занимала довольно высокое положение. Не случайно в шежере минских башкир предок бадраков Акман был отнесен к роду мурз[168].

Кроме бадраков в письме Юсуфа фигурирует некий «Янбар Сарасов». Под этим именем мы должны видеть видного представителя мордовской аристократии Янбарса Растова, в 1551 г. отправленного казанцами в Москву для переговоров о мире[169]. Как нам представляется, это лишний раз указывает о принадлежности бадраков к «местному» политическому активу – «булгарам».

В бадраках, упоминаемых Юсуфом, мы должны видеть одноименную родоплеменную группу икского бассейна. Тем более форма, употребляемая в источнике, наиболее близка к башкирскому этнониму и топонимам бассейна р. Ик.

В 1549 г. ханом был провозглашен сын царицы Суюн-Бике маленький Утемиш. Царица была объявлена регентшей. Вновь было сформировано правительство крымцев.

В 1549 и 1550 гг. московское правительство организовывает военные походы на Казанское ханство. В обоих случая неудачно. В 1551 г.

с целью установления блокады Казани при устье р. Свияги был основана крепость Свияжск. Фактически жизнь в городе оказалась парализованной. Начинается народное недовольство. В связи с безвыходностью положения крымский гарнизон решается на бегство, но при переправе через Каму они наткнулись на русские заставы и были перебиты. Власть перешла к сторонникам мира с Московским княжеством. Таким образом, заканчивается крымское преобладание в Казани. В августе 1551 г. было заключен мир. По условиям этого мира от Казанского ханства отпала западная сторона (горная) Волги. На казанский престол сел Шах-Али. Однако вскоре в марте 1552 г. Шах-Али был низложен, и главой Казани был назначен русский наместник.

Через несколько дней князья Ислам-бек, Кебек и мурза Алик Нарыков вновь поднимают в Казани мятеж. Находившиеся в городе русские численностью 180 человек были убиты. На ханский престол был приглашен астраханский царевич Ядыгар.

К повторному завоеванию русские подготовились очень тщательно. С началом весны 1552 г. все реки были блокированы отрядами князя. Движение войск началось 5 августа. 13 августа они достигли Свияжска. Войско московского князя в несколько раз превосходило оборонявшихся. Согласно некоторым источникам фольклорного характера, в числе казанского войска были и башкирские воины. У башкир бытовало много подобных преданий, рассказывавших об участии их в обороне Казани[170]. Так, в одном из них говорится, что «Казань обороняли башкиры, так как они хорошие воины и их стрел боялись русские. Но казанский хан обидел башкир, и они ушли. Тогда Казань взяли русские воины»[171].

Окружение Казани началось 23 августа, а 4 сентября был проведен первый взрыв под крепостью. 30 сентября и 2 октября взрывы повторились. После этого русские вошли в город. Имея большое численное превосходство, русские быстро завладели городом. Вскоре бои закончились полным захватом города. Дальнейшее вооруженное движение, где активное участие принимало местное «черемиское» население, с целью возможного восстановления ханства не увенчались успехом.

Башкиры, ослабленные ногаями, голодом и природными катаклизмами, с одной стороны, и отсутствием легитимной власти в Казанском ханстве – с другой, начинают принимать подданство нового владетеля казанского трона. В первую очередь начавшийся процесс присоединения башкирских объединений к Московскому государству

заключался в переоформлении вотчинных прав и властных полномочий на свои земли. Вчерашние «тарханы» Золотой Орды и Казанского ханства практически без изменений правового и социального статуса начинают входить в состав качественно нового для башкир государственного образования.

Подведем итог. Казанское ханство по этносословной структуре состояло из двух основных частей: 1) пришлые, в прошлом золотоордынские, взявшие роль государствообразующего населения; 2) местные этнополитические образования, в числе которых и находились башкиры. Отношения между правящим двором Казани и башкирской аристократией основывались на установившихся условиях взаимоотношений башкир с ханами Золотой Орды. Верховная власть Казанского ханства башкирской аристократией воспринималась не как нечто новое, а как продолжение золотоордынской традиции, где ключевым звеном являлась поддержка правящей группы тука-тимуридов. Первоначально в состав Казанского ханства входила значительная часть башкирских территорий, включая центральные (прибельские) и южные (приякские) районы. Вследствие ослабления центральной власти в Казани и усиления ногайского фактора в район непосредственной юрисдикции хана входят северо-западные башкирские территории, которые образовали своеобразную зону вассально-сеньориальных отношений. Находившиеся там башкирские роды подтверждали у верховного правителя определенные привилегии, в число которых входило получение тарханных ярлыков и оформление вотчинных прав. Именно эти привилегии являлись в силу военно-кочевых и административно-территориальных традиций специфической особенностью башкиро-казанских взаимоотношений.

Башкиры активно участвовали во внутренней и внешней политике Казанского ханства, нередко – в масштабных компаниях ханов. В середине XVI в. в связи с овладением Казани Иваном IV основные принципы башкиро-казанских взаимоотношений традиционно легли в основу отношений между башкирами и московским великим князем.

§ 4. Башкирия в составе Ногайской Орды

Государственное образование Ногайской Орды сформировалось на основе Мангытского юрта. В конце XIV в. он находился на западе Кок-орды в междуречье Яика и Эмбы. Выделение этого юрта свя-

зывают с известным временщиком Золотой Орды Едигеем. Он тогда занимал пост беклярбека при джучидских ханах. При нем возвысился возглавляемый им союз кочевых племен, который, однако, все еще продолжал входить в структуру Узбекского ханства[172].

После смерти Едигея преемником Мангытского юрта стал его сын Гази. В 1420-х гг. юрт стал превращаться в значительную силу, хотя и зависел от владетелей Узбекского улуса. Гази проявил себя как самовластный правитель, что вызвало недовольство кочевой аристократии. С уходом большинства кочевой знати в Сибирь и к другим правителям джучидам Мангытский юрт временно пришел в упадок[173]. В период правления Абул-Хаир-хана (1428–1468), правителя Узбекского ханства, он находился в числе его подданных. Ваккас, внук Едигея, преемник Гази, некоторое время сохраняет верность сюзерену, но вскоре переходит в лагерь Мустафы – последнего независимого от Абул-Хаира государя Дешта. Вскоре Мустафа был разгромлен войсками Абул-Хаира, и Ваккас вновь оказывается в рядах его сподвижников. В конце 1440-х гг. Ваккас умирает. На его место приходит его сын Муса. С его именем связанно отделение мангытского юрта от Узбекского ханства. Именно Муса стал диктовать политику мангытов в восточных степях. В 1457–1458 гг. Муса поддерживает Шибанида Ядгара и сажает его на престол.

Особенностью мангытского правления являлось то, что поддержка чингисида мангытской аристократией открывала перспективу приобретения ханского ранга. Сформировавшийся порядок диктовал обязательное условие: при хане должен быть беклербек из мангытов. При ком из бесчисленных джучидов соглашался стать беклербеком, тот и становился ханом. В то же время мангыт, не будучи отпрыском «золотого рода,» не имел возможности становиться ханом.

В 1468 г. умирает Абул-Хаир-хан. Личность и власть этого правителя сорок лет скрепляли Узбекское ханство (Кок-Орду). Его же сыну Шейх-Хайдару никто подчиниться не захотел. Против него объединяются князь тюменского юрта Ибак, давний враг Абул-Хаира Джанибек – один из основателей Казахского ханства, Бурке, а также мангыты Муса, его барт Ямгурчи и дядя Аббас. Вскоре Шейх-Хайдар был убит Ибаком[174].

После этих событий Мангытский юрт окончательно обособляется. Он начал превращаться в фактически полноправного и равноправного партнера международных отношений, хотя власть Мусы

еще держалась на успешной внешней политике и его ранге беклярбека.

К 1480-м гг. Мангытский юрт разросся, и сформировался относительно устойчивый контингент. Составляющие юрт кочевые племена начинают называться «ногай». Этот термин не имел этнической окраски и служил в качестве полиэтнонима. В.В. Трепавлов родоплеменной состав Мангытского юрта относит к категории «составных вождеств»[175]. То есть кочевые племена, находясь под управлением Мусы, в то же время имели свой военно-административный институт. Власть Мусы не могла опираться ни на сакральность, ни на экономическую базу, ни на аппарат принуждения. Судьба правителя зависела от удачных политических комбинаций в борьбе за гегемонию в Дешт. Подобное, относительно стабильное, положение сохранялось примерно до начала XVI в.

Основной территорией Ногайской Орды являются бассейны рек Эмбы и Яика. К началу XVI в. западные границы достигли нижней Волги. На востоке – до низовьев Сырдарьи. На севере территория Орды достигла башкирских пределов. Исследователи в качестве башкиро-ногайской границы склонны видеть р. Самару[176]. Так, по преданию «Тура-хан», правая сторона Самары была башкирской, левая – досталась Бураку, «его подданными были ногайцы».

С начала XVI в. в состав Ногайской Орды включается основная территория исторического Башкортостана. В историографии она известна как Ногайская Башкирия. Западной границей Ногайской Башкирии являлась р. Ик. Известно, что башкиры-юрмийцы и ногаи находясь на противоположенных берегах р. Ик, стреляли друг в друга из луков[177]. Вместе с тем в 1552 г. ногайский мурза Исмаил «летовал на Ике реке от Камы днишь пять»[178]. Р.Г. Кузеев сферу ногайского влияния определяет к западу от Уральского хребта до низовьев Белой, к востоку – до верховьев Яика и Ая. Это согласуется с данными источников, приводимых В.В. Трепавловым. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщал воеводе Тюмени Л.А. Щербатову, что по донесениям ясачных татар, сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати «в Уфиском уезде с ясашных волостей с устья Белы Воложки до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости»[179]. С северо-восточной границей Ногайской Башкирии он связывает восточные рубежи будущего Катайского уезда, очерчивая ее озерами: Иткуль, Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргази. Южная гра-

ница Ногайской Башкирии очерчивается бассейнами рек Большой и Малой Узени, Чагана, Чижинским разливом[180].

В экономическом отношении Ногайская Башкирия являлась довольно замкнутым регионом. По письменным и фольклорным источникам исследователи выделяют несколько зон и кочевых маршрутов на Южном Урале. О них мы узнаем из «Башкирской истории» Кидряса Муллакаева. Басман-хан со своей Ордой из семнадцати тысяч кибиток кочевал «вверх и вниз по Яику и другим степным рекам, а именно Берде, по Сакмаре, по Салмыше, по Юшатые, по Таналыку, по Оре, по Кизилу, и по протчим рекам…». Здесь мы видим традиционную систему кочевания населения Башкортостана, характерную для XIII–XV вв. В источнике отражается круглогодичный цикл кочевания[181]. В зимний период Орда Басмана, «переходя Уральские горы, кочевали по рекам Белой, Соколе, Ашкадару, Куганаку, по Шкадру, по Деме, где места лесистые и теплые». Его брат Тюря-хан «жил на самом том месте, где ныне город Уфа, а подвластные ему люди кочевали от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Кармасану, по Черемшину, по Куюше, по Базе, по Сюну, и вверх по Аю рекам»[182]. В шежере юрматынских башкир говорится, что бесчисленные ногайцы кочевали в бассейнах рек Сакмара, Яик и Белая[183]. По мнению Н.А. Мажитова, А.Н. Султановой, Южный Урал представлял собой замкнутую зону кочевания. В источниках нет указаний о периодических ежегодных откочевках башкир или ногаев с Южного Урала на юг – к Аралу или Каспию. То есть в Ногайскую Орду Башкортостан включается без нарушения цикла кочевания, сложившегося в золотоордынскую эпоху.

В политическом плане Ногайская Башкирия также является обособленным регионом. В.В. Трепавлов предполагает существование здесь особого наместничества, не входившего в улусно-крыльевую государственно-административную систему Орды[184], которая оформилась в 30-е гг. XVI в.[185] Управление же ею производилось из кочевий на р. Эмбе и непосредственно из столицы – Сарайчука, но нередко наместник находился в центре Ногайской Башкирии, в Иман-кале.

По разному роду источников мы можем выделить несколько удельных центров управления Ногайской Башкирией. По многим преданиям, одной из главных «ногайских» ставок являлось место слияния рек Уфы, Белой и Демы. По свидетельству Кидряса Муллакаева, на том месте некогда стоял «великий город, который простирался

вверх по реке Белой до устья реки Уфы, и до Уфимских, то есть при реке находящихся гор, так что жительство его распространялось по длине верст на десять»[186]. Этот город являлся ставкой «ногайского» правителя Тура-хана (Тиря-Бабату-Клюсов). На основании того же источника называется другая ставка. Она была расположена в местности Актюбя, недалеко от Оренбурга. Ее владетелем «был ногайский хан именем Басман, … который по бывшим великим моровом поветрии, оставя прежнее свое жительство в семнадцати тысячах кибиток, перешел к реке Яику, и близ Сакмарского устья на горе, в расстоянии от Оренбурга шесть верст, где ныне поставлен маяк, построил город, именова Актюба, то есть Белый стан, или село, отчего та гора и поныне Актюбой называется и некоторые на ней развалины видны»[187]. Кроме того, называются и другие местности как главные стойбища ногайских наместников. Например, долина р. Демы (озеро Акзиярат) значится как летнее кочевье «ногайских ханов, покуда они владели башкирами». Затем, после начала откочевки основной массы ногаев на юг, ставка переместилась под Стерлитамак. Р.Г. Игнатьев указывает на нахождение «ногайской» ставки недалеко от г. Бирск, в бывших Мензелинском и Стерлитамакском уездах[188].

Таким образом, Ногайская Башкирия представляла собой особую провинцию Ногайской Орды с относительно фиксированной территорией и административными центрами.

Одна из форм подчинения в кочевых обществах заключалась в регулировании кочевок своих подданных. Но, как мы убедились выше, Ногайская Башкирия представляла собой замкнутый в экономическом отношении регион. Здесь на первый план, как основная форма сюзеренитета, выступает сбор податей, ясака. Они выступали как знак подчиненности и символ подданства Ногайской Орде. Ясак в основном выплачивался пушниной и медом. Можно предположить, что существовал так называемый «налог кровью», обязательство выставлять военные отряды в ногайское войско. Об этом говорит предание минских башкир о «1000 человек вооруженных», выставляемых на войну ногайским князьям. Но здесь подразумевалось подчинение «Тура-хану», во владении которого и находились «12 минских родов», то есть в рамках Ногайской Башкирии. Каких-либо сведений об участии башкир в ногайских компаниях нам неизвестно. В отношении форм зависимости можно согласиться с В.В. Трепавловым, предположившим, что налоговая политика основывалась на тра-

дициях, сложившихся в Золотой Орде, которой еще в первой четверти XV в. подчинялись и башкиры, и ногаи[189].

А.З. Асфандияров упоминает об институте аманатства как одной из форм взаимоотношений между башкирами и ногаями. Однако в этом отношении нам известен лишь единственный случай, приводимый самим автором – требование ногайского сюзерена девушек у знатных башкир на некоторое время[190]. Поэтому о существовании подобной формы зависимости, скорее, следует говорить как о непостоянной, появляющейся по мере необходимости в экстремальных ситуациях.

Д.Ж. Валеев на основе некоторых сюжетов эпоса «Идукай и Мурадым» говорил о «полувассальной» зависимости башкир от «ханов» – сюжет отъезда Идукая из «ханской ставки»[191]. Действительно, во-первых, это соответствует кочевой традиции свободного выбора сюзерена. Во-вторых, в эпической форме могла отразиться реальная ситуация, где выражалось недовольство «новым» сюзереном, повлекшее уход башкир из под власти ногайских правителей.

Первое проявление власти мангытских правителей на Южном Урале многими историками относится к концу XV – началу XVI в. К этому времени относится правление на значительной части исторического Башкортостана двух «ханов». О них нам повествует рассказ Кидряса Муллакаева. На устье р. Уфы находилась ставка Тура-хана. В его подчинении находились центральные, северные, северо-восточные, южные и юго-западные территории, владения минских родов[192] («12 минских волостей башкирцев, плативших ему ясак куницами и медом»[193]). На юге, на Актюбе, по преданию находился брат Тура-хана Басман-хан. В его подчинении находились, очевидно, южные территории Башкирии. В преданиях они фигурируют как «ногайцы». Это дало ряду исследователей основание считать Тура-хана и Басман-хана ногайскими наместниками в Башкирии[194]. Однако факты, указывающие на это, противоречивы и не самодостаточны. Во-первых, мы увидели, что основные районы кочевий как Тура-хана, так и Басман-хана пролегают в рамках исторического Башкортостана. Цикл кочевания актюбинского и уфимского правителей указывает на их традиционность хозяйствования и на замкнутую форму кочевания «ханов», а стало быть, на удельную форму управления полукочевой Башкирией. Однако это стало возможным в рамках Ногайской Орды только в 20–30-е гг. XVI в. с регламентацией госаппарата и право-

вым становлением улусно-крыльевой системы в Орде. На данном же этапе развития государственности Мангытского юрта это было невозможным. Да и термин «ногаи» использовался в качестве определения подданных мангытских правителей и не нес в то время какой-либо этнической окраски.

Во-вторых, мнение о ногайской принадлежности «ханов» основано на предании, записанном в середине XVIII в., когда термин ногай начал терять или потерял свою этническую окраску в отношении Башкирии. В этой связи необходимо затронуть вопрос об интерпретации термина «ногай», фигурирующего во многих памятниках устной исторической традиции (предания, шежере). На их основании в историографии сложилась тенденция безоговорочно видеть в этом термине этноним и подразумевать под ним его этнических носителей – ногаев[195]. Однако еще А.Н. Усманов подверг сомнению правомочность подобной интерпретации определения «ногай» в отношении средневековых сооружений (кешене, оборонительные валы и т.д.)[196] Необходимо учитывать то, что практически весь комплекс источников, где есть указания на «ногаев» и которыми пользуются большинство историков, зафиксирован в более позднее время, нежели события, о которых в них идет речь. Самым ранним из них является рассказ Кидряса Муллакаева. Предание записано в ходе оренбургской экспедиции П.И. Рычковым, который мог уже иметь определенные стереотипы об этнополитической ситуации в регионе того времени. Они могли повлиять на интерпретацию предания при записи. Другие предания и шежере (например, шежере Татигас-бия и минских башкир) зафиксированы в XIX–XX вв., то есть тогда, когда сам термин «ногай» приобрел некую нарицательность, а стало быть, не отражал действительную этническую ситуацию описываемого времени. Так, одна из четырех дорог в Башкирии называлась ногайской, хотя ее территория не совпадала с границами Ногайской Башкирии. Здесь термин «ногай» скорее был определением чего-то отдаленного от восточного центра тогдашней России (в данном случае Казани) и степного. Данный стереотип, очевидно, и дал основание исследователям говорить о чуть ли не восьмикратном превосходстве ногаев на Южном Урале[197].

Несколько другую картину мы видим в более ранних источниках. В башкирской летописи XVII в. анонимного автора «Дафтар-и Чингис-наме», где в принципе довольно подробно описаны племена и роды,

населявшие регион, этнонимы «ногай», «мангыт» вовсе не употребляются. А в копии грамоты от 21 августа 1609 г., данной Татигасбию, место «ушедших ногаев» (по шежере Татигас-бия, записанном в начале XX в.) занимают «ногаевские башкирцы»[198]. В другом варианте юрматынского шежере также нет «ногаев», но фигурирует кипчакский этноним «калбак». В «экстракте» Алексей Михайловичу, в 1670 г. представленном «из Тобольска», в сведениях «старца именем Лота» Далматского монастыря фигурируют «башкирцы ногайской нации»[199]. Как видим, сведения источников, датируемых XVII в., дают нам возможность несколько по-иному взглянуть на значение термина «ногай». Практически ни один источник более раннего периода не говорит категорично о массовом и продолжительном ногайском присутствии на Южном Урале. В то же время, конечно, не отрицается факт их присутствия и политического влияния в регионе, что требует от нас более критического подхода в рассмотрении роли и значения ногайского фактора.

Как нам представляется, в позднейшее время термин «ногай» в отношении Южного Урала потерял свое реальное этническое содержание, приобретя более широкое значение, с чем и связано его распространение в башкирских преданиях и шежере. То же самое могло произойти и с правителями Башкирии. Со временем башкирские правители в историческом сознании народа потеряли свой этнический облик и стали обозначаться более «широким» в то время термином «ногай».

Правитель южной Башкирии Басман-хан отразился в шежере Шагали Шамана, предводителя тамьянских башкир второй половины XVI в. Генеалогическая цепочка выглядит следующим образом: «Туман-бей – Кильдар-бей – Нахамет-бей – Басман-хан – Айкынбей – Айдарали-бей – Шагали Шакман кэнэз – Буралы и Бураш…». Как видно из текста, Шагали Шакман является правнуком Басман-хана. Последний, являясь в шежере предком Шагали Шакмана в третьем колене, вполне соотносится с временем правления «Басман-хана» Кидряса Муллакаева – конец XV – начало XVI вв.

Особый интерес представляют предания «Факихтар языуы йаки Боронго тарих китабы» и приводимое нами выше «Тура-хан». «Факихтар языуы…» является пересказом одной башкирской рукописи, бесследно исчезнувшей в конце 20-х гг. XX в. В ней речь идет о неком башкирском правителе Касым-хане. Он обосновывается на устье р. Сакмара, где отстраивает себе ставку и «карауанһарай». Да-

лее описываются взаимоотношения Касым-хана с казанским Мырзабек-ханом. С целью установления дружеских отношений к Мырзабеку отправляется письмо, где Касым-хан высказывает опасения о возможности русского завоевания. Но поначалу Мырзабек сжигает послов и с рабом отсылает письмо обратно. После последовавшей угрозы Касым-хана Мырзабек соглашается. В другом предании – «Тура-хан» – фигурирует Кусем-хан. Он является сыном Тура-хана и участвует в войне с Мансуром, «его подданными были башкиры. Учитывая возможную вариабельность имен, есть основания полагать, что под именами Касым-хан («Факихтар языуы…») и Кусем-хан («Тура хан») кроется правитель южной Башкирии, отраженный в рассказе Кидряса Муллакаева «Басман-хан».

Во-первых, Кусем-хан (предания «Тура-хан»), как и Басман-хан (рассказа К. Муллакаева) находится в родственных связях с Тураханом. И в первом, и во втором случаях могли отразиться не реальные родственные связи, а факт одновременного правления, может быть, соправительства в регионе. Во-вторых, Басман-хан (рассказ К. Муллакаева), Касым-хан («Факихтар языуы…») и Кусем-хан («Тура-хан») являются правителями башкир, причем у первых двух ставка находится на устье Сакмары, у последнего же подданными были башкиры, жившие по правой стороне р. Самары.

Вернемся к сведениям П.И. Рычкова. «Тура-хан» и его «ногайцы», как мы выясним ниже, являются выходцами не из степей западного Казахстана, основного места обитания ногайских племен, а кипчаками (вернее, кипчак-кунгратской частью одного из крупнейших политических объединений башкир), переселившимися из северо-западных территорий исторического Башкортостана, примерно междуречья Зая и Шешмы.

Первый факт появления собственно ногаев (мангытов) на Южном Урале относится к 1489 г. На это указывает грамота Ямгурчи к Ивану III: «мурзин кочев на Белой Воложке был»[200]. Нахождение Ямгурчи на южном Урале отразилось в шежере башкирских кипчаков. «Кушкар-бий,… перейдя через Итиль, обосновался у устья рек Яика и Сакмары. Позднее присоединился к нему Ямгурчи-бий; оба стали здесь биями… потомки Ямгурчи-бия назывались ямгурчи-кипчаками или ногай-кипчаками»[201].

Распространение мангытского влияния на Южный Урал В.В. Трепавлов связывает с изменением политической ситуации в Дешт-и

Кипчаке. В XV в. мангыты вели борьбу с узбекскими и казахскими ханами на юге и востоке и с Большой Ордой и Крымским ханством – на западе. В этой ситуации они могли расширять пределы своего юрта только на север. С целью противостоять своим противникам мангыты заручаются поддержкой сибирского хана Ибака, в конце 80-х гг. являвшегося одним из могущественных правителей в постзолотоордынском пространстве. С этим именем и связано первое появление мангытской аристократии на башкирских территориях. Однако об окончательном установлении ногайской власти в регионе говорить еще рано.

Взаимоотношения между башкирской и мангытской аристократией, вероятно, складывались мирно, без каких-либо существенных изменений во внутреннем устройстве Башкирии. Проявление мангытской власти в регионе ограничивалось только кочеванием ногайских улусов, которое скорее всего носило спорадический характер.

В период правления Мусы обозначилось политическое и государственное оформление Ногайской Орды. Когда ногаи избавились от формального подданства, им пришлось организовывать собственные подвластные владения. Главным признаком автономности было оформление улусно-крыльевой системы. Начинает выделяться западное (правое) крыло. Во главе него стоял «правитель улуса». В период правления Мусы им стал Ямгурчи[202]. Судя по всему, Ногайская Башкирия номинально входила в западное крыло, в улус Ямгурчи. Как мы увидим, принадлежность ее к правому крылу проявится и в последующие периоды.

Примерно в 1500 г. умирает Муса. Преемником становится его брат и ближайший соратник Ямгурчи. В 1504 г. его сменяет Хасан. Ни Ямгурчи (именно как бия юрта), ни Хасан не нашли своего отражения в народной памяти. Скорее всего, вмешательство биев в жизнь Башкортостана было минимальным.

В период правления Хасана на место соправителя садится Алчагир, сын Мусы. Алчагир находит полное соответствие с Алтакаром из «Башкирской истории». В предании говорится о междоусобной войне между Алтакаром, Басманом и Тура-ханом. Алтакар в предании выступает в качестве вассала Басман-хана. Между ним и другим мурзой – Битюряком – возникают разногласия, для решения которых обращаются к Басман-хану. Басман принимает сторону Битюряка, вследствие чего Алтакар, озлобившись, откочевывает за Яик,

где «желище имел около реки Ембы». Через несколько лет Алтакар возвращается и начинает войну с Басман-ханом. В одной из битв хан погибает. В этой же войне погибает и его брат Тура-хан. Вследствие этого Алтакар «над всеми ногайцами владеть учиняется».

Если учитывать, что под Алтакаром подразумевается лидер мангытской аристократии, а под именами братьев Басман-хана и Тура-хана – местные правители, то, по всей вероятности, в предании отразилось первое (во всяком случае, полномасштабное) военное противостояние между башкирскими правителями и Алчагиром, правителем улуса и/или бием Ногайской Орды. По видимости, оно охватило всю южную и центральную часть Башкирии. Судя по преданию, первое столкновение с башкирами закончилось неудачно для Алчагира, после чего он откочевывает к Эмбе – основной территории Мангытского юрта, и возвращается, собрав значительные силы.

Из всех сыновей Мусы Алчагир отличался своей амбициозностью. Еще в 1505 г. при Хасан-бие проявилось его нежелание подчиниться князю. Он не останавливался перед демонстративными и провокационными действиями. В Ногайской Орде его поддерживали многие мурзы, в то время как позиции Хасана у местной аристократии были довольно слабы. В 1508 г. в Ногайской Орде разгорается открытый конфликт. В нем погибает ногайский бий Хасан. После его смерти место ногайского вождя освобождается, и между сыновьями Мусы и некоторыми его племянниками начинается междоусобная война за первенство в Орде.

В 1510 г. начинаются военные столкновения между основными претендентами на княжество. Ими выступают сыновья Мусы – Алчагир и Шейх-Мухамед. В результате военных действий в 1514 г. Шейх-Мухамед на несколько лет был вытеснен на правобережье Волги. В результате на княжьем месте оказывается Алчагир, но, как оказалось, не надолго. В 1516 г. Алчагир был разбит изгнанным Шейх-Мухамедом, ставшим к тому времени беклербеком в Тюменском улусе на нижнем Тереке при Ахматовиче Хаджике-хане. К 1517 г. Шейх-Мухамед в Ногайской Орде уже начал занимать более сильные позиции[203].

Очевидно, периодом нахождения Алчагира на должности правителя улуса и его правлением в Ногайской Орде мы должны ограничивать события в Ногайской Башкирии, отразившиеся в «Башкирской истории». Самовластный Алчагир, скорее всего, стремился поконн-

чить с властью удельных правителей в Ногайской Башкирии и полностью подчинить себе башкирские территории. Но все же и с этими событиями мы не можем связывать установление полновесной ногайской власти в Башкирии. Этому помешали дальнейшие события в Дешт-и Кыпчаке, связанные с казахским нашествием.

Основателями Казахского ханства были Джанибек, сын Барака, и его троюродный брат Гирей. Еще в период правления Абул-Хаира братья находились в жесткой оппозиции к хану и около 1459 г. вместе со своими улусами откочевали в Моголистан[204]. После смерти Абул-Хаира Джанибек и Гирей в составе известной уже нам коалиции убивают Шейх-Хайдара. В конце 60–70-х гг. XV в. Гирей становится главным ханом, теперь уже в Казахском ханстве, а его брат – соправителем, т.е. правителем западного крыла, где также располагались кочевья мангытов. Формально Мангытский юрт был подчинен новому хану. Сарайчик, центр юрта, являлся резиденцией Джанибека[205]. После смерти Гирея Джанибек со своими улусами откочевывает за Эмбу, на восток ханства, с целью занять престол. Джанибек умирает не ранее 1473–1474 гг. На его место приходят сыновья основателей Казахского ханства Бурундук и Касим. Мангыты не выказали покорности наследникам и фактически выпали из политического влияния, хотя все еще считались правым крылом ханства. Увод Джанибеком своих подданных из Яицко-Эмбинского междуречья, а также активные торговые, политические контакты и войны с узбеками привели к тому, что подавляющая масса казахов расселилась далеко на востоке и юго-востоке ханства. Потому ногаев и казахов разделяло обширное малонаселенное пространство[206].

В конце XV – начале XVI в. основные силы казахов были отвлечены сначала на Мавераннахр, а затем на отражение узбекских вторжений. В этих условиях ногаи могли игнорировать сюзеренитет казахских ханов. Но после разгрома узбекского правителя Шейбани в 1510 г. внимание казахов было обращено на запад. Бурундук и Касим решили восстановить господство над ногаями. Инициатива принадлежала главным образом Касиму, сыну Джанибека. В 1511 г. в Самарканде умирает Бурундук, и Касим становится единоличным правителем Казахского ханства.

Примерно летом 1519 г. началось казахское нашествие. Не в силах сдержать наступление, ногаям пришлось «перелезать» на правый берег Волги и скрываться под защитой крымского хана[207]. Мно-

гие ногайские улусы оказались захваченными казахами. В боях погибают и недавние правители Ногайской Орды Шех-Мухамед и Алчагир. В течение года ногайские земли к востоку от Волги оказались под властью Касим-хана. Теперь западная граница Казахского ханства начала достигать Волги[208].

Уход ногаев также касается и башкирских территорий. В преданиях и шежере племени кипчак Алчагира в ранге правителя Ногайской Башкирии сменяет Алтакар, ассоциирующийся с казахским правителем Хакк-Назаром, сыном Касима. Но в период казахского нашествия Хакк-Назар был еще ребенком и потому не мог быть наместником в Башкортостане. Да и поход Касим-хана был направлен на восстановление западного крыла Кок-Орды, тогда как Ногайская Башкирия к нему не относилась. Она составляла улус Ак-Орды бывшего улуса Джучи. Это не исключает вероятность того, что башкиры могли поддержать в войне Касима. Ведь казахскому нашествию предшествовало ногайское завоевание. Вполне вероятно, что именно имя Касима-хана фигурирует в преданиях «Тура-хан» и «Факихтар языуы…», завуалировав тем самым имя башкирского правителя. В шежере Татигас-бия отразился некий «Таукай-хан»[209], который получил «печать на правление» в юрте и был главой 1085 казахов (т.е. тысячником). Юртом он управлял «по справедливости»[210]. В шежере отразился Тугум, внук Джанибека. Вполне вероятно, что племянник Касим-хана мог появиться в Башкортостане в качестве удельного правителя. На это указывает и наличие выданной Таукаю «печати». В последующем Тугум займет казахский ханский престол. В 1537–1538 гг. в войне против антиказахский коалиции в лице Бухары, Хорезма, Ногайской Орды и других Тугум-хан погибает.

В 1521 г. умирает Касим-хан[211], и новым государем казахов становится племянник Касима – Тахир. Узнав о смерти могущественного правителя, ногаи начинают отвоевывать обратно свои территории. Тахир не сумел оказать какого-либо сопротивления, и в 1524 г. вся завоеванная Касим-ханом территория вновь переходит во власть мангытов. Присутствие в это время ногаев в Башкортостане не отмечается. Лишь в 1535 г. в послании мурзы Шейх-Мамая Ивану IV сын мурзы Кан «перелез Белую Воложку».

В 30-е гг. XVI в. в качестве наместника в Ногайской Башкирии был чингисид, сын Касим-хана Хакк-Назар. После смерти своего отца он воспитывался при дворе Шейх-Мамая и находился с ним в

родственных связях. В памяти народа Хакк-Назар сохранился как хан, установивший жесткие порядки, связанные с административным делением и установлением четкой системы налогового обложения и его сбора[212]. Вот что об этом повествует предание: «Акиазар-хан (так в тексте. – *Ю.Ю.*) всех один в своей власти имел, и усмотря их непостоянство и разные воровства, всячески их изнурял и в бессилие приводил, ибо на три двора по одному котлу иметь допущал, как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал и землями владеть також и чрез реку переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице»[213]. Как видим, Хакк-Назар стремился абсолютизировать власть наместника в регионе. Б.А. Азнабаев считает, что правление царевича в регионе сказалось на ограничении власти башкирской аристократии в подвластном регионе[214]. На это указывает фрагмент источника: «на три двора по одному токмо котлу для варения им пищи допущал». По мнению исследователя, котел с древнейших времен у кочевников олицетворял власть родовой и племенной знати. Принудительное уменьшение числа котлов у башкир символизировало ограничение власти башкирской знати. Нисколько не отвергая мнение Б.А. Азнабаева, добавим, что в числе родовых атрибутов башкирской знати фигурирует «сауыт» (сосуд). По преданиям, он доставался бию от хана и олицетворял власть над родом. Вполне вероятно, что при записи предания «сауыт» от руки П.И. Рычкова мог превратиться в «котел» и восприниматься переписчиком буквально.

Царевич, очевидно, знакомый с принципами администрирования и управления в среднеазиатских государствах, проводил аналогичную политику и в Ногайской Башкирии, что выражалось в более жестоких формах управления и, естественно, вызывало недовольство башкирского населения. Переход земельной собственности к наместнику, новое административное деление и четко регламентированное налогообложение в первую очередь подрывали позиции местной аристократии. Но в целом же эти нововведения находились в одной канве с государственными преобразованиями в Ногайской Орде в 30-е гг. XVI в. В этот период повышается статус ногайского бия. По фактическим полномочиям он становится равным хану. В течение 30-х и последующих годов наблюдаются попытки ногайских биев уравнять свое положение на международной арене с ханами и московским князем.

В самой Ногайской Орде окончательно оформляется улусно-крыльевое деление, складывается более или менее упорядоченная система власти. Орда оказалась разделенной на три части: восточную во главе с кековатом, центральную – улус самого бия и западную с нурадином[215]. Разграничиваются и конкретизируются властные полномочия бия и мурз. Башкортостан же не вошел в улусно-крыльевую систему, он выделился в отдельный регион, возглавляемый своим наместником[216]. До этого Ногайская Башкирия находилась под ведомством «правителя улуса», правого крыла Орды. В.В. Трепавлов отмечает своеобразную закономерность в назначении наместников в регионе. Дело в том, что после своего правления в Ногайской Башкирии большинство мурз становятся нурадинами в Ногайской Орде (исключение составляют казахский и сибирский царевичи Хакк-Назар и Ахмед-Гирей, а также Канай, занявший сразу же пост бия). То есть пост наместника в Башкортостане предшествовал посту нурадина[217]. Подобное вполне объясняется тем, что все же в административном отношении Ногайская Башкирия еще относилась к правому крылу. В то же время назначение наместника находилось в компетенции Шейх-Мамая, что давало право сажать в этом качестве своих воспитанников[218]. В данном случае Хакк-Назара.

В качестве причин, не позволивших произойти интеграции башкир с ногаями, Б.А. Азнабаев считает невозможность объединения в один социальный и этнический организм данников (башкир) и взимателей дани (ногаев)[219]. Однако подобные отношения можно отнести скорее к следствиям, чем к причине. На выделение Ногайской Башкирии в отдельное наместничество в какой-то степени влияла хозяйственно-экономическая и, как следствие, политическая замкнутость региона[220]. Но в этом отношении можно назвать еще одну причину – социально-правовую. Еще в XV в., когда кочевые племена Мангытского юрта (в том числе сами мангыты) являлись подданными ханов левого крыла Батыева улуса, каждое племя имело собственную правящую аристократию. Однако с выходом Мангытского юрта из-под власти хана, мангытская знать во главе с Мусой начинает претендовать на управление всеми кочевниками. Безусловно, когда основные элитарные группы юрты по статусу примерно равны, не могло обойтись без конфронтации мангытов с аристократией других племен. Но после разгрома мангытами Казахского ханства им начинает принадлежать абсолютная власть над кочевыми племенами в Орде и их

вождями[221]. Башкортостан же вошел в орбиту мангытского влияния сравнительно поздно. Башкирская аристократия не прошла долгий путь «приживания» в Мангытском юрте, где фактическая власть находилась у нечингисидов-мангытов. Основная ее территория относилась к правому крылу Золотой Орды. В течение конца XIV–XV вв. башкиры поддерживали в начале золотордынских, затем, в качестве их наследников, казанских и в какой-то мере касимовских ханов из династии тука-тимуридов. Ими башкиры привлекались за счет определенных пожалований (тарханные ярлыки, оформление вотчин), выдача которых была исключительно в компетенции хана. Подобные взаимоотношения являются традиционными между башкирской родоплеменной аристократией и ханами XV–XVI вв. Однако мангыты не имели возможностей полностью включить Башкортостан в систему Орды. Создав собственное кочевое государство со своей правящей династией, фактически ногаи посягнули на исключительную прерогативу чингисидов. Естественно, это не могло с одобрением быть воспринято соседями ногаев, в том числе и башкирами. Ее аристократию больше привлекали ханские пожалования и непосредственное участие во внутренней и внешней политике Казанского ханства. В ином же случае их ждала перспектива потери своих позиций на южном Урале и вливание в массы ногаев-кочевников. И в данном отношении вполне оправданно выглядит выделение Ногайской Башкирии в отдельное наместничество, где основной формой проявления власти было нахождение в регионе наместника, осуществлявшего сбор ясака с местного населения. Причем ясак теперь приходилось выплачивать сразу трем улусам, то есть кековату, нурадину и самому бию.

Ногайские наместники вместе со своими улусами были явно нежелательным элементом в Башкортостане. Нарушение вотчинных прав, вмешательство во внутреннее управление не могло способствовать повышению авторитета у пришлой аристократии.

Таким образом, с оформлением государственно-административной системы Ногайской Орды в период правления Хакк-Назара окончательно устанавливается власть ногаев в Башкортостане. При нем фактически формируется система ногайского господства в регионе. Если в эпоху Басман-хана и Тура-хана, действительно, основная территория исторического Башкортостана (в том числе «по реке Белой и Яику») могла в той или иной степени считаться частью Казанского

ханства[222], то в 30-е гг. XVI в. ситуация меняется. Ногайская Башкирия в административно-территориальном и политическом отношениях становится частью ногайского государственного образования. Ставка ногайского наместника перемещается из Эмбы, на устье Белой, в Древнюю Уфу (г. Башкорт).

С периодом 20–30-х гг. – утверждения ногайской власти в регионе – мы должны связывать появление непосредственно ногайских улусов и распространение этнонима «ногай» (ногай-юрматы, ногай-бурзян, ногай-кипчак и т.д.)[223] Хотя, безусловно, отмечаются и более ранние проникновение кочевых племен Мангытского юрта (например, «ногай-кыпсаки» Ямгурчи-бия).

В 1537 г. ногаи окончательно разбили преемников Касим-хана, полностью овладев престолом Казахского ханства. На трон ханства садится ставленник мангытов, наместник Ногайской Башкирии Хакк-Назар и в 1538 г. на его место приходит Исмаил, сын Мусы, брат Алчагира[224]. Башкирское предание отмечает, что наместником в Башкортостане Исмаил находился семь лет[225]. После этого, примерно в середине 1545 г., Исмаил-мурза становится нурадином[226]. Главой Ногайской Башкирии вновь оказывается ставленник Шейх-Мамая – Ахмед-Гирей. Он, как и Хакк-Назар, являлся потомком Чингисхана. Вряд ли может быть случайностью появление в качестве наместников в Ногайской Башкирии двух представителей ханского рода. В.В. Трепавлов подобные назначения чингисидов (а также будущих нурадинов) трактует как управленческую тренировку и «приобретение административных навыков будущими ханами»[227]. В целом можно согласиться с этим утверждением. Однако кроме них, очевидно, были еще и другие причины, связанные со статусом региона. Скорее всего, в целях управления и контроля требовалось нахождение человека из знатного рода, коими являлись Хакк-Назар и Ахмед-Гирей. Ведь не случайно именно с именем Хакк-Назара связано установление ногайской власти в регионе.

К середине XVI в. в Ногайской Орде образовались две противоборствующие группировки. Одна из них, возглавляемая князем Юсуфом, придерживалась восточной ориентации. Оппозиция сформировалась в правом крыле, главой которой был мурза Исмаил. В своей политике он ориентировался на Москву и сумел увлечь за собой поволжских мурз, имевших большой политический вес и авторитет среди монгольской знати. Постепенно власть начинает переходить в руки Исма-

ила. Положение центральной власти в Орде усугубляется изменением международной политической обстановки. Главную угрозу для Ногайской Орды, как и для Крымского, Казанского и Астраханского ханств, стало представлять Московское княжество. В 1552 г. международная ситуация в Восточной Европе кардинально меняется. Завоевание великим князем Казани нарушило сложившийся баланс сил в постордынском пространстве в первой половине XVI в. В Астрахани в 1554 г. воцарился Дервиш-Али, ставленник Москвы. Фактически рухнула система позднеджучидских образований. На этом фоне довольно нерешительным выглядит политика Юсуф-бия. Ни в казанской, ни в астраханской компаниях ногайский бий не принял участия. Но Ногайская Орда все еще оставалась гегемоном в Дешт-и Кипчаке. Положение начинает меняться с середины 1550-х гг. XVI в. В 1554 г. между Юсуф-бием и нурадином Исмаилом начинается междоусобная война. Верх в ней одержала партия Исмаила. Юсуф-бий и многие его сторонники были убиты, остальные изгнаны. О жестокости войны повествует летописец: «А людей ногайских на обе стороны многое множество побито; как и стала Орда Нагайская, такой падежи над ними не бывало»[228].

Основные причины разразившейся междоусобной войны лежали в экономической плоскости. Мурзы правого крыла были связаны с российским рынком. Не могла остаться безучастной в раздувании распри и Москва. После захвата Казани и в период подготовки похода на Астрахань перед царем открывалась перспектива захватить все Поволжье и прилежащие территории, тем самым рассечь степной мусульманский Дешт-и Кипчак. В то же время была известна заинтересованность ногаев в степях Крымской стороны.

После убийства Юсуфа княжение переходит Исмаилу, союзнику Москвы. Однако с его воцарением в Орде начинается противостояние Исмаил-бия с сыновьями Юсуфа, бежавшими после убийства их отца в Астрахань и Крым. По началу Исмаилу с помощью русских отрядов удавалось удерживать сыновей Юсуфа. Однако лагерь сторонников Исмаила был довольно разношерстным, и большинство мурз – бывших сторонников Исмаила – начали покидать бия-братоубийцу и откочевывать на правый берег Волги. Усилилось военное противостояние Исмаила с сыновьями Юсуфа. Эта междоусобная война сопровождалась взаимным разорением. Экономическая база Ногайской Орды оказалась подорванной, уменьшаются ее население и территория, нарушаются традиционные маршруты кочевий.

Во второй половине 50-х гг. XV в. в Орде начинается великий голод, связанный с природными катаклизмами. Голод и эпидемия привели к высокой смертности и массовому бегству народа из Орды. Английский путешественник Э. Джекинсон, в 1558 г. проехавший через Астрахань, имел возможность наблюдать состояние ногаев: «Такого мора никогда не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами, теперь же они пусты… их (ногайцев. – *Ю.Ю.*) мертвые тела кучами валялись по всему острову, не погребенные, подобно зверям»[229]. Трагедия не обошла стороной и башкирские территории. Предание башкир-юрматынцев гласит: «Выпал великий снег, и сряду три года стояла жестокая зима. На овец и скот напал падеж, и хлеб не родился»[230].

Жестокая междоусобная война и природные катаклизмы подорвали экономику, военно-политическую основу государства и вызвали массовый отток ногаев за Волгу. К этому времени (вторая половина 1550-х гг.) относится уход ногаев с Южного Урала. Сведения об уходе ногаев и части башкир сохранились в преданиях минцев, юрматынцев и юго-восточных башкир (усерган, бурзян, кипчак, тамьян). Шежере минцев отразило междоусобную войну между Аксак-Килембетом и Кара-Килембетом. После этого «Килембеты с ногаями бежали за Яик и на Кубань»[231], но вместе с ними откочевала и большая часть башкир. Вполне возможно, что откочевка башкир связана с противостоянием Исмаилу, бию Ногайской Орды. В шежере юго-восточных башкир говорится о притеснениях ногайскими мурзами Бурсайхана и Актуша (Актулуша). Башкиры воспользовались ослаблением позиций ногайской аристократии в регионе. Они схватили мурз «и доставили их хану России Ивану Васильевичу»[232]. Откочевка же «ногаев», отразившаяся в шежере юрматы, прошла довольно мирно.

В номенклатуре Орды пост наместника Ногайской Башкирии все еще сохранялся[233]. В течение второй половины 1550-х гг. значительная часть Башкортостана была присоединена к Русскому государства, однако происходили попытки ногаев вновь установить в регионе свою власть. Это выражалось в набегах и в сборе ясака. Ставка наместников вновь оказывается на р. Эмбе. В 1558 г. наместником становится Динбай, сын Исмаила. На этом посту он находился 20 лет и, как Урус, стал ханом, Динбай перебрался с Эмбы на Волгу. Преемником на посту Динбая стал Саид-Ахмед, внук Исмаила. В 1584 г. Саид-Ахмед уходит на нурадинство.

Построенная в 1574 г. на месте старого города русская крепость к середине 1580-х гг. превращается в опорный пункт власти царя в регионе[234]. В 1586 г. происходит известная дипломатическая переписка ногайского бия Уруса с Москвой. Претензии бия относились к постройке четырех городов: «…на Уфа, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке». Урус пытался оспорить легитимность русской власти в регионе, ссылаясь на то, что землями, на которых русское правительство строит города, не владели ни деды, ни отцы русского царя. В свою очередь ногайскому князю башкирские территории представлялись как часть Орды: «Поставил де город для лиха и недружбы… чтобы мне с башкурдов и с остяков дани никакие не имати и только… дани пошлю своего человека данщика дани собирать с башкурдов и остяков и ты тех моих данщиков велишь побити»[235].

Русское правительство не приняло во внимание территориальные претензии ногайского князя, в связи с чем последовал ответ: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставить, что беглый из Сибири Кучум, пришед в государеву отчину – Казанский уезд – в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцов, почел бы имати. И нынче государь на Уфе велел город поставити и людей своих в нем устроити для оберегания Казанского уезда башкирцов и для того, что государевы люди городы многие поставили в Сибирской земле. Из того города на Белой Воложке казанским людям многим ходить в Сибирь. А тот город стал на дороге, да и потому, чтоб казаки беглые с Волги на Белую Воложку не ходили и ногайским улусам убыток не чинили»[236].

С постройкой уфимской крепости и разгоревшейся в конце XVI в. в Орде междоусобицой власть ногаев в Башкортостане окончательно пресекается. В начале XVII в. случались рецидивы набегов ногайских мурз, но в сложившейся к тому времени международной обстановке ни о каких попытках восстановления ногайской власти не могло быть и речи.

---

[1] *Валиди Туган А.* Башкорттар тарихы. – Уфа, 2005. – С. 33.

[2] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. –М., 2004. – С. 220.

[3] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – Уфа, 1994. – С. 243.

[4] *Хусаинов Ғ. Б.* Башҡорт дәүләтселеге һәм Мәйтән бей миссияһы // Профессор Дж. Г. Киекбаев и проблемы современной тюркологии: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2006. – С. 210–216.

[5] *Иванов В.А., Яминов А.Ф.* История Золотой Орды. – Уфа, 1997. – С. 42.

[6] *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). – Уфа, 2005. – С. 49–51.

[7] *Башкирское* народное творчество. Исторический эпос. Т. 10. – Уфа, 1999. – С. 215.

[8] БХИ: риүәйәттар, легендалар. – Уфа, 1997. – С. 160.

[9] БХИ: риүәйттар, легендалар. – Уфа, 1980. – 156–157 б.

[10] Шунда ук. 156–157 б.

[11] *Известия* Юлиана о венграх, булгарах и татарах // Из глубин столетий… Сост., вступ. ст. и комм. Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2000. – С. 152.

[12] *Иванов В.А., Яминов А.Ф.* Указ. соч. – С. 39.

[13] *Путешествие* в восточные страны. – Алма-Аты, 1993. – С. 42.

[14] *Антонов И.* Башкортостан и башкиры // http://kraeved.opck.org/biblioteka/bashkortostan/bashkiry_i_bashkortostan/bashkiry_i_bashkortostan.pdf

[15] *Шежере* усерганских башкир // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 81–87; *Хусаинов Г.Б.* Үҫәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. – Уфа, 1985. – С. 55; *Шежере* тангаурских башкир // Камалов А. Ете юл сатындагы ауыл // Ватандаш. – 2001. № 4. 121 с.; *Шежере* сальютских башкир //Надергулов М.Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы. – Уфа, 2002. – С. 8; *Шежере* кара-табынских башкир // Со орой Ғ. Шәм я тыһы: шиғырҙар, тарихи я малар, хаттар / Текстологик эштәрзе башкарыусы, тозеүсс, баш һүз языусы Нәдерголов М.Х. – Уфа, 1995. – С. 92–116; Рукопись XVII в. «Дафтар-и Чингис-наме» //Баш орт халы ижады. VII т. – Уфа, 2004. – С. 143–163; *Эпос* «Муйтан-бий» // Ватандаш. 2003. № 1. – С. 97–102; и др.

[16] *Баш орт* халык ижады. VII том. – Уфа, 2004. – С. 143–163.

[17] *Надергулов М.* Указ. соч. – С. 79.

[18] Примечательно, что Калдар-бий в отличие от остальных биев не представлял какое-либо племя. « – Ай, ологымыз, ханымыз! Безлардин сорасаныз, безлар, монда сезне эстай килмек ун кешемез, тугыз ыругдан, – тиделер. – Амма Калдар бей ялгыз бер узедер» // Надергулов М. Указ.соч. – С. 155.

[19] *Башкирские* шежере. – Уфа, 1960. – С. 81–87.

[20] *Хусаинов Г.Б.* Үҫәргән ырыуы шәжәрәһе... – 55 б.

[21] Там же. – С. 57.

[22] *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Историчесикй архив. – М., Л., 1940. – С. 82.

[23] См., например: *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – Алма-Ата, 2002. – 604 с.

[24] *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. – М., 1994. – С. 43

[25] Там же. – С. 45–56.

[26] *Золотая* Орда в источниках Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сост., ввод. ст. и комм. Р.П. Храпачевский. – М., 2003. – С. 169.

[27] *Утемиш Хаджи.* Чингис-наме. Факсимиле, пер., транскрип., примеч., исследов. В.П. Юдина; комм. и указ. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992. – С. 15.

[28] *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 58.

[29] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. – М., 1985. – С. 57.

[30] *Путешествие* в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы, 1993. – С. 61.

[31] *Егоров В.Л.* Указ. соч. – С. 161.

[32] *Абул-Гази.* Родословное туркмен. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. А.Н. Кононов. – М., 1958. – С. 72.

[33] *Золотоя* Орда в источниках… – С. 110.

[34] *Ахмадзаки Валиди Туган.* Башҡорттар тарихы. – Уфа, 2005. – С. 35.

[35] Там же. – С. 110.

[36] Там же. – С. 110.

[37] *Рудаков В.Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции: Труды ГИМ. Вып. 122. – М., 2000.

[38] Там же; *Псянчин А.В.* Башкортостан на старых картах. – Уфа, 2001. – С. 71.

[39] Там же. – С. 73.

[40] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – М., 1974. – С. 254.

[41] *Васюткин С.М.* К этнической истории Южного Приуралья в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1992. – С. 129.

[42] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. – С. 252.

[43] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 49.

[44] *Юдин В.П.* Могулы // Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы, 2001. – С. 107–112.

[45] Там же. – С. 113.

[46] *Хусашов Г.Б.* Башкорт даулатселеге хам Муйтен бей миссияхы… – С. 212.

[47] См. *Кузеев Р.Г.* Указ. соч.

[48] *Аннинский С.А.* Указ. соч. – С. 92

[49] *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций… – М., 1996. – С. 332–334.

[50] *Буканова Р.Г.* Башкиры и Золотая Орда // Ватандаш. – 2001. – № 2.

[51] *Утемиш Хаджи.* Чингис-наме... – С. 104.

[52] *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1979. – С. 170–171.

[53] *Яминов А.Ф.* Южный Урал в XIII–XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995. – С. 24.

[54] *История* Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2 / Ред. С.Г. Агаджанов и др. – А.-А., 1979. – С. 149.

[55] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ соч. – С.148.

[56] *История* Казахской ССР… – С. 152.

[57] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 152.

[58] *Уксенбай К.З.* Политическая деятельность Урус-хана и его место в истории казахской государственности // Отан тарихы. – 2006. – № 1. – С. 93.

[59] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 156.

[60] Там же. – С. 154.

[61] *Исхаков Д.М., Измаилов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XVI в. – Казань, 2000 – С. 115.

[62] *Башкирские* родословные. – Уфа, 2002. – С. 111.

[63] *Трепавлов В.В.* Некоторые проблемы политической истории Башкортостана ногайского периода // Башкортостан в XVI–XVIII вв.: Тезисы докладов научной конференции. – Уфа, 1996. – С. 4.

[64] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 125.

[65] Там же. – С. 154.

[66] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. – С. 405.

[67] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 155.

[68] *Егоров Д.А.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – С. 218.

[69] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 155.

[70] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. – С. 409.

[71] *Золотая* Орда в источниках… – С. 344.

[72] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана… – С. 307.

[73] Там же. – С. 307.

[74] *Золотая* Орда в источниах… – С. 209.

[75] *Федоров-Давыдов Г.Н.* Указ. соч. – С. 156.

[76] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. – С. 414.

[77] Там же. – С. 156.

[78] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. – С. 415.

[79] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5. – М., 1996. – С. 556.

[80] *Он же.* Отец Едигея // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963. – С. 798–799.

[81] *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч. – С. 164.

[82] Там же. – С. 158.

[83] *Бартольд В.В.* Отец Едигея // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963. – С. 801–804.

[84] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. – С. 446.

[85] *Башкирские* шежере / Сост., пер., введ., комм. Р.Г. Кузеева. – Уфа, 1960. – С. 80.

[86] *Надергулов М.* Историко-функциональные жанры башкирской литературы. – Уфа, 2002. – С. 136.

[87] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 94.

[88] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. – С. 450.

[89] Там же. – С. 451.

[90] *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 31.

[91] *Сказание* о царстве Казанском… / Вступ. статья, переложение текста и примечания Н.В. Водовозова. – М., 1959. – С. 21.

[92] *Исхаков Д.М.* От татар средневековья к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 75.

[93] *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. – М., 1984. – С. 160.

[94] *Измаилов И.Л.* Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С. 249.

[95] *Татары* / Под ред. Д.М. Исхакова. – М., 2001. – С. 583.

[96] *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 108.; *Хамидуллин Б.Л.* Народа Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 132.

[97] Там же. – С. 135.

[98] Там же. – С. 1366-137.

[99] *Исхаков Д.М.* Указ. соч – С. 66-68.

[100] *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. – М., 1984. – С. 160.

[101] *Хамидуллин Б.Л.* Указ. соч. – С. 134.

[102] *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 127

[103] Там же. – С. 129.

[104] Там же. – С. 129.

[105] *Полное* собрание русских летописей. Т. XIII. – М., 2000. – С. 167.

[106] *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 61 – 62.

[107] Там же. – С. 61; *Юсупов Ю.М.* Башкиры в этносословной структуре Казанского ханства // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). – Уфа, 2007. – С. 326–327.

[108] См. например: *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясашных татарах // Сборник аспирантских работ: Право, история, филология. – Казань, 1964 – С. 52–70; *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма: XVI в. – начало XIX в. – Чебоксары, 1986. – С. 48–64.

[109] *Галлямов Р.Ф.* После падения Казани… – Казань, 2001. – С. 60–65.

[110] *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 96.

[111] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. – М.; Л., 1962. – С. 252, 426, 498; Т. IV. – С. 411, 417

[112] *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи вилаяти Казан, ве Булгар. – Казань, 1994. – С. 64.

[113] *Салихов А.Г.* Онготолган тарих биттаре. – Уфа, 2003. – 63 б.

[114] *Исхаков Д.М.* Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство, актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С. 141–148.

[115] *Буданова В.П.* Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Социальная идентичность средневекового человека. Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. – М.: Наука, 2007. – С. 302–308.

[116] *Полное* собрание русских летописей. Т. XVIII. – С. 116, 117, 170, 221; Т. 25. – С. 157, 226, 239.

[117] *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций… – С. 539.

[118] Там же. – С. 536.

[119] *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 74.

[120] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. – С. 328.

[121] *Полное* собрание русских летописей. Т. XII – М., 2000. – С. 122.

[122] *Рычков П.И.* История Оренбургская. – Уфа, 2001. – С. 182.

[123] *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978. – С. 107; *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 73; *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 131.

[124] Там же. – С. 131.

[125] *Худяков М.Г.* Указ. соч. – С. 690–691; *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 76.

[126] Там же. – С. 76.

[127] *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 77.

[128] *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. – Уфа, 2006. – С. 9–10.

[129] *Алишев С.Х.* Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаклар. – Казан, 2002. – С. 9.

[130] *Духовные* и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV–XVI вв. Подгот. Л.В. Черепнин. – М.; Л., 1950. – С. 55–59.

[131] *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. С. 218–223.

[132] ЦГИА РФ. Ф. 1350, Оп. 56, Д. 563, Ч. 1.

[133] *Ахматжанов М.* Мадани мирасыбыз сакчасы // Татарстан. – 1997. – № 5. – 38 б.

[134] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. – С. 15.

[135] *Башкирские* шежере. – С. 6.

[136] МИБ. Ч. 1. М.; Л., 1936. – С. 199.

[137] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. – С. 14.

[138] *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. – Уфа, 1957. – С. 89.

[139] См. *Усманов А.Н.* Татарские исторические источники XV – XVII вв. – Казань, 1972. – 223 с.

[140] *Вельяминов-Зернов В.В.* Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии // Труды Восточного императорского археологического общества. Ч. IV. – Спб., 1859. – С. 267, 268.

[141] *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере... – С. 164, 165.

[142] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Башкирские ханы IX–XVI вв. // Народы Урало-Поволжья и их соседи. – Уфа, 2004.

[143] *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань, 1978. – С. 77.

[144] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – С. 329.

[145] *Худяков М.Г.* Очерки истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... – М., 1994. – С. 547.

[146] *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 222.

[147] *Чекалин Ф.Ф.* Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды восьмого археологического съезда в Москве. Т. III. – М., 1897. – С. 70; *Васильев Б.А.* Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского

народа: Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. I. – М., 1960. – С. 77; *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 222.

[148] *Исхаков Д.М.* Указ. соч. – С. 218–223.

[149] *Черменский П.Н.* Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Историческая география России. Сб. № 83: Вопросы географии. – М., 1970. – С. 90.

[150] Исхаков Д.М. Указ. соч. – С. 216.

[151] Там же. – С. 216; *Сафаргалеев М.Г.* К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды НИИ ЯЛИЭ при Сов. Министров Мордовской АССР. Вып. 24. Серия историческая. – Саранск, 1963. – С. 71.

[152] *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. – М., 1979. – С. 57.

[153] *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). – М., 2004. – С. 122.

[154] Alişev S.H. Communication of the Volga Tatars with Turkey // XIII. Türk Tarih Kongresiç 4-8 Ekim 1999. Ankara. Bildiri Özelteri. – Ankara, 1999. – S. 19–20.

[155] *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 294.

[156] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – М., 1974. – С. 278.

[157] Там же.

[158] *Гарипова Ф.Г.* Некоторые источники для раскрытия ногайского (кипчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии // Ред. М.К. Мухарямов и др. – Казань, 1980. – С. 136–149.

[159] *Иванов П.И.* О знаках, заменявших подписи Древней России // Известия императорского Русского археологического общества. Т. 2. – СПб., 1861. – С. 104.

[160] Там же.

[161] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Вып. 2. – М., 1979. – С. 222.

[162] *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом... – С. 171.

[163] Там же. – С. 165.

[164] *Васильев Б.А.* Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа: Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Т. 63. – М., 1960.

[165] *Клим Л.* Поволжские финно-угры в письменных источниках I-II тыс. н.э. // Советское финно-угроведение. – 1989. – № 1.

[166] *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой... – С. 121

[167] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – С. 278.

[168] *Башкирские* шежере. – С. 57.

[169] *Зайцев И.В.* Указ. соч. – С. 166.

[170] *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. – М., 1992. – С. 107.

[171] Там же. – С. 107.

[172] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М.; Восточная литература, 2002. – С. 552.

[173] *Сафаргалеев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... – М., 1996. – С. 480.

[174] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 102–103.

[175] *Сафаргалеев М.Г.* Указ. соч. – С. 555.

[176] Там же. – С. 460–470.

[177] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – С. 318.

[178] *Трепавлов В.В.* Указ. соч. – С. 469.

[179] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. – Уфа, 1997. – С. 7.

[180] *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. – С. 256.

[181] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – С. 340.

[182] *Рычков П.И.* История Оренбургская. – Уфа, 2001. – С. 182.

[183] *Башкирские* родословные. – С. 98.

[184] *Трепавлов В.В.* Указ. соч. – С. 8.

[185] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 190.

[186] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Уфа, 1999. – С. 264.

[187] *Рычков П.И.* История Оренбургская. – С. 264.

[188] *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Древние здания, городища, ногайские валы, курганы // Памятная книжка Уфимской губернии / Под. ред. Н.А. Гурвича. –Уфа, 1873. – С. 336–337.

[189] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. С. 14.

[190] *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.). – Уфа, 2006. – С. 58.

[191] Там же. – С. 37.

[192] *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 130.

[193] *Волков Д.С.* Материалы к истории г. Уфы

[194] *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 68.

[195] Напр.: *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную систему Русского государства. – Уфа, 2005. – С. 24

[196] *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 66.

[197] *Азнабаев Б.А.* Указ. соч. – С. 22

[198] *Асфандияров А.З.* После присоединения Башкирии (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.). – Уфа, 2006. – С. 49.

[199] *Пекарский П.П.* Известия времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавшихся в татарских могилах в Сибири // Известия Императорского археологического общества. Т. V. Вып. 4. – С. 256–259.

[200] *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой. – М., 1984. – С. 19.

[201] *Башкирские* шежере. – С. 95.

[202] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 142.

[203] Там же. – С. 146-147.

[204] *История* Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.2. Ред. С.Г. Аганджанов и др. – Алма-Ата, 1979. – С. 268.

[205] Там же. – С. 268.

[206] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 156.

[207] *Исин А.И.* Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI в. // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов.– Алма-Ата, 1985. – С. 42.

[208] *Исин А.И.* Новые источники по истории Казахстана первой четверти XVI в. // Известия АН Казахской ССР. Сер. Обществ. науки. – 1985.– № 3. – С. 47.

[209] *Башкирские* шежере. – С. 55.

[210] БХИ. Т. VII. – С. 243.

[211] *Исин А.И.* Новые источники по истории Казахстана первой четверти XVI в. – С. 49.

[212] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. – С. 322.

[213] *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 265.

[214] *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). – Уфа, 2005. – С. 34–35.

[215] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С 195.

[216] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. – С. 22–24.

[217] Там же. – С. 24

[218] Там же. С.18-19.

[219] *Азнабаев Б.А.* Указ. соч. – С. 26.

[220] Там же. – С. 8.

[221] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – С. 491.

[222] *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 265.

[223] *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1979. – С.196.

[224] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии... – С. 22.

[225] *Рычков П.И.* Указ. соч. – С. 265.

[226] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии... – С. 22.

[227] Там же. – С. 24.

[228] ПРСЛ. Т. 13. Ч. 1. – Спб., 1904. – С. 249.

[229] *Английские* путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье. – Л., 1937. – С. 169, 172.

[230] *Башкирские* родословные. – С. 57.

[231] Там же. – С.60

[232] Там же. – С. 79.

[233] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии... – С. 24.

[234] *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 208.

[235] *Пекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. – Спб., 1887. – С. 19–20.

[236] Там же. – С. 19–20.

Глава II. КОНФЕДЕРАТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

§ 1. Социально-политическая организация башкирского общества

Исследователи выделяют так называемую «скелетную организацию» кочевого общества, в рамках которого возникают звенья социально-политической организации[1]. Основным звеном «скелета» башкирского общества являлась родовая организация. Башкирский род (ырыу[2]) представлял собой совокупность родственных между собой групп семей, имевших реального первопредка. Род включал в себя мелкие родовые подразделения (ара, аймак, насел, током, зат). Количество родов, их названия и размеры занимаемых ими территорий были различны в зависимости от времени образования и других обстоятельств. Во многом они находились под воздействием социально-экономических факторов: разложения родовой организации, передвижения и переселения этнических групп, межплеменных войн и т.д. Как правило, наиболее сильный род присоединял к себе более слабые и малочисленные роды. Потому размеры родовых организаций – величина сугубо непостоянная. Особенно изменялось количество родов в так называемых территориальных племенных организациях, где происхождение рода не имело существенного значения. Они объединялись по территориальному признаку вокруг одного из сильных родов. Так, например, роды ай и танып, подчинив себе окружающие роды, образовали на территориальной основе племенные организации. Роды хунарсы, балыксы, кайпан и другие сгруппировались вокруг сильного в XII–XIV вв. рода танып, образовав танынское племя. Позднее появилось территориальное айлинское объединение родов.

Наиболее показательно это прослеживается при рассмотрении туркменских тире. В экстремальные для народа периоды жизни (война, переселение и т.п.) в одно тире могли объединяться люди из разных тире. Объединение, как правило, происходило вокруг наиболее влиятельного тире. Родословные последних, их действительные и легендарные предки воспринимались присоединившимися тире. Новые ее члены начинали возводить происхождение к предкам основного ядра предков. В результате появлялось представление о родстве, которое идеологически закрепляло единство тире[3].

Союз нескольких родов составлял племя (кабиля). Племена по своей сути не являются кровнородственными объединениями. Право обладания территориями или местом кочевания выражается принадлежностью к племени или одному из его подразделений. В первую очередь племена – это территориально-политические организации. Однако в подавляющем большинстве случаев они выступали в завуалированной кровнородственными связями форме, характерной для трайбализованных обществ евразийских степей. Племена, не имевшие родственной основы, а иногда и территориальные племена создавали собственные генеалогии, призванные обосновать древнее происхождение и права на владение территорией и любыми другими ключевыми ресурсами. Наличие у членов рода генеалогии являлось основанием для защиты своих прав от соседей. На основе общности происхождения роды выступали основными гарантами коллективных собственнических прав. Этим генеалогическим родством определялось и единство основной массы членов племени. Оно выражалось в том, что их происхождение велось от одного предка.

В родовых шежере нередко отражаются исторические события 500–600-летней давности, содержатся имена предков по мужской линии, насчитывающие от 10 до 30 и более поколений. Нередко родовым основателем выступала мифическая личность, призванная, скорее всего, придать сакральность преследуемой генеалогией задаче (права на землю, обоснование власти и др.). Кроме того, генеалогии были призваны распределить социальные функции ее членов.

Племя возглавлялось наследственным или выборным правителем (бием). На сегодняшний день этнографы у башкир выделяют 46 племен и 128 крупных родов. К середине XVI в. в южных и юго-восточных районах Башкортостана расселялись племена бурзян, каракипчак, ак-(туркмен-)кипчак, герей-, суун-, бушман-, санкем-кипча-

ки, тамьян, тангаур, усерган, юрматы. Юго-западный Башкортостан, бассейн р. Дема, был населен протокипчакскими «минскими» племенными группами. На северо-востоке находились крупные племена ай, катай, кудей, салъют, табын, тырнаклы, дуван, сызгы, упей, кошсо и т.д. Северные и северо-западные районы Башкортостана входили в зону расселения таких племен, как гайна, иракте, тазлар, уваныш, уран, буляр, байлар, юрми. Также в силу известных причин на северо-западе находились родовые группы племен тамьян, бурзян, тангаур, табын, мин и др. (бассейн р. Ик). Долина нижнего течения р. Белая была заселена племенами гирей, дуваней (дуван), елан, ельдяк, канлы, каршин, киргиз.

Занимавшие огромные территории башкирские племена были неоднородны по своему составу. Как и родовые организации, они могли включать различные по происхождению роды, число которых доходило до десятка и более. Например, племя табын состояло из 13 родов, между которыми уже не существовало родственных связей. Племя тангаур, наоборот, было более однородным и состояло из двух родов. Племена дуван, кошсы, мурзалар, салъют, упей и другие не имели родового деления.

Земля внутри племени распределялась между отдельными родами, внутри рода – отдельными родовыми подразделениями. В распределении земель, маршрутов кочевок на весенних, летних, осенних пастбищах основную роль играла родоплеменная аристократия. Специфика земельных отношений заключалась в том, что они не проявлялись в чистом виде, а были опосредованы родственными отношениями. Не являясь юридическими собственниками земель, аристократия фактически владела правом их распределения. Не исключено, что в данный период существовали индивидуальные семейные «вотчины», отмечаемые в XVII в. На них располагались бортные угодья, бобровые гоны, участки для сенокошения и занятия земледелием.

Территория племени, как и других звеньев родоплеменной структуры, считалась нерушимой и очерчивалась, прежде всего, географическими объектами: руслами рек, горными хребтами, лесами и т.д. Кроме того, границы отмечались межевыми столбами, деревьями, на которых выбивались родовые тамги. Земля считалась коллективной собственностью всего племени, в то время как скот находился в частной собственности наиболее влиятельных ее членов.

Важную роль в жизни родоплеменных структур играла символика: тамга, птица, дерево, боевой клич. Также известно наличие в качестве родовой символики кольчуги (сауыт)[4]. В первую очередь наличие таких атрибутов касается племен.

Племенные атрибуты возникли в недрах родового строя и символизировали, а во многом и обеспечивали единство родоплеменной организации. Но было бы ошибкой ее наличие полностью отождествлять с пережитками кровнородственных отношений. Они органично вписываются в социально-политическую организацию родоплеменного общества.

«Дафтар-и Чингис-наме» сообщает о выделении Чингисханом родоначальникам территории кочевий. Под их власть были отданы самостоятельные родовые группы (бау-бау халык кылыб ирде). Каждому роду были выделены родовые атрибуты. То есть здесь символика выступает в качестве атрибутов власти, обеспечивая правовую и социальную основу субъекта.

Оран и тамга служили физическому выживанию и материальной безопасности рода. В бою, в темноте члены рода узнавали друг друга по урану. С помощью тамги обозначалось имущество. Не совсем ясно происхождение орана. Часть оранов могла выделиться от родовых названий. Так, в «Дафтар-и Чингис-наме» в качестве орана фигурируют токсаба, барлас, алач, конгырат, байконгырат. Ораны с именами птиц и зверей могут быть тотемистического происхождения и служить призывом на помощь к тотемистическому предку. Остальные ораны являются или призывающими на битву, кличем (салават), или означают какое-то свойство. Функция орана наиболее показательна в эпосе «Ялык-бей, Кармасан и Сармасан». В нем оран используется именно как призыв на войну[5]. У башкирских родов порой наблюдается переход названия тамги в оран и наоборот[6].

Одной из функций тамги было обозначение имущества рода. На каждом животном стоял знак владельца. Известно, что родовая территория у башкир отмечалась межевыми столбами, на которых выжигались тамги или вдоль ее границ закапывались угли и бревна с вырезанными на них тамгами[7]. С помощью тамги обозначали и родовую принадлежность на надгробных памятниках.

Не исключено, что тамга выполняла оберегательные функции. При нанесении ее на наиболее значимые в кочевой жизни предметы, например вооружение, домашних животных (боевых лошадей или

вожаков стад и табунов), гарантировалось благополучие и сохранность через какое-то магическое влияние. Вполне вероятно, что тамга являлась по своей сути эквивалентным символом тотемного животного, уходя своими истоками в глубокую древность[8].

С распространением ислама тамга теряла свое магическое значение. Во многих случаях тамга теперь означала своеобразную политическую легитимность. В юго-восточном Башкортостане на горе Имен был установлен дубовый столб, на котором были выжжены тамги племен, образующих конфедерацию юго-восточных башкир (семиродцы)[9]. Аналогичное мы можем наблюдать в Крымском ханстве, где крымские роды собирались на выборы хана в месте под названием Кайалар Алты (Под скалами). Там были высечены тамги родов. Ханы Золотой Орды чеканили свои тамги на монетах. А на печатях грамот крымских ханов была вырезана так называемая «тарак тамга»[10]. Тамга проделала довольно длинный путь от символа тотемного животного и знака на собственность до символа политического суверенитета.

Несколько иные функции несли в себе дерево и птица. В них отразились отголоски анимистических воззрений башкир. Ахмед Ибн-Фадлан во время путешествия из Багдада в Волжскую Булгарию в 921–922 гг. писал, что башкиры-тюрки поклоняются различным змеям, птицам и другим тотемным животным, у них развит культ предков. Путешественник отмечал поклонение одной группы башкир журавлям, которые якобы в одной из битв своими криками обратили в бегство их врагов[11]. Здесь налицо почитание журавля как тотемной птицы, которая впоследствии стала священной птицей племени усерган[12]. Не всегда наличие птицы в племенной атрибутике совпадало с птицей-тотемом. Так, на земле юрматинских башкир находится озеро Ахун, где обитали стаи журавлей. Убить журавля на этом озере считалось большим грехом, что могло повлечь за собой беду для всего рода. Притом, что у племени юрматы родовой птицей являлся сапсан (әтәлге).

В неразрывной связи с птицей-тотемом в родоплеменной атрибутике башкир выступало родовое дерево. Связь между этими символами четко прослеживается в материалах исторических преданий. Можно предположить, что в основе почитания родовых деревьев и птиц лежит культ предков. Считалось, что душа человека после смерти перемещается в высокое дерево, через которое в образе птицы

достигает верхнего мира. Не исключено, что родовая птица воспринималась как живое воплощение духа предка, а родовое дерево – как его временное вместилище. В качестве родовых деревьев чаще всего избирались хвойные, которые достигали огромной высоты и отличались долголетием. Птицей-тотемом нередко выступала хищная птица, очевидно, символизирующая величие и мощь рода[13]. Типичные параллели присутствуют в сибирском фольклоре. Дерево рода – это место, где находятся души будущих членов рода в образе птиц. Если они пытаются убежать оттуда, душа шамана племени в образе хищной птицы собирает их и снова вешает на дерево[14]. Таким образом, дерево и птица символизируют единство родов и сакральность власти рода и племени. Но вряд ли мы можем связывать это исключительно с устойчивыми языческими воззрениями. Тем более в период господства исламской религии. Не менее важными могли выступать социальные, правовые и политические факторы внутри и в межплеменных отношениях по традиции трайбализованных обществ Евразии. Они олицетворяли целостность и прочность родоплеменной организации.

В Джучидских государствах характеристика племен по их родовым атрибутам играла довольно важную роль в определении их статуса. Так, в «Огуз-наме» в качестве родовых символов встречаются птица и тамга[15], где тамга олицетворяет суверенитет племени, птица – сакральность и прочность ее структуры.

В «Дафтар-и Чингис-наме» в числе племенных атрибутов башкир перечисляется «сауыт», выданный каждому племени Чингисханом[16]. М. Иванич перевела этот термин как «кольчуга». На этом основании исследователь выделяет кольчугу от остальных атрибутов (дерево, птица, тамга, уран), которые возникли в процессе естественного развития родоплеменной структуры. Дарение же кольчуги (или любого другого вооружения) как символа собственной власти исследователь относит к действительным актам, произошедшим между сюзереном и его подданными биями, как, например, выделение территорий и родов[17].

Однако в других источниках нет примера того, чтобы хан раздавал родоначальникам кольчуги с различными названиями. В эпосе же «Идукай и Мурадым» сказано следующее:

С самой давней, древней поры
Есть в этом мире два пути:

Один – дни в веселье проводить,
По кочевьям разгульно бродить,
Из золотого сосуда – сайгыр,
Что от Майкы-бия дар, –
Влагу пьянящую вдоволь пить...[18].

Существовавшие башкирские племена имели большое значение в жизни общества, однако в условиях нестабильности центральной власти в империи и постоянных междоусобиц на большей части исторического Башкортостана роль в качестве политического субъекта ее была незначительна. На данный период высшей формой политической организации башкир была конфедерация (А.М. Хазанов), или сложное вождество (Н.Н. Крадин)[19], являющаяся по своей сути протогосударственным образованием. Конфедерация как таковая является крупнейшей формой организации кочевников. Н.Н. Крадин, основываясь на исследованиях Р. Карнейро, наряду со сложным вождеством выделяет компаундное вождество (суперсложное вождество). Главным отличием между этими типами политических организаций является широта и структурность надплеменной иерархической верхушки. Главной причиной ее оформления являются масштабы организации. То есть для сложного вождества характерно, что количество состоящих в нем человек достигало несколько десятков тысяч человек. Соответственно и территорию они занимали необходимую для семей, состоящих в ней. В этнокультурном плане подобные объединения были достаточно однообразны. Фактически конфедерация представляет собой объединение нескольких племен. Причем это объединение не всегда происходило добровольным способом.

Традиции политических конфедераций для южноуральского населения были заложены еще в эпоху существования Западно-Тюркского каганата, куда входили турбаслинские, кушнаренковские и бахмутинские племена, в последующем унаследовавшие государственные институты каганата[20]. Истоки конфедеративной организации власти появились еще в период существования первого Тюркского каганата[21]. Хотя в той или иной форме (в зависимости от исторических эпох) они могли проявляться в более ранние периоды: в ранний железный век, может, и в эпоху бронзы[22].

Конфедерация как высшее звено возникает по мере необходимости и исчезает, когда необходимость в них отпадет[23]. Несмотря на

свою нестабильность и на свой временный характер, племенные союзы, являясь высшим звеном «скелета» общественной организации, были способны к трансформации. Можно предположить, что союз и племя являются частями стадиального развития одного процесса, взаимосвязанными стадиями развития общественной организации коллектива.

Главной чертой конфедерации была полная (порой чисто формальная) независимость самостоятельных племенных самоуправлений в рамках конфедерации. Поэтому в отличие от племени союз не нуждался в строгой легитимации, т.е. идеологической основе в виде шежере, тамги, орана и др. Хотя при необходимости последующего воспроизводства конфедерации народная память сохраняла основные принципы ее социально-политической организации (эпосы, предания и т.д.). Автономность составных частей конфедерации объясняется следующим образом. Основные из них, как нам представляется, это хозяйственная самостоятельность от центра и, как следствие, весьма слабая экономическая зависимость от центральной власти, а также всеобщая вооруженность племен[24]. То есть здесь хозяйственно-экономическая и военная единицы совпадали. Это приводило к появлению права свободного выхода из конфедерации.

Появление подобных объединений на определенной территории в большинстве случаев обуславливается политической ситуацией. Р.Г. Кузеев считает, что сложение и разрушение различных племенных союзов имело военно-политический характер. Одной из причин образования конфедерации он называет подчинение нескольких племен одному, не всегда самому крупному, но воинственному роду/племени. Другой причиной могло быть объединение сил иногда различных по происхождению родов для отражения частых набегов соседних племен или народов[25]. В конечном счете, сильные племена и роды выступали здесь в роли ядра башкирских социально-политических объединений, вокруг которых интегрировались остальные племена и роды и на основе такого рода интеграции складывались крупные политические образования[26]. В период XV–XVI вв. на территории Башкортостана существовало несколько подобных политических объединений башкирских племен. Из наиболее влиятельных и стабильных мы можем назвать следующие: табынское объединение, кипчак-юрматынский союз, так называемый союз «ете ырыу» («семиродцы»), или «дурт улус» («четыре улуса»), куда входили племена

бурзян, кипчак, усерган, тамьян. По источникам известна только часть этих союзов, большинство которых исчезло навсегда, не оставив после себя какого-либо значимого следа.

Политическая активность отдельных союзов и племен прослеживается довольно продолжительное время. Сохранению родоплеменной структуры башкирского общества во многом способствовала общественная и политическая ситуация, сложившаяся в золотоордынский период. Схожие принципы социально-общественной организации коллектива и стремление ее сохранения в экстремальные для ее существования периоды (XIII–XVI вв.) вызывали у башкирских племен стремление к объединению в военно-политические союзы. Однако те же причины не позволяли полностью интегрироваться и «кристаллизоваться» в племя. Наиболее ярким примером в этом отношении является союз «ете ырыу». В этом объединении мы можем выделить несколько значимых племен: бурзян, тамьян, кипчак, усерган. Родоплеменная структура обуславливала сущность и жизнь этого союза. Причем наличию родоплеменного признака коллективом придавалось огромное значение. В народной памяти сохранилось немало преданий об этом союзе. Существует целая серия эпосов и преданий, где одним из ключевых моментов является перечисление биев, то есть глав племен, составляющих этот союз. В варианте эпоса «Идукай и Мурадым», опубликованном Н. Исанбетовым, по отношению к «Юрматы улына Карагыму» говорится следующее: «При переселении род сохранил»[27] (күскәндә күсте һаҡлаған). Как известно, юрматы на современной территории оказались сравнительно поздно в результате продолжительного переселения из западного региона исторического Башкортостана[28]. Поэтому внимание сказителя было обращено на наличие родоплеменной структуры у юрматынцев. Однако какого-либо смешения и утраты именно племенной принадлежности внутри союза не произошло. Особенно это касается племен усерган, бурзян, тамьян и некоторых родов кипчаков, составлявших еще в домонгольский период единое политическое образование.

Совершенно обратную картину мы видим у племен танып, мин и др., сформировавшихся сначала как территориально-политическое или военно-политическое объединение, затем через относительно небольшой промежуток времени вернувшихся в первоначальную племенную организацию, имевшую уже общую родоплеменную структуру, легитимизированную в шежере.

Теоретически любое башкирское родоплеменное объединение можно отнести к какому-либо союзу. Сопротивление ногайским мирзам и сибирским шибанидам вызывало острую необходимость в политическом и военном единении башкир. Исключение, скорее, составляют «икские улусы» Казанского ханства, где довольно четко была обозначена верховная власть, и единственным сюзереном башкирских тарханов и соответственно их улусов мог быть только сам источник ярлыков и гарант башкирских прав (в том числе и вотчинных) – казанский хан. Во многом это и исключало формирование племенного союза с централизованной властной структурой в этом регионе.

Итак, для башкирского общества была характерна политическая система, основанная на переходящих формах политической организации (род – племя – конфедерация). В период осложнения политической ситуации в правом крыле улуса Джучи основным политическим субъектом становятся конфедеративные образования.

§ 2. Социальная структура башкирского общества

Наиболее значимой и колоритной фигурой в социальной структуре башкирского общества являлся бий. Бии возглавляли крупные башкирские роды и племена, их имена встречаются почти в каждом фольклорном произведении.

По мнению В.В. Бартольда, слово «бий» представляет собой достаточно позднее видоизменение слова «бек» и нигде не встречается ранее XV в. «Бий» с древнетюркского переводится как «большой». Например, «Бий Хем» в переводе с тувинского означает «Большой Енисей».

Власть биев еще задолго до монгольского завоевания приобрела наследственный характер. Во всяком случае, в имеющихся фольклорных материалах, относящихся к рассматриваемой нами эпохе, уже нет намеков на выборность биев. Большинство башкирских шежере фактически представляют собой генеалогию их предводителей. В генеалогиях до конца XVI в. родоплеменные вожди также именуются биями. Как правило, все они находятся в семейном родстве во всех поколениях. Авторитет бия определялся древностью рода или племени, к которому он принадлежал, а также его личны-

ми качествами. Бий являлся генеалогическим родственником для всех членов рода, так как он относился к основному стволу генеалогического древа, восходящего к далекому, иногда к мифологическому предку. Принцип родства и солидарности всех членов рода, включая и его предводителя, представлял собой идеологическую основу его власти в племени[29].

Бий принимал важнейшие решения. Им принадлежала также административная и судебная власть. Совместно с аксакалами бии контролировали соблюдение норм обычного права, совершение актов барымты и карымты, нерушимость границ родовой территории, пастбищ и водных источников. В периоды военных конфликтов бий возглавлял военное ополчение. Но мог в любое время собрать боевую дружину из подвластных ему родов и племен[30]. Так в эпосах «Кусякбий», «Муйтен-бий», «Кармасан и Сармасан» и других говорится о сборе войска бием.

Схожие по своему статусу с биями являются тарханы, известные башкирскому обществу еще в дозолотоордынское время[31]. Ярлыки на тарханство в XIII–XVI вв. выдавались исключительно ханами-чингисидами (в случае с башкирами – представителями династии тука-тимуридов). Вообще в системе джучидских государств тарханы отличались своим правовым положением: «Было приказано, чтобы им не препятствовали входить к его величеству, не спрашивали с них детей их до девяти проступков, не брали их лошадей для выполнения подводной повинности и считали изъятыми и свободными от всех повинностей»[32]. Ярлыки предоставляли их обладателю иммунитет в рамках ханства. Свое развитие тарханство получило в системе позднеджучидских государств. Причем источником тарханства в башкирском обществе были исключительно золотоордынские и казанские ханы. Факт выдачи тарханных ярлыков не известен ни у сибирских ханов, ни у ханов Астрахани, ни тем более у князей Ногайской Орды. Башкиро-казанские взаимоотношения во многом основывались на получении биями определенных ханских привилегий (ярлыков, вотчинных прав). Бии по принятии подданства казанского хана принимали тарханное достоинство, переходящее по наследству. В свою очередь это обязывало башкир участвовать со своей дружиной в военных и политических компаниях ханов. Сложно сказать, насколько тарханство функционально отличалось от бийства во внутренней социальной системе башкир. Вероятнее всего, первое было выражени-

ем второго в сословной номенклатуре ханства, то есть номенклатура ханства в отношении башкир не знала термина «бий», а употребляла традиционный для башкир термин «тархан», которые не имели существенных различий. Так, после присоединения башкир к Московскому государству царское правительство не стремилось разделять князей (биев) от тарханов. Поэтому и наблюдается беспрепятственный переход первых в разряд последних[33] без каких-либо социальных изменений в башкирском обществе. Тем более, если учитывать, что в первые периоды нахождения Башкирии в составе Русского государства социальная и политическая структура башкирского общества практически не менялась.

В башкирском обществе также были известны князья. Но в кочевой социальной номенклатуре они с биями выступали как синонимы. Часто в русской документации башкирские и ногайские бии фигурировали как князи. В шежере четырех племен бии в период принятия подданства «белого» царя называются князями: усерганский князь Бикбау, кипчакский князь Мешавли Каракузяк, бурзянский князь Искэбей, тамьянский князь Шагали Шакман. В копии шежере башкир-тамьянцев также говорится о четырех князях, принявших подданство русского царя.

Очень слабо на сегодняшний день изучен один из самых значимых социальных институтов, представляющий высшую властную структуру в башкирском обществе – ханство. Судя по эпиграфическим источникам и шежере, представители верховной власти фигурировали как «ханы». Несколько в другой форме – «улуг бий» (старший бий) – верховный правитель выступает в шежере юрматынских башкир Шейх Дервиш[34].

Хан, как правило, стоял во главе своего ханства – конфедеративного объединения или мощного племенного образования, способного объединить вокруг себя более слабые племена.

Появление хана во властной структуре в большинстве случаев в кочевых и полукочевых обществах было связано с возросшей военно-политической напряженностью, где требовалась централизация и концентрация власти в одних руках. В зависимости от характера организации высшей власти в относительно спокойные периоды проявлялись тенденции племен к самостоятельности. Вообще, характерная черта власти ханов у кочевников заключалась в том, что сам институт ханства был достаточно автономным, в связи с

вооруженностью составных частей конфедерации исчезала монополия на принуждение. Аналогичное отношение к высшей власти мы можем наблюдать у казахских племен. В периоды осложнения военно-политической ситуации в степях в выборе хана участвовало большинство племен. Во время же стабилизации ситуации в регионе выборы хана производились на локальном уровне с привлечением небольшого числа казахских родов и племен[35]. И формальному сохранению статуса правящей династии над всеми казахскими племенами способствовала лишь легитимность власти чингисидов в Ордынском и постордынском политическом пространстве. Хотя даже в периоды централизации власти в одних руках у казахских племен проявлялись тенденции к сепаратизму. Крупный русский сановник И. Неплюев, хорошо знакомый с жизнью казахов, весьма образно описывал способы достижения ханской власти: «… через одни интриги и военное их искусство одни над другими преуспевают, почему и титул ханский достают, как то и Абулхаир-хан, сперва чрез несколько лет знатным наездником и вожею был, ханство себе получил… Кого из таких султанов старшины и народ выберут, тот бывает и хан, а власть и почтение ево зависит не от ханства, но паче от ево ума в народных делах и проворства в поступках»[36]. Г.Е. Марков отмечает, что ханы у монгольских племен избирались по мере необходимости (набег, переселение и т.п.)[37].

Однако, учитывая хозяйственно-экономическую специфику региона, с определенной долей осторожности следует относить подобное положение института ханства у башкир. Но все же для большинства известных крупных конфедераций институт ханства выступал в типичной форме для сложных вождеств, например, правителей юго-восточного союза племен – «дурт улус». Как явствует из эпоса «Кусякбий», Масем-хану подчинялись бии племен. Однако именно последние владели политической инициативой. Так, в период присоединения к Русскому государству политически активными субъектами выступили бии. Также немало сохранилось преданий, указывающих на выборность хана.

В своих действиях ханы и бии (как отдельного племени, так и конфедерации) опирались на народное собрание (йыйын) и совет старейшин (коралтай). В эпосе «Кусяк-бий» Кара-Килембет, прежде чем отправится к Масем-хану, получил согласие старейшин рода. Это предшествовало любому важному акту. Институты биев и старей-

шин имели огромную власть в обществе. Так, авторами письма к крымскому хану 1635 г. выступали бии и старейшины народов, в том числе и башкир[38].

Еще до возникновения наследственности власти у биев фактическая власть была сосредоточена у старейшин. Съезды играли руководящую роль в военно-политических отношениях рода, племени или союза. Однако в условиях войны съезды неспособны были моментально реагировать на изменения, были неоперативными и слишком громоздкими.

Им также принадлежало право назначения бия. Одно из башкирских преданий об этом повествует: «Башкиры рода каплы решили избрать вождя. Собрались аксакалы: Байгазы, Санай, Кыдрас, Бурангул, Кыпсак. Старшие сказали: хотя молод Байгазы, но умен, и сделали его бием». В 60-е гг. в юго-восточном Башкортостане А.Н. Усманов зафиксировал весьма интересный ритуальный танец, изображающий выборы хана советом старейшин[39].

Нередко совет старейшин состоял из влиятельных родовых биев. Так, совет айлинских башкир включал уже наследственных биев. По традиции, предводители дуванцев, сартов, тырнаклинцев, мурзаларцев и других собирались на Хокум-тау, где решали важнейшие вопросы.

Важнейшие дела, касающиеся всего племени, решались народным собранием, где каждый взрослый мужчина пользовался правом голоса. Достаточно подробное описание народного собрания дано в шежере племени юрматы. Там Татигас-бий согласует с народным собранием акт принятия подданства русского государя. Позже на том же собрании решается вопрос о разделении юрматинской земли на тюбы. В одном гайнинском предании говорится, что «в давние времена, когда не было царей, …все дела гайнинцы решали сообща, собираясь все вместе».

Кроме общеплеменных, были родовые йыйыны и советы старейшин. Они решали вопросы, связанные с порядком летних кочевок, с земельными спорами внутри рода и т.д.

Значительную прослойку в социальной структуре башкирского общества составляло мусульманское духовенство, а до распространения ислама – служители различных культов в лице шаманов, знахарей, прорицателей, баксы и др. Ислам, как известно, начал проникать еще в IX–X вв., очевидно, затрагивая лишь правящую аристократию,

но окончательно он утвердился в периоды правления Узбека (1312–1342) и его сына Джанибека (1342–1357).

Рядовые общинники составляли основную массу башкирского населения. В золотоордынский период оседлое население облагалось податями, которых насчитывалось не менее 20 видов[40]. Была обязательной воинская повинность. Она проводилась по принципу – один воин с десяти семей. Обязанность по снаряжению воина также ложилась на общинников.

В пользу ханского двора общинники платили налог со скота – кончур (1 из 100 голов). Кроме того, оседлое население платило поземельный налог – хараж, сдавало для войска зерно и скот – тагар и т.д. Ежегодно в ханскую ставку свозилась пушнина. Каждый общинник доставлял сборщикам налогов по одной шкуре медведя, черного соболя, черного хорька и лисицы. Также были постоялая и почтовая повинности[41].

Зависимое население состояло из рабов (кол), туснаков, саунщиков и др. Рабство носило в основном домашний характер, это было по своей сути «патриархальное» рабство. Основным способом получения рабов были регулярные набеги на соседние племена или народы, во время которых захватывали в плен чужеродцев. В историческом предании «Последний из Сартаево рода» есть упоминание о ясыре из джунгар, который пас скот у Джалык-бия.

Туснаки составляли категорию подневольного населения в башкирском обществе. Ими могли стать как соплеменники, так и чужеродцы.

Немалую часть среди зависимого населения составляли разорившиеся башкиры – байгуши. Они не имели ни скота, ни хозяйства, поэтому вынуждены были наниматься к богатым сородичам для выполнения различных работ на невыгодных условиях. К этой категории можно отнести и разорившихся общинников – саунщиков, которым бии выдавали часть своего скота на выпас в весенне-летний период с правом пользования молочными продуктами и частью приплода. Система саун обеспечивала богатым башкирам не только уход, но и сохранность и увеличение поголовья скота.

Таким образом, в XV–XVI вв. башкирское общество уже было стратифицировано по социальному признаку. В эпоху постордынских государственных образований детализировалась правящая элитарная группа.

§ 3. Кипчак-юрматынская конфедерация

В центральных и южных регионах исторического Башкортостана самым влиятельным военно-политическим образованием являлась конфедерация башкирских племен, ядром которой являлась кипчак-юрматинская конфедерация, в последующем объединившая вокруг себя ряд башкирских племен значительных территорий исторического Башкортостана. По этническому, точнее, племенному составу в этом ядре мы должны выделить его два наиболее значимых составляющих компонента. Первым являются местные древнебашкирские племена запада исторического Башкортостана, вторым – пришедшие частью в XII в., а частью – в XIII–XIV вв. кипчакские племена тюркского и монгольского происхождения. В период существования союза обе его части представляли собой автономные в социальном и экономическом отношениях племенные сообщества.

В разные периоды истории конфедерации с изменением политической ситуации состав «местных» племен изменялся. Первоначально в домонгольский период они представляли собой самостоятельную многочисленную политическую конфедерацию башкирских племен. Рассмотрим ее историю и историю входивших в ее состав племен более подробно.

Костяком этого союза являлись родственные между собой племенные организации юрми и юрматы. Они были схожи по происхождению. Племя юрми являлось некогда частью племени юрматы или родственным ему образованием[42]. Но именно в золотоордынский и последующий периоды мы можем определять это объединение как союз двух родственных племен.

История этих племен как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды очень тесно была связана с населением нижнего Прикамья. Ранняя история и булгарские связи были рассмотрены Р.Г. Кузеевым. Так, этноним юрми перечисляется среди названий родов дунайских болгар. Он фигурирует в славяно-болгарском именнике, где некий Гастун «из рода Ерми… был наместником 2 года». В другом источнике – надписи на колонне IX в., найденной близ древней столицы дунайских болгар Плиски, также фигурирует род юрми в форме «ермиарис». Было установлено, что эти этнонимы (ерми и ермиарис) полностью совпадают и обозначают одно и то же племя. К тому же знаки, изображенные на керамике Плиски, абсолютно иден-

тичны юрматинским тамгам[43]. То есть параллели определенной части дунайских болгар с башкирскими племенами Приуралья юрми/юрматы очевидны.

После ухода из Приазовья юрми/юрматы вместе с остальными булгарскими племенами переселяются на Волгу. В этот период союз разделился – частью ушел на Дунай, частью на Волгу[44].

О ранней конфедерации башкирских племен весьма интересно мнение Б.С. Ильясова. Он, рассматривая раннюю историю башкир, приходит к заключению о некогда совместном проживании юрматы и племени куртугур, известных по средневековым источникам в V–VI вв. на территории Приазовья и Подонья. Ушедшая в конце V в. часть крутугуров и юрматынцев вместе с другими племенами (байлар, юламан, гэйнэ, юрмый) образует племенной союз и формируют древнюю башкирскую народность. Судя по этнониму (где «баш» означает главный, а «курт» – первая часть «куртугур»), главенствующую и этнообразующую роль в союзе играли куртугуры[45]. Безусловно, вопрос требует в последующем более детального рассмотрения.

В Поволжье союз племен, куда входили племена юрматы и юрми, составляет часть населения нового государственного образования Волжская Булгария. Важно отметить, что население Волжской Булгарии не представляло собой единого этноса, ее население, по сути, являлось совокупностью племен со схожими этнокультурными признаками. Основное население Волжской конфедерации в ранние периоды ее истории состояло из нескольких племенных групп. В числе этих племен источники называют булгар, сувар, эсгель, берсула. Кроме того, нередко в контексте Булгарской конфедерации фигурирует баранджар[46]. Для нас наиболее интересен именно этот этноним.

В ряде источников фольклорного характера фигурирует этноним «бараж» (например, «Дафтар-и Чингис-наме» анонимного автора). Ряд историков склонен видеть в термине «баранжар» вариацию этнонима «бараж»[47]. Также считается, что баранджары/баражи являются если не основным, то частью населения г. Биляр[48].

Сложен вопрос об этнической принадлежности племени бараж. Для решения этого вопроса обратимся к сведениям башкирской хроники «Дафтар-и Чингис-наме». В главе об Аксак Тимере речь идет о захвате Тамерланом городов Булгар[49] и Биляр. После захвата первого Тимер осаждает Биляр. Хан города Самат сдает его без сопротивления. После Тимур дарит полную свободу вдове одного из умер-

ших беков и двум ее сыновьям (Инсан-беку и Ихсан-беку). Инсан-бек с матерью переселяется «во внутреннюю сторону великой Волги, в горную сторону», а Ихсан-бек «прибывает на... реку Зай, на старую родину предков». Очевидные параллели мы находим в шежере племени юрматы. В этом отношении показательно шежере Татигас-бия, записанное в 1564–1565 гг. Шежере сообщает, что юрматынцы раньше кочевали в междуречье Зая и Шешмы. Об этом говорят и другие исторические предания, упоминая юрматынские земли еще западнее «в стороне Волги и Симбирска»[50]. Далее также описываются события, хронологически совпадающие с содержанием первого источника: речь идет о «времени ханов Джанибека и Аксак-Тимура», когда «для юрта случились великие бедствия». Хотя рассказ об этом начинается с того, что отмечается кочевание в районе Зая и Шешмы «во всех сторонах» ногайцев, применительно к отмеченному «юрту» говорится, что его население жило в «подчинении хана Амата Хамата» и в результате междоусобных войн ханов «юрт Амата Хамата разрушился (бозылды)». В результате с «небольшим числом людей бежали на другую сторону Великого (Олуг) Идиля и вырыли на Черной реке (Кара елга) место для юрта...». «Тогда был 811 г. (т.е. 1408–1409 гг. – *Ю.Ю.*)»[51]. При Шейх-Дервише обосновались на реке Шадлык (Шадлек). Через некоторое время, когда бием был тот же Шейх-Дервиш, они обратно «переселились в древний юрт отцов – Зай и Шешму, где кочевали в разные стороны». В этом фрагменте мы обнаруживаем явные параллели с первым источником. Дело в том, что в шежере «народа бараж» одна из двух групп, как мы увидели, переселяется на внутреннюю сторону Олуг Иделя (т.е. на ее другую сторону). В то время Иделем считалась р. Агидель[52], течение реки Камы от устья Белой и собственно сама Волга. Если считать, что в шежере подразумевалась современная р. Белая, то это переселение Инсан-бека совпадает с переселением юрматынцев на р. Шадлык, правый приток р. Бирь, впадающей с восточной стороны в р. Агидель. В шежере «народа бараж» далее не идет речь о переселившейся группе баражцев. Вполне вероятно, что это связано с тем, что они вернулись на древний юрт, к р. Зай, так же как и юрматынцы во главе с Шагали-бием, согласно шежере Татигас-бия.

Фигурирующие в текстах антропонимы «Самат», «Амат» и «Амат Хамат» достаточно полно рассмотрены Д.М. Исхаковым и М.А. Усмановым[53]. Под этими именами следует видеть одного человека –

Самата. Хамат (и далее Амат) является его формой, где звук «с» заменен на гортанный звук «h». М.А. Усманов полагает, что он был сыном зятя хана Узбека, Иса-бека (Иса-тургана). Как полагает этот исследователь, в 1375 г. в русских летописях как «князь Астроханьский Салчей» упоминается именно сын Амата – Салчы[54]. Таким образом, реальность Амата не вызывает сомнений.

При сравнении шежере «народа бараж» и юрматы необходимо сказать, что основа у этих двух источников явно общая, но применительно к шежере юрматы, скорее всего, его предание претерпело большее влияние времени, нежели шежере «народа бараж». В первом, например, мы уже не видим тех этнонимов, которые мы видели в последнем. В версии родословной Татигас-бия народ «бараж» не известен, на его месте логично подразумевается юрматы; «безкыбак» и «калтак» также не упоминаются и заменены привычным для переписчиков полиэтнонимом, обозначающим пришлое, преимущественно тюркское население – ногаи. Также имя Самата, хана биляpского, мы увидели, получило окрас южного диалекта башкирского языка. То, что «лучше сохранившейся» и более древней является версия шежере из «Дафтар-и Чингис-наме» здесь очевидно, а шежере Татигас-бия является органическим продолжением шежере «народа бараж».

Уместно поставить вопрос об идентичности юрматы и некоторых других башкирских родоплеменных образований с «народом бараж». Во-первых, как мы убедились, юрматы и «народ бараж» имеют одни и те же исторические предания. Причем шежере Татигас-бия есть как бы «деформированный» веками вариант шежере «народа бараж», к тому же является его своеобразным продолжением. Во-вторых, в других вариантах юрматынских шежере, совершенно не связанных с шежере Татигас-бия, фигурируют характерные для шежере «народа бараж» этнонимы: «калбак»[55], «айыры калбак»[56]. К тому же на современной территории расселения юрматы, на востоке Ишимбайского района, находится деревня кипчакских башкир Калу-Айыры. Как видим, название включает часть этнонима «айыры калбак» из шежере. В третьих, о присутствии юрматы в Биляре указывают археологические материалы. Среди керамики г. Биляра исследователи выделяют так называемую VIII группу. Н.А. Кокорина, сравнивая горшки этой группы с сосудами караякуповской группы Башкирии, выявила их полную идентичность[57]. А орнамент горшков и кот-

лов VIII группы керамики Биляра имеет аналогии с характерным для керамики и металла орнаментом кушнаренковских и караякуповских памятников восточных районов Татарии. В этих же районах они известны и по этнографическим материалам: в резьбе по дереву у юго-восточных башкир и особенно в декоре долбленых сосудов для кумыса, издавна изготовлявшихся в горно-лесных районах Башкортостана. Деревянные сосуды для кумыса принадлежали юрматынцам, бурзянам, а также карагай и гирей-кипчакам[58]. По ряду важных элементов они напоминают билярские котлы. Тамги в виде вертикальной петли (а также ряда других тамг)[59] из Биляра и Болгара имеют аналогии у юрматинцев. В материалах Биляра эти знаки могли принадлежать носителям VIII группы керамики. Н.А. Кокорина носителей керамики VIII группы склонна ассоциировать с «бескалпаками прозванные бараж» из летописи «Дафтар-и Чингис-наме». Но как мы убедимся ниже, «бараж» и «бескалапак» – обозначения разных этнокультурных групп. В нашем видении носителями VIII группы могли выступать как раз баражцы, то есть юрматынцы и другие племена союза (в том числе и юрмийцы). Но все же не исключено, что к ним могла относиться наиболее близкая к VIII VII группа керамики прикамских поселений. Таким образом, вопрос об археологической принадлежности юрмато-юрмийцев остается открытым и требует более детального разбора археологического и этнографического материала. Но как бы там ни было, присутствие этого родоплеменного союза в Биляре и прибилярских территорий не вызывает сомнений.

В четвертых, в «Дафтар-и Чингис-наме» после перечисления десяти потомков Ихсан-бека в числе родоплеменных атрибутов упоминается «кош кешан», по другой версии – «кос самисон»[60]. Скорее всего, подразумевается птица (кош) кешан или сапсан. Дело в том, что у племени юрматы родовой птицей как раз и является сапсан («атальгэ»), что также отмечено в предыдущей главе «Дафтар-и Чингис-наме»[61]. Вероятно, автору летописи или его информатору было уже незнакомо подобное обозначение хищной птицы, что и представлялось как название тамг («Тамги кош кешан, клич «бараж» будет»)[62].

Что касается юрмийцев, то нахождение их в союзе относится лишь к золотоордынскому периоду и ранее. Позже, в период активного переселения союза, юрмийская часть союза откалывается и, по мнению Р.Г. Кузеева, «попадает в зону катайской миграции»[63]. В процессе этих событий юрмийцы разделились: многие из них небольши-

ми группами в общем потоке переселенческого движения направились на север и северо-восток Башкирии; небольшая часть сконцентрировалась на территории по р. Ик, где сохранила компактное расселение и племенную форму организации[64].

Важен вопрос о соотношении этнонимов, упоминаемых в шежере народа бараж и вариантов шежере юрматы. Речь идет о населении г. Биляра. Там фигурирует несколько этнонимов: упомянутые уже нами «бараж», а также «безкыбак» и «калтак». Как мы отметили, определенные авторы склонны видеть в этих терминах (а также «юрматы»)[65] этнонимы некоего этнополитического объединения кипчакских родов[66]. Главным аргументом этого утверждения является отрывок из предания «народа бараж», переводимого исследователями следующим образом: «бескалтаки прозванные бараж». Оно дало основание Д.М. Исхакову ассоциировать этноним бараж с буркут-кипчаками, а весь кипчак-юрматынский союз с кипчаками золотоордынского времени, пришедшими в Приуралье в XIV в. Но появление этой гипотезы было вызвано неверным прочтением источника. В частности, в шежере «народа бараж» говорится: «Купасе безкыбак тиган халык ирде, *ва йана халкы* бараж тиган халык ирде (выделено нами. – *Ю.Ю.*)» (Большинство был народ, называемый безкыбак, *а также* был народ, называемый бараж). Далее шежере, как бы «обосновывая» автохтонность народа бараж в г. Биляр, приводит предания. В частности, говорится, что древняя родина народа бараж находится на р. Зай (Бараж халкынын ауаль замандагы боронго туп йорты ошбу Зай тамагында улыр ирде), но потом, не сумев победить напавшего на них дракона, на реке Буляр основали одноименный город. Эта часть предания, очевидно, преследовала цель, апеллируя на прошлое, выделить коренное население Биляра от калбаков, которые, скорее всего, в отличие от баражцев были пришлыми. В этом случае ассоциации «народа бараж» с кипчаками лишаются своего основания.

В юрматынских шежере также мы видим выделение этнонима «калбак». В частности, в варианте, впервые опубликованном Р.Г. Кузеевым, делается акцент на том, что первым пришедшим в Булгар (т.е. в Биляр) ханом был калбак («Первый пришедший в Булгар муж – калбак Шибан-хан»)[67]. В другой версии этого же шежере «выделение» прослеживается более четко: «У юрматы золотая основа/твердыня Шибан-хан из (рода. – *Ю.Ю.*) Айыры Калбак» (Юматыны асыл

тобасе Айыры Калабкнын Шибан-хандыр)[68]. То есть для юрматынцев Шибан-хан, который был из рода «Аыйры Калбак», являлся правителем юрта (возможно, Биляра).

В шежере Тагигас-бия термин «ногаи», который достаточно четко коррелируется с кипчакскими этнонимами из шежере «народа бараж» и шежере племени юрматы[69], так же обозначает отдельную от юрматынцев родоплеменную организацию. Причем различия были не только на уровне родоплеменной идентификации, но и в социально-политическом отношении. Так, в шежере, например, сказано: «У ногаев был такой обычай: «бея», назвав «мырзой», преклонять перед ним головы»[70]. В то же время эти термины постоянно соседствуют, что можно объяснить лишь тем, что «бараж»/«юрматы» и «калтак»/«калбак»/«ногай» были частью некой конфедерации.

Таким образом, «бараж»/«юрматы» выступают как обозначения самостоятельной единицы в рамках одного военно-политического объединения.

Значительной составной частью союза, т.е. «народа бараж», являются предки племени буляр и, возможно, енеи. Булгарское происхождение этнонима биляр[71] говорит о тесных связях с западными регионами. Р.Г. Кузеев склонен видеть в булярах переселенцев из Булгара, миграция которых вызвана событиями в Золотой Орде в конце XIV в., и не без основания предполагает, что миграция булярцев нашла свое отражение в анонимной рукописи «Дафтар-и Чингиз-наме». Действительно, булярское шежере, приводимое Р.Г. Кузеевым и Г.Б. Хусаиновым[72], имеет свои параллели с шежере племени бараж. Родословная начинается с Буляр-хана – потомка некоего Динис Бикбрача (Бик-бараджа (?)) «из народа буляр». Бикбрач жил «на берегу реки Буляр», которая, по представлениям составителей шежере, находится «в стороне Степного Зая и Шешмы»[73]. Очевидно, буляр вместе с юрматы, юрми составляли одно политическое объединение. Дополнительную информацию об этих объединениях нам дают венгерские материалы. В источниках рубежа XII–XIII вв. есть известия, основанные на исторических преданиях о билярах и енейцах. Так, в одном из преданий один из скифских предводителей Угек взял в жены дочь правителя Эундубелина из Дентумегора (берегов Волги). Венгерский ученый Д. Дьерффи в имени правителя усмотрел сочетание этнонимов енейдула-белер. В том же источнике говорится о переселении в 970 г. из поволжских булгар двух мусульман билярцев Билла и Боксу[74].

В этом свете можно было бы несколько расширить рамки «народа бараж», включив в него и предков булярцев, енейцев, и вероятно, ряд некоторых других племен «булгарского происхождения». Однако у булярцев есть ряд признаков, отличающих их от «союзников». Как и у юрматынцев и юрми, основная территория племени буляр в период монгольского завоевания (т.е. до событий конца XIV в.) находилась восточнее Биляра, в районах рек Ик, Минзаля и др., где они кочевали вместе с байларцами, о чем говорит сказание «Биксура-батыр». Поэтому вопрос о переселенцах-булярцах осложняется. Действительно, судя по преданию буляр, они могли составлять с юрматынцами и другими племенами некое единство, с вероятным центром в Биляре (на что, собственно, указывает и этноним), но переселение, если оно и было, произошло в более ранний домонгольский период. Тем более в их истории, в отличие от юрми и юрматы, каких-либо значительных переселений в более отдаленные регионы не наблюдается, стало быть, переселение проходило несколько в иной политической обстановке, сложившейся в регионе. Причиной тому могло быть увеличение доли кипчаков среди населения Биляра и прибилярья. Уже в XIII в. булярцы входили в другой, в отличие от юрматы и юрми, племенной союз. Им стал союз с байларцами, известный в историографии как булярбайларский союз и ассоциирующийся с чияликской археологической культурой, датируемой XII–XIV вв. Этот союз локализуется в бассейнах рек Минзали и Белой[75]. Однако память об общем историческом прошлом у булярцев продолжала сохраняться и в «русский» период. Так, в 1761 г. часть булярских башкир в связи с колониальным натиском царского правительства переселяется к юрматынцам Стерлитамакского уезда, где основывают деревню Кинзекеево (ныне Ишимбайский район)[76].

Что касается терминов «бескалпак», «калтак», «айыры калбак», «калбак» и «ногай», фигурирующих в шежере «народа бараж» и в юрматинских вариантах шежере, то, скорее всего, в них следует видеть значительный тюрко-монгольский или кипчакский пласт. Об этом говорят приведенные этнонимы. То, что бескалбаки «Дафтар-и-Чингиз-наме», являясь большинством населения г. Биляр, были кипчаками, говорит и увеличение доли кипчакской керамики в городище в XI в. С ними исследователи склонны ассоциировать керамику XXI и XIII групп. Наиболее заметное место среди этнических групп Волжской Булгарии занимают носители керамики XIII группы. Период XI–

XIII вв. – эпоха увеличения посуды XXI и XIII групп, носители которой вошли, вероятно, во взаимодействие с носителями керамики VII и VIII групп (юрматы, юрми и др.), что могло вызвать уменьшение доли последних в Биляре[77]. Оно представляется нам в виде переселения предков булярцев и др. В этом отношении показателен один из вариантов шежере юрматы. Он указывает на четырех ханов, предшествовавших Юрматы-бию, современнику Чингисхана. Если исходить из расчета: одно колено – 20–25 лет, то ханствование, по шежере Шибана, приходится на начало XII в. Наверное, в Шибан-хане и его дружине мы должны видеть одних из первых носителей кипчакской керамики Биляра.

Относительно золотоордынского периода в истории этого союза Д. Исхаков склонен выделять в общности кипчаков-кунгратов. В этой связи он приводит один весьма любопытный источник, являющийся династийной «историей» среднеазиатских кунгратов и опубликованный американским историком Ю. Брегелем (*Bregel I.* Tribal tradition and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. Vol. 16. 1982. P. 357–398.)[78]. Из него явствует, что один из предводителей кунгратов по имени Аккадай-бахадур, имевший в своем подчинении 30 тыс. кибиток кунгратов и 100 тыс. других тюрок, «правил странами Булгар, Черкес и Казан». Его правление в «Булгаре» продолжалось 22 года. Также обнаруживается присутствие кунгратов и в Приуралье: «Около города Уфы, на реке Белой, там, где впадает река Дема, была крепость Кунгурат, жители оттуда переселились в Ургенч. Там соорудили крепость и ее назвали тоже Кунгуратом. На реке Белой есть гора Тура-тау. Тура – это имя кунгуратского хана...»[79].

В общем, можем согласиться с предположением, что основной, во всяком случае, политически активной частью конфедерации следует считать кунграт-кипчаков. Действительно, на Южном Урале прослеживается присутствие кунгратовских групп, однако, несмотря на то, что кунграты могли играть заметную роль в общественно-политической истории Башкирии, все же должны констатировать факт об очень слабом их проявлении в башкирской топонимике и почти полное отсутствие в этнонимии. Вероятнее всего, главенствующей группой в союзе могли выступать не только кунграты. Так, в известии одной башкирской летописи, анализируемой Д. Соколовым, говорится о дворце Кирей-хана «на горе на кургане»[80]. Этот «дворец» иссле-

дователь ассоциирует с городом Туратау на устье р. Уфы, т.е. с местонахождением «кунгратского хана». В шежере юмран-табынских башкир также говорится о Гирей-хане и о том, что он жил «в устье Уфы-реки»[81]. Чем же можно объяснить не только слабое проявление в башкирской топонимии и этнонимии кунгратов, но и факт смешения и взаимозаменяемости «кунграт» и «керей»? В этой связи более подробно рассмотрим одну из этнографических групп кипчаков, куда входят роды карагай и герей. К ним примыкают роды санкем, бушман и суун[82].

Р.Г. Кузеев на основе соотношения родовых тамг «ворота» у гэрэй- суун и карагай-кипчаков, золотоордынской аристократии, казахских «султанов», кунгратов, казахских родов каракирей и хадж пришел к заключению об их полной идентичности. Распространение этой тамги исследователь связывает с «одновременным приходом в XIII в. в центр золотоордынского государства племен кунграт и кереит, их тюркизацией с последующей миграцией уже тюркизированных (кипчакизированных) групп в состав некоторых народов Средней Азии и Восточной Европы»[83]. Появление этнонимов герей, гэрэ у башкир связано с миграцией монгольских кереев на запад. В составе Золотой Орды кереи имели определенные контакты с кунгратами. Монгольское племя кунграт было весьма влиятельным в Золотой Орде. В этой обстановке, очевидно, распространилась и утвердилась, в том числе и среди объединенных племен, кунгратская тамга. Вследствие этого карагай-кипчаки, герей-кипчаки и другие роды не только унаследовали от них некоторые этнонимы и тамги, но, возможно, и включили небольшой компонент смешанной кунграт/керейской аристократии. Башкиры этих родов – результат смешения в рамках одной конфедерации двух кипчакских пластов: домонгольского («калтак», «калу-айры» и т.д.) и золотоордынского (керей и кунграт)[84].

Учитывая особенности администрирования в золотоордынское время (см. главу 1, § 1), можем предположить, что кунграт-герейская часть в союзе была незначительной, подарив уже к тому времени местным кипчакским родам свои этноним и тамги, в них ассимилировались. Основным же населением кипчакской части конфедерации были рода, генетически связанные с булгарскими кипчаками домонгольского периода. Некоторые этнонимы этих кипчаков, очевидно, смогли дойти до XVI–XVII вв., которые и отразились в своде летописей «Дафтар-и Чингис-наме», юрматинских шежере и топони-

мии: «безкыбак», «айыры калбак», «Калу-айры», «калтак» и т.д. К тому же вышеуказанная схожесть в материальной культуре племени юрматы именно с кипчакскими родами карагай и герей указывает на длительные контакты между ними.

Таким образом, башкирские племена карагай- и герей-кипчаков, как потомки западно приуральских («булгарских») кипчаков дозолотоордынского периода, а также правящих групп кунгратов/кереев и ряд других кипчакских племен некогда составляли часть тюрко-монгольского пласта в данной конфедерации.

Этнонимы «безкыбак» и «айыры калбак» являются двусоставными. Основой этнонима является последняя часть термина, тогда как первая указывает на конкретное ответвление группы под названием «калпак». Под этими частями этнонима («бес-», «айыры-»), очевидно, кроется один правящий род. Возможно, к ним относятся некоторые правители, упоминаемые в шежере «народа бараж» и юрматы. Судя по всему, находясь в г. Биляре и, вероятно, являясь его правителем, этот род (или один из подобных родов) в определенный период истории возглавлял военно-политический союз.

Итак, исходя из вышеизложенного можем сказать, что к началу XV в. по родоплеменному составу конфедерация была довольно пестрой, с преобладанием кипчакского элемента («бесчисленные ногаи»[85], «большинство был народ называемый безкыбак»)[86]. Одна из частей этого кипчакского объединения занимала главенствующее положение и была кунграт-герейского происхождения. Большую часть в этом союзе составляли юрматынцы. До вхождения в союз с кипчаками юрматынцы вместе с юрмийцами, булярцами и, вероятно, с некоторыми другими племенами состояли в самостоятельном союзе племен, известном как «народ бараж».

Формирование и первоначальное пребывание кипчак-юрматинского военно-политического образования мы должны связывать с землями к западу от р. Ик примерно до прибилярских территорий. Не исключено включение и прибельских территорий. Его правителем тогда являлся хан кунгратского происхождения Амат. В 1391 г. произошло знаменитое сражение на р. Кундурча. В результате этого кровопролитного противостояния «юрт Амат Хамата разрушился». Примерную историю союза можно восстановить по юрматинскому шежере Татигас-бия. В период последовавших после войн переселений главенство переходит Тухал Шагали-бию «из… знатных юрматин-

цев». В шежере это событие выразилось в эпической форме: Шагали-бию выделяются земли и воды, где он должен был ухаживать за могилой святого. В 1408–1409 гг. Шагали-бий основывает свой юрт на реке Шадлык. После его смерти великим бием («улуг-бий») становится сын Гаджлука Гали Шейх Дервиш. С его именем связано возвращение башкир на «древний юрт своих предков», на запад исторического Башкортостана. Далее пост улуг-бия занимает сын Шейх Дервиша Чачлы Дервиш. Шежере Татигас-бия повествует о дочери Чачлы Дервиша, которую он выдал подвластному ему «ногаю». У них родилось два сына – Бурнак и Ядкар. Их отец умер в молодом возрасте, и потому они воспитывались своим дедом Чачлы Дервишем.

Теперь параллельно обратимся к карагай-кипчакскому шежере, которое также дает последовательность башкирских правителей (причем в весьма схожей описательной форме) и в определенном сюжете имеет явные параллели с шежере юрматынцев. Шежере начинается с первопредка Лукман Хакима. Наибольший интерес представляют его потомки, которые имеют более четкую географическую привязку. Во введении данной работы мы отметили, что топографические (и статусно-стратификационные) названия являются более устойчивыми элементами в шежере или предании, нежели антропонимические показатели. Так, внук Лукман Хакима Исмагил-хан в конце своей жизни отправился в юрт своих предков – устье р. Зелим. Учитывая местонахождение этого юрта (центральный Башкортостан), можно предположить, что речь идет о центральной территории рассматриваемого политобразования. Не случайно, что и юрт Тухал Шагали-бия (по юрматинскому шежере) также находился в центральной Башкирии (р. Шадлык). Далее, по шежере, Исмагил-хан своим преемником назначает своего сына Алмай-султана, юрт которого был на Тура-тау. После Алмай-султана землями (или Тура-тау, или устье р. Зелим, а скорее всего, вся территория, охватывающая последние) правил Кузы-султан. Последний «на свое место посадил Бускун-бия». Он, в свою очередь, Булата. Далее идет речь о Бабсаке, сыне Булата, и бурзянце Каракулумбете. Бурзянец в свою очередь, желая в будущем стать ханом, убивает Бабсака и его сына Шыкманая. Беременная жена Бабсака уходит в юрт своего отца – Тура-хана. Примечательно, что при повествовании о хане в шежере в этом статусе не подразумевается кто-то из перечисленных султанов и биев и не

абсолютизируется карагай-кипчакская принадлежность хана. А наоборот, о хане говорится как о какой-то третьей стороне, на место которого мог претендовать и бурзянец (Каракулумбет). Итак, по шежере, в статусе хана фигурирует Тура («Тура-хан»). У него, так же как у Чачлы Дервиша (шежере юрматы), есть дочь и как минимум один внук. Им стал сын Бабсака Кусяк[87].

Несколько измененный, но такой же сюжет можем наблюдать в различных вариантах эпоса о Бабсаке и Кусяке. В карагай-кипчакском предании «Кусяк-бий», записанном М. Сагитовым в д. Аратау Бурзянского района, говорится о вражде между двумя биями Масем-хана Бабсаком из племени карагай-кипчак и бурзянцем Каракилембетом. Последний убивает Бабсака и забирает его беременную жену. Через некоторое время у нее рождается сын Кусяк-бий. Узнав правду о своем отце, Кусяк-бий желает отомстить Каракилембету. За помощью он обращается к своему деду Тура-хану: «Он (Кусяк бий. – *Ю.Ю.*) идет к своему деду со стороны матери Тораханy. У деда просит войско. До возмужания он его держит у себя, только через несколько лет Кусяк-бию дает войско. С этим войском Кусяк бий выходит против Каракилембета. Битва была жестокой. Войско Каракилембета уничтожается»[88]. В другом варианте эпоса «Кусяк-бей», найденного в 1928 г. А. Исмагиловым в современном Бурзянском районе Башкортостана, говорится: «У него (Тура-хана. – *Ю.Ю.*) не было сыновей. Одна единственная была дочь Булябика»[89]. А в кипчакской версии «Кусяк-бий», найденной А. Исмагиловым в современном Бурзянском районе, также повторяется сюжет карагай-кипчакского эпоса и бараж-юрматинских шежере. В нем говорится о единственной дочери Ураз-хана, выданной за кипчака Бабсака. Учитывая близость и одну историческую судьбу родов юрматы и карагай-кипчак, вполне вероятно, что у преданий этих родов одна и та же сюжетная и историческая основа. В шежере и преданиях, зафиксированных у юрматынцев и карагай-кипчаков, фигурирует безотцовщина Кусяк (в источниках карагай-кипчакского происхождения) или Ядкар (в источниках юрматынского происхождения), у которого есть влиятельный дед со стороны матери (Тура-хан/Чачлы Дервиш/Ураз хан). Причем все источники однозначно указывают на кипчакское происхождение «внука», а «деда» прямо и косвенно – на юрматынское. Основываясь на этом, вполне резонно предположить о датировке события, отраженного в карагай-кипчакском ше-

жере и эпосе «Кусяк-бий», отнеся его к XV в., когда кипчак-юрматинцы, став военным гегемоном (в первую очередь за счет кипчаков) в Башкирии, оказались на ее южных территориях, из-за которых в последующем кипчаки вошли в конфликт с бурзянцами, в последующем выделившись в отдельную родоплеменную группу – карагай-кипчаки.

Рассмотрим личность Тура-хана, известную историкам не только по эпосу «Кусяк-бий» и другим эпосам, преданиям, но и по топографическим названиям региона. Сегодня личность Тура-хана не получила какой-либо более менее четкой оценки. Исследователи не однозначны в своих выводах. А.Н. Усманов говорит о нарицательности этого имени. Так якобы башкиры называли главного хана ногайских мурз, властвовавших в Ногайской Башкирии[90]. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова считают его и Басман-хана башкирскими феодалами, «осуществлявшими на месте власть ногайских ханов»[91]. В.В. Трепавлов, рассматривавший ногайское присутствие на Южном Урале на основе документальных источников, не видит в Тура-хане реальной исторической личности, связывая его появление с легендарным характером источников[92].

В «Материалах к истории города Уфы» Д.С. Волкова рассказывается, что «сего города (Уфы. – *Ю.Ю.*) последний владетель был Ногайский хан, именуемый Туря Бабату Клюсов, в подданстве его, хановом, были не только ногайцы, но и несколько волостей башкирских…»[93]. Несколько иной вариант предания приводит Р.Г. Игнатьев. Тура-хан, по этому источнику, был чингисидом «и был под властью сибирского хана Кучума». Однако, поссорившись с Кучумом, Тураxан «со всей Ордой, в числе 8000 кибиток, откочевал к г. Уфе», где он пробыл 4 месяца, но позже перекочевал на р. Слак, подчинив башкир. Упоминание о том, что Тура-хан признал власть «казанского хана», явно обесценивает эту информацию и дает повод отнести «кучумо-тураханские взаимоотношения» в предании к более поздним наслоениям. Но очевидные параллели мы наблюдаем в предании, также приводимом Р.Г. Игнатьевым: «Первый хан, пришедший сюда (к Уфе. – *Ю.Ю.*) из Сибири, назывался Алказар и был царского рода»[94]. «Алказар» здесь ни кто иной, как Хакк-Назар – сын казахского хана Касима – ставленника ногайского мирзы Шейх-Мамая, в удел которого как раз и входила Сибирь, откуда и пришел Турахан/Алказар башкирских преданий. В образе Тура-хана в варианте Р.Г. Игнатьева

мы должны видеть первого удельного правителя Ногайской Башкирии Хакк-Назара, находившегося здесь в 30-гг. XVI в.

Более конкретные сведения о Тура-хане мы узнаем из выше приводимого предания о Тура-хане, где напрямую указывается на его кунграт-герейскую принадлежность. Кунграт-гереи же, как выше выяснили, составляли значимую часть кипчак-юрматынской конфедерации. Однако отнюдь не обязательно связывать Тура-хана с кунграт-гереями. Под этим именем могут скрываться, как выяснили, представители других родов. На связь Тура-хана с кипчак-юрматинским ядром конфедерации указывает еще одно предание, которое приводит Н.А. Гурвич: «Здесь (близ г. Уфы. – *Ю.Ю.*), по преданию, жил хан Тюра Кебату Клюсов, но его выгнал де отсюда змий дракон, или жилан, который стал пожирать татар и даже одним дыханием заражал воздух; тогда хан бежал за Кубань»[95]. Аналогичный «дракон» фигурирует в источниках бараж-юрматинского происхождения: «Жил один дракон змей, называемый Бараж, – говорится в шежере «народа бараж». – Он городским жителям причинял много бед. С ним выходили воевать, но победить так и не смогли. В конец сами, бросив свой город, убежали»[96]; в шежере юрматы говорится следующее: «В древние времена на этой земле были ногаи. На земли по долинам рек, называемым Зай и Шешма, они приходили кочевать со всех сторон до тех пор, пока в том месте вдруг не появился какой-то змей-дракон. Он достигал всего на расстоянии одного дня и ночи пути. Так прошло много лет. С ним долго сражались. Много людей погибло, после этого тот змей исчез»[97]. Вполне вероятно, что и предание Н.А. Гурвича и предания бараж-юрматынского происхождения сложились в одной эпической среде– юрматынской или кипчак-юрматынской.

Вряд ли можно соотносить Тура-хана башкирских преданий с какой-либо реальной исторической личностью. Скорее всего, это был собирательный образ хана-правителя конфедерации. Так, в другом варианте эпоса «Кусяк-бий» место Тура-хана занимает уже Ураз-хан, в подчинении которого были юрматинцы, минцы, табынцы и часть кипчаков. К тому же Тура-хан не нашел своего отражения в шежере «народа бараж» и шежере Татигас-бия, где правители перечисляются весьма подробно (во всяком случае, без существенных разрывов в хронологическом плане). Использование этого имени, скорее, имело более широкое и сакральное значение. Им назывались не только

бывшие ханы конфедерации, но и значимые геополитические центры ханства. Тора-тау называлась гора, где находился хан, в начале на месте города Уфы, затем это название было перенесено на юг, на современную гору Тора-тау, близ г. Ишимбай, кстати, вотчины юрматынских башкир.

Превращение Тура-хана в преданиях, приводимых П.И. Рычковым и Д.С. Волковым, в «ногайца», а в случае с вариантом Р.Г. Игнатьева в «Алказара», произошло в более поздний период, когда кипчак-юрматынские связи перестали осознаваться. В этом отношении отчасти прав Д.М. Исхаков, считая, что «кунграты, входившие в Ногайскую Орду, в ее составе воспринимались как «ногайцы» – последний термин был политонимом и обозначал все население Ногайской Орды»[98]. Однако нельзя абсолютизировать этнополитическую принадлежность к ногаям приуральских кунгратов и других кипчакских племен (кунграт-кипчаки) и объединений. Далее при рассмотрении ногайско-башкирских взаимоотношений довольно четко будут прослеживаться различия в политической и этнокультурной ориентации кунграт-кипчакской аристократии в лице легендарного Тура-хана от ногаев.

Несмотря на легендарность Тура-хана, он довольно четко ассоциируется с началом или первой половиной XVI в. Есть основания полагать, что в тот период для всех вариантов преданий о Тура-хане существовала не дошедшая до нас в первоначальной форме единая эпическая основа, которая с течением времени могла изменяться. В связи с этим считаем вполне приемлемым употребление в отношении кипчак-юрматынского объединения термина «ханство Тура-хана» для периода конца XV – начала XVI в.

Итак, к рубежу XVI в., оказавшись в центральных районах Башкортостана, «ханство Тура-хана» стало гегемоном на Южном Урале. В это время его правители подчиняют башкир центральных и юго-западных областей исторического Башкортостана. Примерное распространение власти правителей ханства мы можем определить по маршрутам кочевок Тура-хана, основываясь на рассказе Кидряса Муллакаева[99]. Также на устье р. Сакмара, согласно этому источнику, находилась ставка Басман-хана, родного брата Тура-хана[100]. Кстати, именно на приякских территориях в башкирских деревнях современной Оренбургской области зафиксирована родовая группа герей-кипчак[101] – потомков правящей группы рассматриваемого образования.

Прияикские территории Тура-хана отразились и в более поздних источниках. «Районы Уфы, Стерлитамака, – говорится в предании «Кусяк-бий», – оттуда дальше земли до Оренбурга были Тура-хана. Самый сильный и самый справедливый хан был Тура-хан»[102].

Весьма интересные сведения о башкиро-ногайских отношениях приводятся в вариантах эпоса «Идукай и Мурадым», собранных М. Бурангуловым в юго-западных районах Башкортостана – в тамьянской деревне Кусем и бурзянских деревнях Туркмен и Нугай ныне Абзелиловского и Баймакского районов Башкортостана и соответственно опубликованных Н.Т. Зариповым и Н. Исанбятовым. Разберемся со временем и обстоятельствами появления произведения в башкирской среде. Это поможет нам отделить мифическую часть от сюжетов, основанных на реальных событиях.

На сегодняшний день большинство исследователей сходится во мнении о появлении данного произведения у башкир примерно в XV в.[103] Но есть основания отнести появление отдельных сюжетов эпоса к более позднему времени. Эпос о Едигее возник в среде мангытской аристократии. А.Н. Самойлович считает, что эпос в первую очередь был предназначен для поддержания авторитета власти ногайских правителей[104]. Попав в «чужую среду», эпос шлифовался и обрастал собственными специфическими особенностями. Учитывая то, что появление ногаев на территории исторического Башкортостана относится к концу XV в.[105], уместно отодвинуть возможное раннее появление эпоса в башкирской среде именно к этому периоду. А если учитывать активное политическое влияние аристократии ногаев на Южном Урале лишь в 20–50-е гг., – то и к более позднему времени.

Далее обратим внимание на сюжет. Основной линией в большинстве вариантов эпоса является противостояние эмира Едигея и золотоордынского хана Токтамыша. В башкирских вариантах Едигей (Идукай) выступает в качестве башкирского героя-освободителя от захватчика Токтамыша. Не вдаваясь глубоко в проблему, взглянем на особенности башкиро-туктамышевских и башкиро-едигеевских взаимоотношений.

Несмотря на то, что в работе этот вопрос уже рассматривался (см. главу I, § 2, 3), не лишним будет его повторить и конкретизировать. Итак, исторические источники не указывают на какую-либо туктамышо-башкирскую конфронтацию. Более того, истории известны факты участия башкирских войск в составе военных компаний

Токтамыша. В частности, битва на реке Кундурча (1391 г.)[106] Если посмотреть на дальнейшие взаимоотношения башкирской аристократии с наследниками Туктамыша из династии тука-тимуридов, то здесь нам также неизвестно какое-либо противоборство башкир с золотоордынским ханом Улуг-Мухаметом и его потомками – казанскими ханами. Напротив, мы знаем многие факты получения башкирами от правящих тука-тимуридов тарханских ярлыков, что, наоборот, из ранга «угнетенных» возводит башкир в ранг привилегированного сословия. Взамен башкиры участвовали в военных компаниях казанских ханов. Например, русско-казанская война 1468 г., когда Ибрагим-хан с целью дать отпор захватчикам собрал свое войско с Беловоложской, Костятской и Башкирской земель. Очень возможно, что казанские ханы (а так же касимовские) в отношении башкир продолжали политику Токтамыша, в истории правления которого известны его пожалования[107]. Более того, в другом башкирском предании – «Последний из Сартаева рода» – Ялык-бей борется против Тимура на стороне Золотой Орды (Токтамыша)[108]. С другой стороны, у историков нет никаких свидетельств, прямо указывающих на башкиро-едигеевские отношения и уж тем более о лояльности между башкирскими и ногайскими группами. Ногаи в лице Алчагира, захватив основную часть исторического Башкортостана, в дальнейшем не смогли уже обеспечить правовой базой башкирскую аристократию (в отличие от тука-тимуридов), тем самым легитимизировать башкир в системе Мангытского юрта. Безусловно, это не могло не вызывать конфронтацию между сторонами.

Так как же случилось, что в башкирских вариантах эпоса главным героем и народным защитником оказывается Едигей (Идукай), а Токтамыш, наоборот, оказывается агрессором? Как нам представляется, здесь сыграла роль изначальная промангытская направленность эпоса. В эпосе, возникшем в среде ногайской элиты, Едигей подразумевался как основатель юрта и мангытской правящей династии, а Токтамыш, конечно, врагом. Начальный вариант произведения, попав в башкирскую среду, начал изменяться и «искажаться». Имена главных героев сохранились, но они уже не представляли те образы исторических личностей, характерных для ногаев. Едигей (Идукай) становится башкирским героем-освободителем и предводителем башкирских родов, а Токтамыш начинает занимать место врага народа. Как ни парадоксальна ситуация, в тот момент для баш-

кир главными врагами выступали как раз ногаи. Поэтому теперь Токтамыш – не золотоордынский хан, а скорее всего, собирательный образ ногайских правителей. В одном из вариантов эпоса «Идукай и Мурадым», записанным С. Мирасовым в 20-е гг. XX в., Токтамыш представляется как правитель ногайского юрта:

Этот беспечный ногайский юрт,
Безоружный, бессильный народ
Будет им (Идукаем. – *Ю.Ю.*) *завоеван,*
все сделает он, что захочет.
Престолу твоему (Туктамыша. – *Ю.Ю.*)
наденет петлю[109].

Ниже мы убедимся, что в начальную часть эпоса вариантов М. Бурангулова и Н. Исанбетова и некоторых других были положены реальные события, происходившие в Башкирии в первой трети XVI в. во внутрибашкирской среде и башкиро-ногайских взаимоотношениях.

О роли «ханства Тура-хана» говорится в вариантах эпоса «Идукай и Мурадым», собранных М. Бурангуловым в юго-западных районах Башкортостана: деревне «тамьянцев – Кусем» и деревнях «бурзян – Туркмен и Нугай» ныне Абзелиловского и Баймакского районов Башкортостана соответственно и опубликованных Н.Т. Зариповым, и Н. Исанбетовым. В этих вариантах главным героем выступает Идукай, возглавивший войну против Туктамыш-хана. Он стоял во главе пяти родов:

Богатыри края того:
Кыпсак, Катай и Тамьян,
Жившие на отрогах Урала;
Юрматы, Табын еще –
Вдоль Нугуша и Идели...
Туктамыша отвергнув власть...
Бились с врагами вместе и врозь[110].

Батыры Кыпсак, Катай, Табын,
Юрматы и Тамьян – впятером
Против Нарыса и Тора-бия
Намеревались войну открыть,

Но ждали, когда вернется Идукай,
Кто бы объединил свой край[111].

В варианте Н. Исанбетова дан аналогичный и несколько уточненный состав племен: юрматы, тамьян, кара-кипчак, катай, табын. Далее из эпоса явствует, что Тора-бий подчинил эти племена силой.

Нахождение племени юрматы, как мы выяснили, в «ханстве Турахана» наблюдается еще в период их проживания на северо-западе исторического Башкортостана. Позже они во главе с кунгратами/гиреями мигрировали в центральный Башкортостан, что не преминул отметить сказитель в варианте Н. Исанбетова: «При переселении свой род сохранил» (Кусканда кусте hakлаган)[112]. Что касается табынцев, то в конфедерацию входила западная часть этого объединения, а именно племена кесе, кальсер, юмран-табынцы, компактно расселявшиеся в центральных районах Башкортостана, на прибельской низменности «вдоль Идели».

По мнению Р.Г. Кузеева, предки родов кесе, кальсер, юмран поселились в Башкирии во второй половине I тысячелетия в общем движении булгарских племен. До расселения на р. Белой они длительное время жили на Бугульминской возвышенности в соседстве с юрматы-юрмийскими племенами или на той же территории. Кесе-табынцы в своих преданиях считают «старым юртом» окрестности Нарыш-тау в верховьях р. Демы или долину р. Ик.

Переселение родов кесе, кальсер, юмран в центральные районы Башкортостана на средней Белой произошло в XIII–XIV вв., и там влились в это объединение и стали «табынскими» родами. Эти роды, подвергнувшись табынскому культурному и языковому влиянию, в то же время мало смешались с ними, сохранив свои родовые организации, тамги и традиционные связи с юрмато-юрмийскими племенами[113], но ко времени вхождения этих табынцев в состав «ханства Турахана», что могло произойти примерно во второй половине или в конце XV в., уже выступали как табынцы. Именно об этих табынцах идет речь в одном из вариантов эпоса «Кусяк-бий», входившие в ханство Ураз-хана наряду с юрматинцами, кипчаками и минцами.

В шежере юмран-табынских башкир есть весьма интересный момент: «Хани Утлан пришел из города Аждерхан (Астрахань). После кончины Гирей-хана, желая подчинить себе его подвластных и его селения в устье Уфы-реки, то есть, желая подчинить себе и дуван-

табынов и кичи-табынов и, вообще, все двенадцать табынских родов, он пришел к дувану Кутлуюл-сэсэну и просил его старост место для размещения своего юрта»[114]. Табынские бии соглашаются и выделяют ему земли по правому течению средней Белой. Через некоторое время он со своими воинами подчиняет себе минцев и гереев. Указание на Астрахань, очевидно, может говорить о приходе некоторых кипчакских или кипчакизированных аристократичных групп Золотой Орды. Сейчас у нас недостаточно данных более точно интерпретировать «Хани Углана» и «бывших при нем воинов», но примечательно, что «хан Амат», он же Амат-Салчей, так же как и «Хани Углан», «князь Астроханский», т.е. выходец из Астрахани. Подчинение этому Хани Углану племен минцев, гереев и, судя по всему, западных табынцев можно соотнести с составом племен «ханства Тура-хана». Тем более ранее мы отмечали этнокультурные контакты кунгратов и гереев в Приуралье в XIV–XV вв. и последующую взаимозаменяемость «кунграт» ↔ «герей».

Вообще, отмечая этническую, территориальную и, как выше выяснили, политическую близость племен юмран, кальсер, кесе с юрматынцами, можно предположить, что в рассматриваемые периоды истории они все вместе составляли политическое единство. Очевидно, и являясь тем самым «булгарским» субстратом кипчак-юрматынской конфедерации, о котором речь шла выше.

Что касается тамьянцев, то нахождение их в составе этого ханства подтверждается не только упоминанием их в эпосе. В шежере племени тамьян, найденном Фанил Баишевым, в генеалогической цепочке прадедом Шагали Шакмана, того, что был в составе башкирского посольства в Казань в середине XVI в., фигурирует имя Басман-хана[115], по «Башкирской истории» Кидряса Муллакаева известного как брата Тура-хана. Сомнительным кажется родство этих исторических личностей (Басман-хана и Шагали Шакмана), однако время жизни «прадеда» Шагали Шакмана совпадает с временем правления брата Тура-хана. Это дает основание говорить, что шежере Баишева – не генеалогическая цепочка рода Шакмана, а последовательный список правителей тамьянского племени. Очевидно, со временем правления Басман-хана мы должны связывать появление и нахождение племени тамьян в составе этого союза.

Появление катайцев в Приуралье относится к середине и к началу второй половины XIII в. Их этническая история в Приуралье не-

разрывно связана с племенем монгольского происхождения салъют. Первоначально район их кочевания находился в междуречье Ика и Белой. Время массовой миграции катайцев с Приуралья относится к периоду «большой войны» Токтамыша и Тимура, т.е. в конце XIV в., хотя далекие проникновения кочевников на север и восток в более раннее время вовсе не исключаются. Часть катайцев и салъютов направилась на восток, в горно-лесную область среднего течения р. Белой и низовьев Инзера. Позднее катайцы и смешавшиеся с ними небольшие группы салъютов были оттеснены табынцами на среднее и верхнее течение Инзера и вышли оттуда к верховьям Белой. Часть катайцев (роды кузгун и идель), достигнувшая Белой, вошла в контакт с тамьян-табынским населением. Основной поток катайцев и салъютов направился на север и северо-запад. Согласно преданиям, их предки «очень долго шли на север от реки по названию Сюнь, пока не добрались в Сибирь Пермскую». Катайцы и салъюты двигались, как обычно делают кочевники, по маршруту, на котором было меньше крупных водных преград. Такой путь пролегал вдоль основного течения Быстрого Танып а, а в его верховьях переходил на известный с древних времен северный путь через Урал в районе рек Бисерти, Сылвы, верховьев Чусовой и др. Миграция катайско-салъютских башкир на северо-восток увлекла с Приуралья и Бельской долины немало других родоплеменных групп, в составе которых были племена бикатин, сынрын, терсяк, сызы, упей и др., в этом же потоке находились и оставшиеся в верховьях Танып а (в долине р. Тюй) башкиры племени балыксы[116].

К сожалению, кроме упоминания в эпосе «Идукай и Мурадым», у нас нет других данных о нахождении катайцев (или салъютов) в какой-либо крупной племенной конфедерации, отчего можем лишь предположить вхождение катайцев в «ханство Тура-хана» периодом их миграции и проживания в северо-восточных районах исторического Башкортостана. Р.Г. Кузеев на основе башкирских сказаний и документальных данных устанавливает первоначальные районы расселения катайцев в верховьях р. Чусовой. «Наши предки», рассказывают катайские предания, «жили там, где сейчас станция Билимбай»[117].

Наконец, племя кипчак, под которой подразумевается целая группа племенных организаций. Здесь выделяются три родовые группы. Одна из них, как мы выяснили, это результат смешения пришлых тюркизированных групп гереев и кунгратов с местным домонгольским кип-

чакским субстратом. Основной же группой является род кара-кипчак (карый-кипчак), связанный по происхождению со средневековым половецким племенем токсаба – одного из древних племен Дешт-и Кипчака, имевших тюрко-монгольское происхождение. К другой группе относятся туркмен-, или ак-кипчаки, являющиеся потомками кипчакизированных в золотоордынский период туркмен Волго-Яицкого междуречья. В XIV в. кипчаки широко расселились по всему Приуралью, концентрируясь в междуречье Белой и Ика. В конце XIV – XV вв. в связи с известными событиями, происходившими в Золотой Орде, массы кипчаков активизируют свое движение на север и восток. Рассматриваемые группы поселились на территории от южной излучины Белой до низовьев Сакмары. Нахождение этих групп кипчаков в «ханстве Тура-хана» свидетельствует приводимое нами ниже предание ак-кипчаков и упоминание в эпосе «Идукай и Мурадым» варианта Н. Исанбетова именно кара-кипчакских башкир, а также непосредственное их расположение в зоне влияния правителей ханства – нижнее и среднее течение рек Сакмары и Яика соответственно.

Итак, теперь мы можем весьма примерно очертить родоплеменной состав конфедерации в конце XV – первой половине XVI в.: кунграт/герси (с учетом домонгольского кипчакского субстрата), юрматы, западные табынские группы (кесе, юмран, кальсер), кара-кипчаки, ак-кипчаки, тамьянцы (или их западная часть), возможно, западные катайцы. Как видим, конфедерация включала в себя значительные племенные образования. В то же время нельзя преувеличивать геополитическое значение и роль этого союза в процессах на Южном Урале. Конфедерация, как правило, предполагала нахождение в ее составе во многом самостоятельных единиц, и правящая группа слабо влияла на поведение отдельных племен и родов. Учитывая специфику образования и функционирования подобных конфедераций, своего апогея «ханство» могло достичь в результате единения башкирских племен в период раздела сфер влияния между Джучидами в XV в. или в период башкиро-ногайского противостояния – начало XVI в. Как далее увидим, активность конфедерации сместилась восточнее, когда прогогайский центр перестал отвечать потребностям другой политической активной части племен союза.

Первая четверть XVI в. характеризуется башкиро-ногайским противостоянием. Амбициозный ногайский мирза, а с 1508 г. бий Алчагир в начале XVI в. захватывает основную территорию Башкорто-

стана и устанавливает свою власть, но не надолго. Последовавшее казахское нашествие изменило политическую ситуацию в регионе. Если верить шежере Татигас-бия, то к этому периоду относится правление внуков Чачлы Дервиша Борнак-бия и Ядкар мирзы. В это время ханствовал Тукай, под началом которого было 1085 казахов. Повторное установление ногайской власти в регионе связано с именем Хакк-Назара в 20-е, 30-е гг. XVI в. Наместник, очевидно, занимает древнюю Уфу, известную по картографическим работам западных и письменным свидетельствам арабских авторов как г. Башкорт, и основывает там свою ставку. Это и отразилось в преданиях об Алказаре и Тура-хане варианта Р.Г. Игнатьева (см. выше). Скорее всего, именно с этим событием связан уход кипчак-юрматынцев на юг. В преданиях, приводимых Д.С. Волковым и Р.Г. Игнатьевым, уход Тура-хана «в Стерлитамакский уезд» связывается с взятием русскими Казани. Р.Г. Игнатьев не исключает, что это событие могло произойти и ранее «еще при Иване III»[118]. Оно действительно произошло еще до взятия Казани Иваном Грозным, однако никак не связано с активизацией политики Москвы на востоке. В этом отношении интересен фрагмент эпоса «Идукай и Мурадым», совет старика Хабрау Идукаю перед поездкой к Тура-хану:

Переместился Тора-бий
В междуречье Селеука
И Нугуша он, и там
Основал свой аймак.
Смотрит, что Тухтамыш-хан
Урал захватил и Яик.
Не готов ли он броситься на хана.
Как на мужа – ревнивая жена?
Если свой увидел меч,
Не впадет он в ярость. Ему
Выложишь ты все, как есть,
Пищи для дум подкинешь уму[119].

Междурсчье Селеука и Нугуша, где якобы основал свой аймак Тура-хан – примерная территория вотчинных земель юрматынцев, что также лишний раз подкрепляет предположение о связи юрматынцев с Тура-ханом. В этом фрагменте налицо подстрекательство

Тура-хана Идукаем на противостояние с Токтамышем – ногайскими наместниками. Причем Идукай намеревался развязать войну с Дамми бием и Ыршак-бием. В этих именах читаются названия рек Дема, Уршак – территория центральной Башкирии, где, вероятно, находились летовья ногайских наместников.

Как мы выяснили выше, в эпическом Тухтамыш-хане мы должны видеть не реального Токтамыша, а собирательный образ мангытских правителей. Отсюда логичный вопрос: не послужило ли установление власти мангытов в регионе причиной смещения центра «ханства Тура-хана» на юг? Скорее всего – да. К тому же именно древняя Уфа стала центром Ногайской Башкирии, которая ранее была центром «ханства Тура-хана» («гора Тура-тау», «устье Уфы-реки» башкирских преданий).

Итак, оказавшись в составе Ногайской Башкирии, правящая группа «ханства Тура-хана» заняла проногайскую позицию. В первую очередь это касалось кипчакской кунгратской/герейской ее части. Они получают звания мирзы, характерные для ногайской аристократии. По шежере Татигас-бия, Бурнак был бием, а Ядкар и его приближенные – мирзами. В последующем, как мы узнаем, Бурнак останется в Башкортостане бием юрматынцев, Ядкар же откочует с «ногаями» «на Кубань»[120]. В эпосе «Идукай и Мурадым» главный герой Идукай, укоряя Тора-бия, говорит следующие слова:

...даже получив от отца
Бийство и звание «мурзы»,
Никогда не поймет свой народ,
Страну свою к беде приведет...[121].

Однако не ясен вопрос, что же послужило причиной политической ориентации правителей конфедерации на Ногайскую Орду, когда основная часть башкирской аристократии противостояла ногайскому наместничеству? Среди «Икских волостей», по сути своей являющихся башкирскими улусами Казанского ханства, отсутствуют волости кипчак-юрматынской части конфедерации: герей, кунграт, юрматы и т.д. Более того, в XV в., в период усиления Казанского ханства, союз покидает северо-западные районы исторического Башкортостана и занимает его центральные регионы, к концу XV в. является центром крупного союза племен в центральной и южной части Башкирии. Примерно в

конце XV в. между правителями этого ханства и Казани происходит конфликт. О нем мы узнаем из предания туркмен-кипчакских (ак-кипчакских) башкир, записанного Р. Шакуровым.

Как известно, в конце XIV в. происходит усиление местной аристократической верхушки башкирского общества. Постепенно в связи с ослаблением центральной власти в регионе политическая организация все больше приобретает самостоятельный характер. И эта самостоятельность углубляется с обособлением Средней Волги. С конца XV в. центральная власть в Казани ослабевает и оказывается неспособной укрепить свою власть на местах.

В эпосе «Идукай и Мурадым» интерес представляет причина, по которой Идукай приехал к Тора-бию: Идукай, не желая подчиняться хану (Токтамышу), решает начать против него войну и по совету Хабрау едет к Тора-бию с целью заключить военный союз против хана (см. выше). До этого взаимоотношения между родами Тора-бия и Идукая были враждебными:

Встретишь Тора-бия ты,
Что у подножья гор живет,
Словно могучее дерево,
Первым богатырем слывет...

Младший его сын Тукляс
Подчинил себе исподволь
Яик, Хакмар, Туяляс;
Против отца своего пойдя
Войной, страну разрушил его;
Забрал себе лучших его лошадей,
Юрты его пожег, злодей,
Оставив без крова его и добра,
С ног сэмсэ заставил снять
Маме твоей повелел затем
Драную обувь надеть;
Хоть и юн ты был, но все ж,
Когда вырвал у Тора-бия меч,
Вверг его ты в ужас и дрожь...[122]

Однако при встрече с Тора-бием Идукай оговаривается:

За угнанный скот у отца
С барымтой не пришел к тебе;
Воинов просить у тебя,
Могущих оружьем владеть,
Чтоб род спасти, врагов одолеть,
Опять же не пришел я к тебе![123].

Как окажется, основной целью прибытия Идукая к Тора-бию была просьба о том, что бы в борьбе Идукая с Тохтамышем Тора-бий сохранял нейтралитет и мог принять его народ при неудачном исходе войны:

Если защищая себя,
С врагами битву начнет мой народ,
Если, не осилив его,
На твою он сторону перейдет,
Дай слово, тех, кто народ мой признав,
Гостеприимство ему оказав,
Кров предложит батырам моим,
Окажет раненым помощь, больным...
Если против Шагали на Яике,
Против Ыршака и Дамми-бия,
Хану продавших наши края,
Тем умножив казну его,
Битву начну беспощадную я,
Язык проглотив, ты будешь сидеть!

Выслушав эти слова Идукая, растерялся Тора-бий, не знал, что делать, что сказать. Наконец, придя в себя, обещал выполнить все требования и просьбы батыра[124].

Если видеть в образе Тора-бия правителей кипчак-юрматынской конфедерации, нам представляется довольно ясная картина о том, какую политическую позицию занимали правители этого ханства. Скорее всего, бии и мурзы «ханства Тура-хана» находились в военно-политической зависимости от мангытской аристократии, но в данном случае отразился конкретный эпизод истории Башкортостана ногайского периода, где мы можем говорить о сговоре (или его попытке) правителей ханства против ногайских завоевателей.

Более того, можно примерно определить, башкиры каких областей выступали с наиболее агрессивной антиногайской политикой. Ими выступали юго-восточные племена. Если обратиться к вариантам эпоса о Едигее, то подавляющее большинство вариантов с вышеописанными сюжетами о Тура-хане собраны именно на юго-востоке Башкирии. Ниже мы рассмотрим, как описываются в одном из вариантов эпоса события на юго-востоке Башкирии. В этом эпосе, найденном М. Бурангуловым в Альшеевском районе РБ, весьма ярко проявляется «след» юго-восточной группировки.

Таким образом, очевидно, после ногайского завоевания (войны с Алчагиром) кипчак-юрматынская конфедерация теряет свое могущество, но все еще продолжается восприниматься соседями (другими племенами «ханства») как значительная военная сила.

В 30-е гг. XVI в. окончательно оформляется в административно-территориальном отношении Ногайская Орда и соответственно Ногайская Башкирия. Теперь не только формальным, но и фактическим правителем в регионе становится ногайский наместник. Таким образом, окончательно пресекается главенство кунграт/гереев в регионе, сохраняя все же свое первоначальное кипчак-юрматинское ядро конфедерации. Однако в 1550-е гг. в связи с климатическими катаклизмами и изменением геополитической обстановки в Урало-Поволжье, вызванной военной экспансией Русского государства, она (орда) окончательно распадается. В шежере сказано: «Однажды выдался голодный год. Зима стояла долго. В течение трех лет лошадей и овец не стало, хлеба совсем не всходили. Многие люди остались без средств к существованию, многие оказались голодными и нагими. Ногаи собрались и держали совет. Наши предки пришли сюда с Кубани из-за земли и воды, пришли искать прохладного места и прохладной воды. И вот казалось, что зимняя стужа хуже полуденного зноя. И вот оказалось, что хуже испытания стужей – приход с полуночной стороны неверных русских. В этих землях русских, должно быть, будет много. Нам эта земля не подойдет»[125]. В результате кипчакская часть во главе с Ядкар-мирзой, судя по всему, вливается в ногайские массы и покидает пределы Башкортостана. Юрматинцы во главе с Бурнак-бием остаются и занимают оставшуюся от ушедших кипчаков земли по правую сторону р. Агидели. Однако не все «ногаи» откочевали с Ядкар-мирзой. Их остатки, причем значительные, мы обнаруживаем в племенах герей, герей-карагай-кипчаки,

возможно, санкем- бушман- суун-кипчаки и др. Герей- и карагай-кипчаки, очевидно, теснимые новыми хозяевами (юрматинцами), занимают гористые окраины земель юрматы. Сохранился целый ряд кипчакских (герей-кипчакских) деревень. Одна из них – Калу-Айры (отставшие айры?) – как видим, сохранила в своем названии часть кипчакского этнонима, фигурировавшего в юрматинском шежере, опубликованного М. Ахмедзяновым. Некоторые остатки этих кипчаков сохранились уже в приводимых нами герей-кипчакских деревнях Оренбургской губернии.

Шежере Татигас-бия дает следующую цепочку событий: «Оставшиеся с Бурнак-бием люди назывались иштяк… И был в ту пору год девятьсот пятьдесят четвертый (954 г.х. приходился на 1547–1548 гг. от Р.Х.)… Все иштяки жили повелениями Бурнак-бия. Когда Бурнак-бий скончался, бийство поручили Татигачу»[126]. После завоевания Иваном Грозным Казани в 1552 г. через несколько лет, в 1553 – 1554 гг. (961 г.х.), Татигас-бий вместе с представителями трех родов Азнаем, Ильчектимиром и Кармышем идет посольством в Казань и принимает подданство русского царя.

На юго-западе после фактического распада конфедерации «ханства Тура-хана» во второй четверти XVI в., очевидно, оформляется новый союз племен, включивший в свой состав почти все рода долины р. Дема и отдельные рода р. Ик и правого притока Демы – Уршак. В башкирской этимологии данный башкирский союз известен как племя мин.

По раздельной записи 1671 г. оно насчитывало 11 волостей (родов). В 1735 г. их насчитывалось 12[127]. По сведениями П.И. Рычкова, в их число входили: субыминский, кыркулинский, яик-субы-минский, миркитский, уршак-минский, кули-минский, слы-минский, ногайминский, илькей-минский, сарай-минский, кубовский, ик-минский родоплеменные объединения[128]. Согласно сведениям шежере минских башкир, повествующим о принятии подданства русского царя, так же имелись 11 минских родов.

Наиболее информативным источником по образованию данного союза является предание, которое считается одним из вариантов эпоса «Идукай и Мурадым» – «Батыры Илеукай, Келяйле, Яик» (см. приложение 2). Но по своей сюжетной линии и идейной направленности данное предание занимает самостоятельную нишу. Предание записано М. Бурангуловым в 30-е гг. XX в. в д. Абеш Миякинского района

Башкортостана. В нем повествуется о войне Илеукая, Келяйле и Яика против двух биев – Дамми и Ыршак, живших на р. Дема, и установления отдельных родоплеменных объединений под предводительством победителей.

В эпосе присутствуют антропонимы: Дамми, Ыршак, Илеукай, Келяйле, Яик. Судя по большой схожести первого и второго имени с названиями рек Дема и Уршак, подтверждая правило об устойчивости в устной исторической традиции топонимов, с полной уверенностью можно говорить о том, что эти антропонимы – топонимического происхождения. По сообщению самого информатора, первое имя стало в последующем названием реки. Дамми и Ыршак присутствуют и в других (юго-восточных) вариантах эпоса. Согласно им, именно против них хочет открыть войну Идукай (и открывает). Как мы выяснили, Идукай – башкирский герой – выступал против ногайского засилья в крае. Под именами Дамми и Ыршак отразились ногайские наместники в регионе. Не исключено, что это могли быть и сами ногаи (особенно в период упадка «ханства Тура-хана»). Несомненно, в условиях свободного вассалитета, как мы убедились, границу проследить весьма сложно. В любом случае, сюжет о войне определенной части башкир с некой группировкой в центральной Башкирии в различных районах Башкирии оказался весьма популярным.

Илеукай и Келяйле определенно схожи с этнонимами минских родов иль-куль-мин, куль-иль-мин[129]. Имя Идукай здесь выступает в адаптированном варианте. В имени Яик вновь проявляется устойчивость топонимических названий по сравнению с антропонимическими. Оно однозначно указывает на р. Яик. В предании прямо или косвенно указывается на то, что батыры были с южной и восточной стороны: Яик был батыром с Яика, Илеукай – с Идели (вероятнее всего, с Агидели), Келяйле – с Урала (т.е. с востока). Более того, Келяйле начал войну с Дамми-бием с верховьев р. Демы (с юга или юго-востока). А младший сын Яика Тук в последующем собирал войско для борьбы со своими старшими братьями именно с родных земель собственного отца, где ныне находится Баймакский и Бурзянский районы РБ. То есть в предании четко прослеживается то, что военная группировка, воевавшая с ногайскими ставленниками, пришла в долину р. Демы с восточной стороны.

Также рассказчик отмечает, что до прихода этих батыров в долину р. Демы, его (минцев) предков не было. С чем же связано это

утверждение, что предание «отказалось» даже от приписывания себя к легендарным предкам. Минские рода по различным признакам имеют довольно древнюю и связанную именно с этим регионом историю. Ответ на этот вопрос очевиден, если учитывать, что данное произведение по характеру является дружинно-аристократическим преданием. В нем отразилась история правящей верхушки, знати, которая, победив Дамми и Ыршака, получила широкие (практически абсолютные) права на распределение земель. Предание описывает смену правящей верхушки региона.

Смена связывается не только с самой победой этой политической группировки над Дамми и Ыршаком, но и с последовавшим перераспределением земель: верховья Демы получил Келяйле, где он выдал земли своим батырам Сафару, Тукаханбаю, Азнаю, Биккулу, Каскыну, Каныкаю; ниже по течению реки получил земли Илеукай со своими сотниками Балгажы, Кунакас, Абеш, Янаби, Алдар, Илчегул; Яик-батыр имел право распоряжения значительной территорией по среднему и нижнему течению р. Демы, там обосновались его сыновья: Алышей, Асылай, Татлыбай, Кайын, Кармыш, Чурай, Чуракай, Идрис и Тук. Причем Тук, как младший сын, остался при своем отце.

Очевидно, в этом случаем мы можем наблюдать пример смены власти и формирование нового конфедеративного образования, где правящая верхушка, очевидно, пришла с востока.

Таким образом, так называемое «ханство Тура-хана» с мощным ядром в лице кипчакских племен, достигшее пика своего развития во второй половине XV в., к середине XVI в. уже как таковое перестало существовать. На ее территории продолжали функционировать разрозненные племена, и образовывается ряд других конфедераций, но более мелких по масштабу.

§ 4. Табынские конфедеративные объединения

Следующей значительной племенной конфедерацией является так называемое табынское объединение племен (и его вариации). Истоки формирования этого образования кочевников относятся к домонгольскому периоду. Р.Г. Кузеев формирование в недрах Дешт-и Кыпчака табынской конфедерации относит примерно к концу XII – началу XIII в. Табынцы под началом своего хана Майкы-бия подчинили и

объединили вокруг себя ряд племен. В зону табынского влияния попадают племена теле, предки кувакан-, телау-, кубаляк- и, очевидно, сырзы-табынцев, барын, образовавшие в рамках табынцев отдельный род барын-табын, племена бишул, бадрак, кумрук[130] и др. Наряду с табынцами важной составной частью табынской конфедерации были усуни. Сам Майкы-бий, как отмечает этот исследователь, был по происхождению «уйшуном», хотя генеалогия табынцев восходит к Тумену – основателю государства Тюку и включает имена из караханидской династии илек-ханов. Но уже тогда им отмечается сильное табыно-усуньское смешение в рамках ханства[131]. Личность Майкы-бия хорошо известна башкирам. О нем мы узнаем не только из многочисленных преданий (наиболее полное из них включено с состав «Дафтар-и Чингис-наме» анонимного автора), но и табынских шежере, в большинстве случаев которые восходят к Майкы-бию. Согласно преданиям и шежере, Майкы-бий «во времена Чингисхана…, живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине р. Миас; он Чингисхану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингисханом на одной повозке». Впоследствии он получает от Чингисхана страну (иль), птицу – орла-стервятника, дерево – лиственницу, оран – салават[132]. Реальный смысл предания в том, что Майкы-бий – в числе покоренных или покорившихся монголам степных владетелей, получивших от завоевателей подтверждение прежним привилегиям. В реальности существования Майкы-бия не приходится сомневаться. Он был одним из четырех военачальников, которых Чингисхан передал своему сыну Джучи. У Рашид ад-Дина он выступает под именем Байку; происходил из рода хушин и командовал правым крылом войска Джучи[133]. Согласно шежере кара-табынских башкир, записанного Гали Чокрыем, ему (Майкы-бию) выделяется улус по р. Иртыш, на берегу которой и был похоронен после смерти.

М. Иванич, изучив «Дафтар-и Чингис-наме», говорит о существовании союза 15 племен, бии которых покорились Чингисхану, при том главенствующее положение среди них занимал Майкы-бий. На основе анализа родовых имен исследователь приходит к выводу о том, «что состоящий из 15 родов союз племен показывает типичную для степи смесь тюркских и монгольских элементов»[134]. А теперь рассмотрим подробнее личности остальных беков.

Калдар-бек является исторической личностью. Согласно шежере, опубликованным М. Ахметзяновым и М. Усмановым, он перекo-

чевал в XIV в. из района Крыма и Черного моря в улус Булгар Золотой Орды. Он был потомком хана Бачман/Пачман, который в 1273 г. оказал сопротивление монгольским завоевателям в низовьях Волги. Хан Бачман принадлежал роду елберли восточных кипчаков. Часть людей из окружения Бачмана бежала на север по Волге и в конце первой половины XIII в. присоединилась к башкирам. Они непосредственно входят в контакт с кунгратами. Источники упоминают Калдар-бека среди Арских князей. В «Чингис-наме» Калдар-бек простой, незнатный человек. Он – сын Ялыпа, за которого заплатили окорок животного и подарили Аланго. В произведении ему приписывается изобретение и изготовление повозок.

Урдач-бек был прародителем племени мин. Его полное имя в «Чингис-наме» Минг Садаклы Урдач-бек, то есть Урдач-бек с тысячью колчанов. Согласно «Чингис-наме», он получил это имя потому, что был весьма богатым человеком и, когда шел в бой, брал с собой войско с тысячами стрелков из луков. По Р.Г. Кузееву, он перекочевал на север после 1358 г. из района Сырдарьи. Предположительно Урдач-бек идентичен Санаклы-хану, которого источники упоминают на Сырдарье.

В лице Кыпчак-бия, Тамьян-бия, Бурджан-бия, Кераит-бия и Джурматы-бия, по источнику, можно увидеть безличных правителей племен южно-кипчакских башкир, тамьян, бурзян, герей-кипчак и юрматы соответственно. Упоминаемый в «Чингис-наме» Буркут-бий имеет свои аналогии в других шежере. Согласно им, буркуты перекочевали в район Урала из Крыма.

Под легендарной личностью Муйтен-бия мы подразумеваем башкирское племя усерган. Тем более, что три из четырех племенных атрибута (дерево, птица, тамга), данных в «Дафтар…», совпадают с усерганскими. Под именем Тимур-Кутлу-бек соблазнительно было бы видеть золотоордынского хана Тимур-Кутлу, правившего с 1397 по 1400 год. В различных вариантах эпосов «Кусяк-бий» и «Идукай и Мурадым» Тимур-Кутлу представляется предводителем племени тангаур. И Тимур-Кутлу в «Дафтаре…» скорее связан с племенем тунгаур, чем с реальным ханом Золотой Орды.

Как показала М. Иванич, разброс в хронологическом отношении (XIII–XV вв.) и по степени реальности беков «Дафтара…» довольно велик. Появление представлений о подобном союзе следует отнести лишь к проявлениям золотоордынской эпической традиции. Оконча-

тельное же «оформление» состава беков произошло в XVII в., в период написания самого сочинения.

Судя по сведениям шежере Г. Чокрыя, второе поколение Уйшин Майкы-бия (XIV в.) со своими улусами переселяется на запад на территорию современной Челябинской области, к рекам Миасс, Чусовая, Чулыман (Кама) и к Перми[135]. Там они организовывают мощное политическое образование, объединив под своим началом ряд башкирских племен, в число которых входили племена западного происхождения кальсер, кесе, юмран. Костяком и самой крупной племенной группой остаются собственно сами табынцы, т.е. каратабынцы. В этот период, очевидно, под влияние табынцев попадает вся северо-восточная часть исторического Башкортостана, включая среднее течение р. Белой. М. Уметбаев приводит табынское предание, где говорится о том, что на Средней Белой на горе Акташ находилась ставка табынского Акташ-хана[136]. Он же сообщает о том, что Акташ являлся некогда, до генерального межевания земель, зимовками юмран- и бишул-табынцев, а за Уралом, заключает Уметбаев, «владения Акташских ханов соединялись с собственною Дешт-и Кипчакскою землею»[137]. Также в шежере юмран-табынских башкир до прихода из Астрахани Хани Углана (примерно XV в.) земли по Средней Белой принадлежали табынскому союзу 12 племен[138]. Кроме того, на это указывает название села Кабаново, что на противоположном от Акташа берегу Белой, характерное именно для табынцев.

Находясь в Западной Сибири, Майкыбиевичи играли существенную роль в Сибирском юрте. Как известно, улус Майкы-бия в XIII–XIV вв. входил в состав левого крыла Золотой Орды, улус Шейбанидов. Вопрос о взаимоотношениях потомков Майкы-бия с представителями этой династии малоразработан. Трудно сказать, что было в действительности, но в преданиях башкир-табынцев остались весьма неприятные воспоминания о былых контактах с Шейбанидами. Одно из них рассказывает, что табынские бии Асади и Шикарали бежали «на запад от Урала» в период жестокого соперничества на Иртыше и Ишиме двух ханов – Ибака и Шибака. Видимо, Асади и Шикарали сами не прочь были воспользоваться междоусобицей и захватить власть. Во всяком случае, они бежали, узнав, что Ибак, не терпевший конкуренции, приказал их убить[139]. Здесь речь идет о событиях, произошедших в период ханствования Шейбанида Ибака

(Ибрагима), пришедшего к власти при поддержке мангытов. С этими событиями связан отток части табынцев на запад.

Кроме бегства вышеупомянутых биев Асади и Шикарали к Средней Волге, нам известен уход с северо-восточных территорий исторического Башкортостана части Майкыбиевичей во главе кара-табынцев. В шежере это событие отразилось в эпической форме: один из сыновей Каратабына Ахмедшейх (или Шейх-Ахмед) был изгнан родными братьями с берегов Иртыша. Вследствие этого Ахмедшейх переселяется на запад: «Я на восток не пойду. Если я собираюсь уходить, то уйду в сторону запада, – говорит он, – потому что видим там, то есть в той стороне, и пажити и пашни бывают хороши, да и сыновья Чингисхана основали ханство и живут в своем юрте в той стороне». И тогда некоторые, на основании его слов, со своих земель, то есть с берегов Иртыша, и с мест, подобных Ирухту, решили переселиться на западную сторону»[140]. Не вызывает сомнений то, что под ханством подразумевалось Казанское ханство. Основными причинами ухода части кара-табынцев, с одной стороны, являются враждебные отношения с правящими династиями в Сибирском юрте, с другой – поступление на службу к казанскому хану. С последним Р.Г. Кузеев связывает смену самоназвания кара-табынцев на иракте, что в официальных документах ханов Казани употреблялось в значении «крепость», «укрепленное место», «кремль». Это подтверждается копией грамоты 1523 г., которая была выдана казанским ханом Сахиб-Гиреем Шейх-Ахмеду-тархану, его семи товарищам и «близким огланам». Его товарищи наделялись казанским ханом землей и «тарханским званием». Вполне очевидно, что Ахмедшейх-бий из кара-табынского (иракгинского) шежере и Шейх-Ахмед из ханской грамоты – одно и то же лицо.

Иракгинское шежере, приведенное Гали Чокрыем, представляет довольно подробную картину миграций отдельных родов табынцев: первоначально мигрировавшие Майкыбиевичи обосновались на р. Миасс, затем переселились к Перми. В конце концов Ахмедшейх со своим сыном Абдалом обосновался у рек Барда и Галич. Но в то же время другая часть табынцев мигрировала на территорию будущего Бирского уезда. Биями тех табынцев являлись Байкы-бий и Балыксы-бий. Но через некоторое время они ее покидают. Часть, спустившись по реке Каме, «добрались до реки Ик, и поднявшись вверх по Ику, обосновались на земле будущего Мензелинского уезда. (Их

называют между собой луговыми иракте)»[141]. Другая же часть переселилась на территорию будущего Бирского уезда. Там, согласно шежере, умирает Ахмедшейх.

Вполне возможно, что в этот период в низовьях р. Белой начинает формироваться новый союз племен. По шежере, после смерти Ахмедшейха его сын Абдал объезжает следующие башкирские племена: кудей, гайна, елдак, тазлар, герей, уран, кайпан. Далее, по шежере, через несколько поколений, потомка Абдал-бия Исян-хана большинство вышеупомянутых племен (кайпан, герей, тазлар, уран, байкы и балыксы) признают своим главой. Обратим внимание, что последние два этнонима выше фигурировали как антропонимы и обозначали переселившихся с Иртыша табынских биев. Не исключено, что эти племена и до переселения на Южный Урал входили в состав табынского объединения. Тем более мы видим в названии одного из племен (байкы) вариацию имени Майкы – родоначальника табынцев.

Сын Ахмедшейха Абдал обосновался на р. Ик в устье р. Милля. Но мы не должны ограничивать иракгинцами присутствие представителей табынского объединения на северо-западе исторического Башкортостана. Выше уже говорилось о западно-табынских ханах центрального Башкортостана как о выходцах из Астрахани. Примечательно, у кряшен района верхнего течения бассейна р. Меша (Лаишевский и Мамадышский уезды Казанской губернии) сохранились предания относительно нескольких деревень этого региона. Некоторые их селения считаются основанными выходцами из «Астрахани»[142]. Д.М. Исхаков это переселение из Астрахани объясняет двояко: тут речь идет или о расселении из с. Астрахани Лаишевского уезда, или же города Астрахани. В любом случае упоминание в легендах Астрахани и наличие такого топонима в Лаишевском уезде заслуживает внимания. Тем более, что в памяти жителей с. Карбаян из этого уезда, возводящих своих предков к выходцам «из Астрахани», сохранились сведения об одном из их родоначальников – Исхаке, бывшем «княжеского рода» и при взятии Казани «командовавшем наездниками-казаками»[143]. В другом шежере западных табынцев также фигурирует имя «Исхак-бий» как одного из родоначальников западных табынцев и говорится о том, что часть племени табын «переселилась в Казанское ханство». При этом указывается и территория проживания потомков этих переселенцев – «Мамадышский уезд»[144]. В данном случае видно, что табынцы проникли в бассейн

р. Мешы. Кроме того, из шежере тех же табынцев явствует, что для них был характерен антропоним «Кабан»[145]. Между тем для топонимии Казанского уезда в XVI в. характерно присутствие сел, включающих в свое название это имя: Карачей-Кабан, Селик-Кабан и Кечей-Кабан, которые в XVI–XVII вв., между прочим, относились к Ногайской дороге данного уезда[146].

Следует сказать, что есть некоторые свидетельства шежере, указывающие на более широкое распространение ирактинской аристократии. Так, в шежере сарайлы-минских башкир они локализованы в первой половине XVII в. напротив г. Елабуги на левобережье Камы по соседству с байларцами[147]. В генеалогической росписи фигурирует Шейх-Ахмед, получивший известный уже нам тарханный ярлык от Сахиб-Гирея в 1523 г., также указаны его сыновья Абдал, знакомый по ирактинским шежере, и Абу-Газар[148]. Кроме того, в бассейне р. Мешы находилось в начале XVII в. селение Саралы (Саралай Балги). По мнению Е.И. Чернышева, данный населенный пункт, относившийся к Ногайской дороге, возник в период Казанского ханства[149].

К сожалению, нам довольно слабо известна история восточных табынцев. Очевидно, взаимоотношения табынцев на востоке с правящими династиями Сибирского юрта нельзя назвать ровными. Это мы можем сказать и по отношению к Тайбугидам, пришельцам из Средней Азии. В одном из преданий говорится о прибытии в 930 г. 366 проповедников в Иштякский юрт, под которым, очевидно, надо подразумевать какой-то башкирский удел/улус[150].

Таким образом, вместе с весьма скудной информацией о судьбе Майкыбиевичей на востоке Башкирии в этот период, благодаря шежере Г. Чокрыя, можно примерно восстановить историю представителей этой династии и созданных ими политических объединений на более западных территориях. Сформировавшись и усилившись на востоке, табынцы частями мигрируют на запад. Часть из них идет на службу к казанскому хану, часть – создает на севере Башкортостана собственное государственно-политические объединение.

---

[1] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – Алма-Ата., 2002. – С. 256.

[2] *Башкорт* теленең һүзлеге. Яуаплы редактор З.Ғ. Ураксин. – Уфа, 1993. – С. 786.

[3] *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. – М., 1976. – С. 218.

[4] *Башкорт* халыҡ ижады. VII т. – Өфө, 2004. – 161–162 б.

[5] Там же. – С. 239–240.

[6] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – Уфа, 1974. – С. 253.

[7] *Он же.* Очерки исторической этнографии башкир. – Уфа, 1957. – С. 74–77.

[8] *Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф.* Башкиры: этническая история и традиционная культура. – Уфа, 2002. – С. 171.

[9] *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. – Уфа. 1960. – С. 194.

[10] *Иванич М.* «Дафтар-и Чингис-наме» как исторический источник по истории кочевых обществ // Источниковедение историии Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С. 321–322.

[11] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. – Харьков, 1956. – С. 130–131.

[12] *Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М. и др.* Указ. соч. – С. 172.

[13] Там же. – С. 173.

[14] *Иванич М.* Указ. соч. – С. 321.

[15] Там же. – С. 322.

[16] БХИ. VII т. – С. 161.

[17] *Иванич М.* Указ. соч. – С. 324.

[18] *Башкирское* народное творчество. Т. 10. – Уфа, 1999. – С. 59.

[19] *Крадин Н.Н.* Кочевники: мир империи и социальная эволюция // Альманах Восток. 2005. – № 11/12 (35/36). – С. 331–332.

[20] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – Уфа, 1994. – С. 118.

[21] *Джуманалиев Т.Д.* Конфедеративный тип политической власти у кочевников Притяньшанья. VII – сер. X вв. // Sosyal Bilimler Dergisi Saiy. – 2006. –15. – С. 76.

[22] *Мажитов Н.А.* К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 112.

[23] *Хазанов А.М.* Указ. соч. – С. 256.

[24] *Крадин Н.Н.* Указ. соч. – С. 321–322.

[25] Там же. – С. 61, 63.

[26] *Ерофеева И.* Формирвание политической элиты Казахстана. Исторический аспект // http://iicas.org/articles/library/libr_rus_11_10_00kz.htm

[27] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 134. Л. 45.

[28] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – Уфа, 1974. – С. 220.

[29] *Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М. и др.* Указ. соч. – С. 174.

[30] *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. – Уфа, 1957. – С. 83.

[31] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. – С. 9.

[32] *Золотая Орда* в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения / Сост., ввод. ст. и комм. Р.П. Храпачевский. – М., 2003.

[33] *Акманов И.Г.* Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. – Уфа, 1981. – С. 43.

[34] БХИ. VII т. – 242 б.

[35] *Ерофеева И.* Указ. соч.

[36] Донесение И. Неплюева об убийстве хана Абулхаира султаном Бараком. 1748 г. – Сб. 1. – С. 393.

[37] *Марков Г.Е.* Указ. соч. – С. 83.

[38] *Салихов А.* Онотолган тарих биттаре. – Уфа, 2003. – С. 63.

[39] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51.

[40] *История* Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2 / Ред. С.Г. Аганджанов и др. – Алма-Ата, 1979. – С. 145.

[41] *История* Башкортостана с древнейших времен до 60 гг. XVI в. / Под ред А.Н. Усманова. – Уфа, 1991. – С. 123.

[42] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – С. 120.

[43] *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. – Казань, 2002. – С. 173.

[44] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 124–125.

[45] *Ильясов Б.С.* Куртугуры, турбаслинцы, башкурты – возможна ли связь? // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. – Уфа, 2004. – С. 161.

[46] А.Х. Халиков склонен видеть этноним баранджар и в записях Макдиси, где говорится, что «четыре родственных между собой племени тюрок – **баджна**, баджнак, баджгурд и нукарда – совершают набеги на земли славян» (выделено нами) (*Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978. – С. 57). Но термин «баджна» одинаково схож как с «барач / баранджар», так и с «бурджан», что также могло иметь место.

[47] *Халиков А.Х.* Указ. соч. – С. 57

[48] Там же. С. 57; *Исхаков Д.* Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. // www.tataroved.ru /publication/almet/7/5/

[49] Выше мы разобрались, что сюжет захвата Булгара относится к 30-м гг. XIII в.

[50] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа... – С. 118–119.

[51] *Исхаков Д.* Указ.соч.

[52] БНТ. Т. 10. – С. 342–343.

[53] Там же; *Усманов М.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань. 1972. – С. 115.

[54] Там же. – С.115.

[55] *Башкирские* родословные. Вып. 1. Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. – Уфа, 2002. – С. 67.

[56] *Ахматжанов М.* Юрматы шажарасе // Идел. – 1993. – № 1. – С. 49.

[57] *Кокорина Н.А.* Указ. соч. – С. 28.

[58] Там же. – С. 26

[59] Там же. – С. 175.

[60] *Исхаков Д.М.* Указ. соч.

[61] БХИ. VII т. – 159 б.

[62] БХИ. VII т. – 172 б.

[63] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 319.

[64] Там же. – С. 319.

[65] *Ахматжанов М.* Указ. соч. – С. 49.

[66] *Исхаков Д.* Указ. соч.

[67] *Башкирские* родословные. – Уфа, 2002. – С. 67.

[68] *Ахматжанов М.* Указ. соч. – С. 49.

[69] *Исхаков Д.* Указ. соч.

[70] БХИ. VII т. – 242 б.

[71] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 324–325.

[72] *Башкорт* әзәбиәте тарихы. Урта быуаттар осоро. Т. 1. Гл. ред. Г.Б. Хусаинов. – Уфа, 1990. – 86 б.

[73] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 326.

[74] *Башкорт* әзәбиате тарихы… – 86 б.

[75] *Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: Сборник статей. – Ижевск.1992. – С. 25–27; *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – Уфа, 1994. – С. 144; *Антонов Н.* Башкортостан и башкиры // http://kraeved. opek.org/biblioteka/bashkortostan/bashkiry i bashkortostan/pdf/

[76] *Кинзикеев У.* Родословное наследие вотчинных башкир Кинзикеевых // Ватандаш. – 2007. – № 7. – С. 190.

[77] *Кокорина Н.А.* Указ. соч. – С. 48.

[78] *Исхаков Д.* Указ. соч.

[79] *История* Татарии в материалах и документах / Сост. Н.К. Гаврилкин. – М., 1938. – С. 123.

[80] *Соколов Д.* Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IV. – Оренбург, 1898. – С. 63.

[81] *Башкирские* родословные. – С. 134.

[82] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 177 – 184.

[83] Там же. – С. 180 – 181.

[84] Там же. – С. 184.

[85] БХИ. VII т. – 243 б.

[86] Там же. – С. 170.

[87] *Башкирские* шежере / Под ред. Кузеева Р.Г. – С. 115.

[88] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 134. Л. 33.

[89] БХИ. IV т. – Өфө, 1999. – С. 304.

[90] *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1980. – С. 131.

[91] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. – С. 319.

[92] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии. XV – XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнографии Башкортостана. – Уфа, 1997. – С. 12.

[93] *Волков Д.С.* Материалы по истории г. Уфы. – Т. 1. Л. 2. об, 3.

[94] *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии: древние здания, городища, ногайские валы, курганы // Памятная книжка Уфимской губернии / Под. ред. Н.А. Гурвича. Ч. II. – Уфа, 1873. – С. 170–171.

[95] *Гурвич Н.А.* Описание г. Уфы // Справочная книжка Уфимской Губернии. Отд. IV. – Уфа, 1883 – С. 8–9.

[96] БХИ. VII т. – 170 б.

[97] *Башкирские* родословные. – Уфа: Китап, 2002. – С. 53.

[98] *Исхаков Д.М.* Юго-восток Татарстана...

[99] *Рычков П.И.* История Оренбуржья. – Уфа, 2002. – С. 264.

[100] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Уфа, 2001. – С. 268.

[101] *Абсалямова Ю.* Кыпчакский фактор в формировании башкир Оренбуржья // Этногенез башкирского народа. – Уфа, 2006. – С. 62.

[102] БХИ. IV т. – 304 б.

[103] *Зарипов Н.Т.* Исторические сказания. – Уфа, 2005. – С . 27; *Хусаинов Г.Б.* Идукай Амир // Ватандаш. – 2006. – № 6. – С. 57.

[104] *Самойлович А.Н.* Вариант сказания о Едигее и Токтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник. – М., 1976. – С. 187.

[105] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии. – С. 12.

[106] *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. – С. 236.

[107] *Сафаргалеев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... – М., 1996. – С. 405.

[108] *Валеев Д.Ж.* Очерки истории общественной мысли Башкортостана. – Уфа, 1995. – С. 37.

[109] БХИ. VIII т. – Өфө, 2006. – 390 б.

[110] БНТ. Т. 10. – С. 45

[111] Там же. – С. 149.

[112] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 134. Л. 45.

[113] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – С. 270–274.

[114] *Башкирские* родословные / Сост. Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов... – С. 212.

[115] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Л. 2.

[116] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 235–236.

[117] Там же. – С. 236.

[118] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. – С. 171.

[119] БНТ. Т. 10. – С. 55.

[120] БХИ. Т. VII. – С. 242 – 243.

[121] БНТ. Т. 10. – С. 59.

[122] Там же. – С. 54.

[123] Там же. – С. 62.

[124] Там же. – С. 62 – 63.

[125] *Башкирские* родословные... – С. 55–56.

[126] Там же. – С. 56.

[127] *Усманов А.Н.* Указ. соч. – С. 130.

[128] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии... – С. 76.

[129] *Асылгужин Р.Р., Хибатуллина Л.А.* Демские (минские) башкиры: этническая история, культура и численность – Уфа, 2006. – С. 34.

[130] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 265–270, 274.

[131] Там же. – С. 264–265.

[132] *Башкирские* шежере / Под ред. Р.Г. Кузеева – С. 156, 164, 165.

[133] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Ч. I/2. – Л., 1952. – С. 274; Ч. II. – Л., 1960. – С. 76.

[134] *Иванич М.* Указ. соч. – С. 323.

[135] *Гали Сокорой.* Шам якты̆ны. – Өфө, 1995. – 50 б.

[136] *Уметбаев М.* Ядкар. – Казан, 1897. – 43 б.

[137] НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об, 5.

[138] *Башкирские* родословные... – Уфа, 2002. – С. 218.

[139] *Уметбаев М.* Указ. соч. – С. 51–53.

[140] *Башкирские* родословные... – С. 372.

[141] *Гали Сокорой.* Шам якты̆ны. – Уфа, 1995. – С. 52.

[142] *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 25.

[143] *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань, 1993. – С. 126–127.

[144] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. – С. 271.

[145] *Назероголов М.Г.* Кара-табын ырыу шежәһе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). – Уфа, 1985. – С. 82.

[146] Список с писцовых книг по г. Казани с уездом издан Советом Казанской Духовной академии к IV Высочайше разрешенному археологическому съезду в Казани. – Казань, 1877. – С. 67.

[147] *Исхаков Д.М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. – Казань, 1985. – С. 37–38, 40, 43.

[148] *Башкирские* родословные... – С. 255.

[149] *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 276.

[150] *Дмитриева В.Д.* Опись тюркских рукописей. – Л., 1974. – С. 40 – 41; *Катанов Н.* О религиозных войнах учеников шейха Багаудцина против иноверцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIV. – Тобольск, 1905. – С. 20–23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся в золотоордынский период государственно-административная система на обширной территории заложила основы на установление качественно новых идеологических и политико-правовых норм. Ключевым является период распада улуса Джучи. В этот период на территории исторического Башкортостана складывается особая форма вассально-сеньориальных отношений между башкирской аристократией и правящими домами джучидских государственных образований.

Знаменательным для Башкирии было время правления Токтамыша и его преемников. Это сыграло важную роль в ее истории. В период правления тука-тимуридов у башкир фактически формируется социально-правовая основа общества. В первую очередь она заключалась в урегулировании поземельных отношений. Во-вторых, распределение каких-либо налоговых льгот – так называемое тарханство. Раздача тарханных ярлыков, которое некогда было исключительной прерогативой духовенства, в конце XIV в. становится вполне светским явлением. Естественно, на этой плоскости формировались основные принципы вассально-сеньориальных отношений (не в классическом понимании для феодального общества, а со своими специфическими чертами). В течение XIII–XIV вв. постепенно на Южном Урале – в периферийной зоне империи – оформляется довольно специфичная социально-правовая система. Местное население, к тому времени состоявшее из местного древнебашкирского субстрата, пришлых кочевников, кипчаков и табынцев, на единой политико-правовой основе оформляется в единое этнополитическое образование.

Эти нормы взаимоотношений между башкирами и династией тука-тимуридов окончательно приобретают свою форму в эпоху существо-

вания Казанского ханства, которая, будучи одним из наследников империи Токтамыша, включала в свой состав основную территорию исторического Башкортостана. С ослаблением центральной власти в государстве (в конце XV – начале XVI в.) зона непосредственной юрисдикции ханов сокращается до северных и северо-западных территорий Башкирии. Несмотря на то, что уже с XV в. политическая система джучидов начала испытывать кризис, сложившиеся социально-правовые нормы имели достаточно устойчивый характер.

Именно это стало основным препятствием для вхождения башкир в государственно-административную систему Ногайской Орды в конце XV–XVI вв. В первой половине XVI в. они стали главной причиной для возникновения противоречий с ногайской аристократией. Невозможность решения мангытами в первую очередь поземельных отношений в Башкирии (более того, их нарушение) приводило к конфронтации с местным населением. Как следствие, в период оформления ногайской кочевой державы значительная часть исторического Башкортостана, входившая в состав этого образования, выделилась в отдельное наместничество и не вошла в традиционную для кочевой державы улусно-крыльевую систему. Окончательное оформление Ногайской Башкирии происходит в период 20–30-х гг. XVI в., когда ногаи отвоевывают у казахов Волго-Эмбинское пространство и наместником в Башкирии становится Хакк-Назар. Именно его попытки установить традиционные для земледельческих районов социально-политические нормы отношений между правителем и подданными вызвали недовольство у местной башкирской аристократии.

В 40-е гг. XVI в. в связи с усилением Московского государства на территории бывшего Улуса Джучи кардинально изменяется политическая ситуация. В Казани уже с 20-х гг. находятся полновластные ставленники Москвы. В 40-с гг. казанцы уже были не в состоянии выставить и поддержать собственного легитимного правителя. Осенью 1552 г. ослабевшая и децентрализованная Казань была захвачена Иваном Грозным. В Ногайской Орде в это время разразилась междоусобная война между князем Юсуфом и промосковски ориентированным Исмаилом-мирзой. Башкиры, ослабленные ногаями, голодом и природными катаклизмами, с одной стороны, и отсутствием легитимной власти в Казанском ханстве – с другой, начинают принимать подданство нового владетеля казанского трона. В первую очередь начавшийся процесс присоединения башкирских улусов к Москов-

скому государству заключался в переоформлении вотчинных прав и властных полномочий на свои земли. Вчерашние «тарханы» и вотчинники Золотой Орды и Казанского ханства практически без изменений правового и социального статуса начинают входить с состав качественно нового для башкир государственного образования.

В период междоусобных войн в Золотой Орде, приведших к ослаблению центральной власти, в отдельных частях империи возобладали центробежные тенденции. Это приводит к образованию в периферийных районах империи так называемых кочевых конфедераций (по классификации А.М. Хазанова) или союзов племен (по определению Р.Г. Кузеева). Для политической структуры башкирского общества в постордынский период характерно существование различных по силе и типу организации власти и довольно автономных друг от друга организаций. По сути своей башкирские конфедерации представляли собой объединение нескольких родоплеменных организаций с центральной властью. В силу хозяйственной и социально-экономической специфики власть не могла опираться на легитимный аппарат подавления, даже если объединение произошло насильственным путем. В этом случае основными функциями органа управления (хан, улуг-бий, совет старейшин) выступали решения, связанные с войной (сформирование и организация войска, совместная оборона или нападение), урегулирование межплеменных распрей, в некоторых случаях распределение пастбищ и регулирование торговли.

Одной из наиболее крупных и политически активных образований является конфедеративное образование «ханство Тура-хана». Истоки формирования политического ядра образования восходят ко второй половине XIV в. – периоду ослабления центральной власти в Золотой Орде. Хотя еще в домонгольский период сосуществовали племена древнебашкирского (булгарского – «бараж»: юрматы, юрми, буляр, еней, и др) и кипчакского (калтак/калбак) происхождения, объединенные в один политический союз. В рассматриваемый период роль объединителей взяли на себя пришлые племена кунграт-керейского происхождения. Практически слившись с домонгольским кипчакским субстратом, образовали башкирские племена гереев, герей-кипчаков, карагай-кипчаков и др. Они вместе с племенами юрматы, юрми, кальсер, юмран и другими образовали этнополитический симбиоз. Первоначально конфедерация находилась на территории Западной Башкирии: районы Биляра, прибилярья, Зай-Шешминское междуре-

чье. В период активных междоусобных войн конфедерация мигрировала в более восточные территории, нижнего и далее среднего течения р. Белой. В Центральной Башкирии объединение во главе с племенами кипчакского происхождения начало играть ведущую политическую роль в регионе. Под контролем правителей оказались большие территории центрального и всего южного Башкортостана. В течение всего XV в. эта конфедерация являлась гегемоном на Южном Урале.

С завоеванием ногаев и установлением их власти регионе политическая роль конфедерации падает, хотя все еще сохраняет свое ядро из племен, объединившихся еще в XIV в. исторического Башкортостана. Центр смещается южнее и становится проногайским. После взятия Казани, последовавших междоусобиц, экологических катаклизмов политическое ядро конфедерации распадается.

Так, на северо-восточных территориях Башкортостана нам известны ханы – потомки жившего в XIII в. Майкы, одного из четырех военачальников, которых Чингис передал своему сыну Джучи. Майкы командовал правым крылом войска Джучи. Ему выделяется улус по р. Иртыш, на берегу которой и был похоронен после смерти. Судя по сведениям шежере, второе поколение Уйшин Майкы-бия (XIV в.) со своими улусами переселяется на запад на территорию современной Челябинской области, к рекам Миасс, Чусовая, Чулыман (Кама) и к Перми. Там они организовывают мощное государственно-политическое образование, объединив под своим началом ряд башкирских племен. В XV в. потомки Майкы-бия стояли во главе табынского объединения и входили в число знати Сибирского юрта, активно участвуя в политической жизни Западной Сибири и Южного Урала.

Примерно во второй половине XV в. часть Майкыбиевичей во главе кара-табынцев переселяется на запад, где образовывает новое политическое объединение и подчиняет башкирские племена кайпан, герей, оран, тазлар, байкы и балыксы. Небольшая часть кара-табынской знати переходит на службу к казанскому хану и обосновывается на приикских территориях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

1. НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1.
2. НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1.
3. НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5.
4. НА УНЦ РАН. Ф. 3. Он. 3.
5. РГАДА. Ф.127. Оп. 1.
6. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25.
7. ЦГИА РФ. Ф. 1350. Оп. 56.

Опубликованные источники

8. **Абул-Гази.** Родословное туркмен. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. А.Н. Кононов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 312 с.

9. **Английские** путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ Ю. В. Готье. – Л., 1937.

10. **Башкирские** родословные. Вып. 1. Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. – Уфа: Китап, 2002.

11. **Башкирские** шежере. Сост., перевод, введ., ком. Р.Г. Кузеева. – Уфа: Башкнигиздат, 1960. – 304 с.

12. **Духовные** и договорные грамоты великих и удельных князей. 1909.

13. **Золотая** Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сост., комм., ввод. ст.: Р.П. Храпачевский. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. – 448 с.

14. **Из глубины** столетий. Сост., вступ. статьи и комм. Б.Л. Хамидуллина. – Казань: Таткнигиздат, 2000. – 271 с.

15. **История** Татарии в материалах и документах. Сост. Н.К. Гаврилкин. – М., 1938. – 503 с.

16. **Посольские** книги по взаимоотношениям России с Ногайской Ордой: 1489-1508. Под. Ред. Н.М. Рогожина. – Махачкала: Дагкнигоздат, 1984. – 360 с.

17. **Полное** собрание русских летописей. Т. XII. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 272 с.

18. **Полное** собрание русских летописей. Т. XIII. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 544.

19. **Полное** собрание русских летописей. Т. XVIII. – СПб., 1913.

20. **Путешествие** в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алма-Ата: Гылым, 1993. – 248 с.

21. **Список** с писцовых книг по г. Казани с уездом, издан Советом Казанской Духовной академии к IV Высочайше разрешенному археологическому съезду в Казани. – Казань, 1877.

22. **Тарих-и Абу-л-хайр-хани** // Материалы по истории казахских ханств XV–XVII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969.

23. **Утемиш-Хаджи.** Чингис-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исследов. В.П. Юдина; коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 296 с.

24. **Эвлия Челеби.** Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков. Предисл. А.П. Григорьева. Прим. и коммент. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. – М., 1979. – 288 с.

25. **Башкирское** народное творчество. Т. 10. – Уфа: Китап,1999. – 392 с.

26. **Башҡорт** халыҡ ижады VII т. – Өфө: Китап, 2004. – 624 б.

27. **Башҡорт** халыҡ ижады VIII т. – Өфө: Китап, 2006. – 492 б.

28. **Башҡорт** әҙәбиәте тарихы. Урта быуаттар осоро. Т. I. Баш. мөх. Ғ.Б. Хөсәйенов. – Өфө: Китап, 1990. – 432 б.

29. **Башҡорт** халыҡ ижады. Риүәйеттар, легендалар. – Өфө: Китап, 1997. – 440 б.

30. **Башҡорт** халыҡ ижады. IV т. – Өфө: Китап, 1999. – 371 б.

Литература

31. **Адамов А.А.** Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск, 2000.

32. **Азнабаев Б.А.** Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 230 с.

33. **Абсалямова Ю.** Кыпчакский фактор в формировании башкир Оренбуржья // Этногенез башкирского народа. – Уфа, 2006 – С. 34–35.

34. **Акманов И.Г.** Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. – Уфа, 1981.

35. **Алпысбес М.** Шежере как идеологический институт традиционного общества // www.ia-centr.ru (http://www.ia-centr.ru/comments.php?id=287).

36. **Амиантов Ю.Н.** Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 46–59.

37. **Аннинский С.А.** Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – М.; Л., 1940.

38. **Антонов И.** Башкиры и Башкортостан в письменных источниках XIII–XIV вв. // http://kraeved.opck.org/biblioteka/bashkortostan/bashkiry_i_bashkortostan/bashkiry_i_bashkortostan.pdf

39. **Асфандияров А.З.** Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006. – 504 с.: ил.

40. **Асфандияров А.З.** Башкирские тарханы. – Уфа: Китап, 2006. – 160 с.

41. **Асылгужин Р.Р., Хибатуллина Л.А.** Демские (минские) башкиры: этническая история, культура и численность Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2006. – С. 34.

42. **Ахматжанов М.** Мәдәни мирасыбыз сакчасы // Татарстан. – 1997. – № 5. – 38 б.

43. **Ахматжанов М.** Юрматы шажарасе // Идель. – 1993. – № 1. – 48–49 б.

44. **Бартольд В.В.** Отец Едигея // Сочинения. – М.,1963. Т. 2. Ч. 1. – С. 798–799.

45. **Бартольд В.В.** Сочинения. – М.,1996. Т. 5.

46. **Бромлей Ю.В.** Очерки по этнографии. – М.: Наука, 1972.

47. **Буданова В.П.** Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Социальная идентичность средневекового человека. Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. – М.: Наука, 2007. – С. 302–308.

48. **Буканова Р.Г.** Башкиры и Золотая Орда // Ватандаш. – 2001. № 2. – С. 123–124.

49. **Буканова Р.Г., Фешкин В.Н.** Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. – Уфа: Китап, 2007. – С. 228–258.

50. **Валиди Туган А.** Башкортлар тарихы. – Өфө: Китап, 2005. – 304 б.

51. **Васильев Б.А.** Проблема буртасов // Труды института этнографии АН СССР. Т. 13. – М., 1960.

52. **Васильев Б.А.** Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа: Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Т. 63. – М., 1960.

53. **Васюткин С.М.** К этнической истории Южного Приуралья в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1992.

54. **Вельяминов-Зернов В.В.** Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. IV. – Спб., 1859. – С. 262–279.

55. **Галлямов Р.Ф.** После падения Казани… – Казань: Таткнигиздат, 2001. – 143 с.

56. **Гарипова Ф.Г.** Некоторые источники для раскрытия ногайского (кипчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии. Ред. М.К. Мухарямов и др. – Казань, 1980. – С. 136–149.

57. **Гарустович Г.Н., Иванов В.А.** Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск, 1992. – С. 25–27.

58. **Галяутдинов И.Г.** Два века башкирской литературы. – Уфа: Китап, 2005.

59. **Гурвич Н.А.** Описание г. Уфы // Справочная книжка Уфимской Губернии. Отд. IV. – Уфа, 1883.

60. **Гумилев Л.Н.** Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989. – 762 с.

61. **Гумилев Л.Г.** Этногенез и биосфера земли. – М., 1997.

62. **Джуманалиев Т.Д.** Конфедеративный тип политической власти у кочевников Притяньшанья VII – сер. X в. // Sosyal Bilimler Dergisi Saiy: 15. 2006.

63. **Димитриев В.Д.** Чувашия в эпоху феодализма: XVI в. – начало XIX в. – Чебоксары, 1986.

64. **Дмитриева В.Д.** Опись тюркских рукописей. – Л., 1974.

65. **Егоров В.Л.** Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 246 с.

66. **Жирмунский В.М.** П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1973. – С 138–154.

67. **Зайцев И.В.** Астраханское ханство. – М.: Восточная литература, 2004. – 303 с.

68. **Зайцев И.В.** Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). – М.: Рудомино, 2004. – 216 с.

69. **Зарипов Н.Т.** Исторические сказания. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – 66 с.

70. **Иванич М.** «Дафтар-и Чингис-наме» как исторический источник // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань: Изд-во АН РТ, 2002. – С. 314–327.

71. **Исхаков Д.М.** Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань, 1993. – 173 с.

72. **Исхаков Д.М.** Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. – Казань, 1985. – С. 36–65.

73. **Чернышев Е.И.** Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971.

74. **Марков Г.Е.** Кочевники Азии. – М.: Изд-во МГУ, 1976.

75. **Ерофеева И.** Формирование политической элиты Казахстана. Исторический аспект // http://iicas.org/articles/library/libr_rus_11_10_00kz.htm.

76. **История** Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XVI в. Под ред. А.Н. Усманова. – Уфа: Китап, 1991. – 349 с.

77. **Зарипов Н.Т.** Исторические сказания (вступ. ст.) // БНТ. Т.10. – Уфа, 1999. – 14 с.

78. **Измаилов И.Л.** Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002. – С. 244–262.

79. **Исхаков Д.М., Измаилов И.Л.** Этнополитическая история татар в IV – первой четверти XV в. – Казань, 2000. – 287 с.

80. **Инан А.** «Дастан-ы насел-и Чингис хан» китабы хакында // Агидель. – № 4. – 1996. – С. 152–158.

81. **Иванов П.И.** О знаках, заменявших подписи древней России // Известия императорского Русского археологического общества. Т. 2. – СПб., 1861.

82. **Игнатьев Р.Г.** Памятники доисторических древностей Уфимской губернии: древние здания, городища, ногайские валы, курганы // Памятная книжка Уфимской губернии / Под. ред. Н.А. Гурвича. Ч. II. – Уфа, 1873.

83. **Ильясов Б.С.** Куртугуры, турбаслинцы, башкурты – возможна ли связь? // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 155–168.

84. **Исин А.И.** Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI в. // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. – Алма-Ата, 1985. – С. 37–49.

85. **Исин А.И.** Новые источники по истории Казахстана первой четверти XVI в. // Изв. АН Казахской ССР. Сер. Обществ. наук. – 1985. – № 3. – С. 45–49

86. **История** Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т.2. Ред. С.Г. Аганджанов и др. – Алма-Ата, 1979. – 424 с.

87. **История** Сибири с древнейших времен. Т. 1. – Л., 1968.

88. **Исхаков Д.М.** Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство, актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С. 141–148.

89. **Исхаков Д.М.** От татар средневековья к татарам нового времени. – Казань: Мастер Лайн, 1998. – 276 с.

90. **Исхаков Д.М.** Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVIII вв. // www.tataroved.ru / pudlication/almet/7/5/

91. **Камалов А.** Ете юл сатындагы ауыл // Ватандаш. – 2001. – № 4.

92. **Катанов Н.Ф., Покровский И.М.** Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве// Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 21. Вып. 4. – Казань, 1905. – С. 303–348.

93. **Катанов Н.Ф.** О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. XIV. – Тобольск, 1905. – С. 18–28.

94. **Кизилов Ю.А.** Земли и народы России в XIII–XV вв. – М.: Высшая школа, 1984.

95. **Кинзикеев У.** Родословное наследие вотчинных башкир Кинзикеевых // Ватандаш. – 2007. – № 7.

96. **Клим Л.** Поволжские финно-угры в письменных источниках I– II тыс. н.э. // Советское финно-угороведение. –1989. – № 1.

97. **Кокорина Н.А.** Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. – Казань, 2002. – 383 с.

98. **Крадин Н.Н.** Кочевники: мир империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации: Колл. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. – М.: Логос, 2000. – С. 315–335.

99. **Ковалевский А.П.** Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. – Харьков, 1956.

100. **Кузеев Р.Г.** Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. – Уфа: Башкнигоздат, 1957. – 184 с.

101. **Кузеев Р.Г.** Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Китап, 1979. – 264 с.

102. **Кузеев Р.Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. – М: Наука, 1992. – 347 с.

103. **Кузеев Р.Г.** Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974. – 571 с.

104. **Мажитов Н.А.** К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 110–132.

105. **Мажитов Н.А., Султанова А.Н.** История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.

106. **Маслюженко Д.Н.** Генеалогия кочевых обществ как способ преодоления кризисных ситуаций // http://mmj.ru/medieva_history.html.

107. **Материалы** по истории Башкирии. Ч. 1. – М.; Л., 1936.

108. **Миллер Г.Ф.** Описание Сибирского царства. – СПб, 1787.

109. **Муканов М.С.** Из исторического прошлого: родословная племен керей и уак. – Алма-Ата, 1998. – С. 56.

110. **Надергулов М.Х.** Историко-функциональные жанры башкирской литературы. – Уфа: Китап, 2002.

111. **Пекарский П.П.** Известия времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавшихся в татарских могилах в Сибири // Известия императорского археологического общества. Т. V. Вып. 4. – С. 256–259.

112. **Пекарский П.П.** Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. – Спб., 1887. – С. 3–36.

113. **Попов В.А.** Родство как принцип организации нетрадиционных социальных институтов // IV Конгресс этнографов и антропологов России. 29 июня – 3 августа, 2006. – Спб., 2006. – С. 130–135.

114. **Пропп В.Я.** Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – 324 с.

115. **Псянчин А.В.** Башкортостан на старых картах. – Уфа: Гилем, 2001. – 261 с.

116. **Путилов Б.Н.** Фольклор и народная культура. – Спб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 464 с.

117. **Путилов Б.Н.** Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Л.: Наука, 1976. – 242 с.

118. **Путилов Б.Н.** Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 320 с.

119. **Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. Ч. I/2. –Л., 1952.; Ч. II. – Л., 1960.

120. **Рудаков В.Г.** К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 122. – М., 2000.

121. **Рычков П.И.** История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа: РИО РУНМЦ ГН РБ, 2001. – 295 с.

122. **Рычков П.И.** Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – 312 с.

123. **Самойлович А.Н.** Вариант сказания о Едигее и Токтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник. – М.: Восточная литература, 1974.

124. **Сафаргалеев М.Г.** К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды НИИ ЯЛИЭ при Сов. Министров Мордовской АССР. Вып. 24. Серия историческая. – Саранск, 1963. – С. 64–79.

125. **Сафаргалеев М.Г.** Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций… – М.: Инсан, 1996. – С. 280–526.

126. **Соколов Д.** Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой комиссии. Вып. IV. – Оренбург, 1898. – С. 45–65.

127. **Степанов Р.Н.** К вопросу о служилых и ясашных татарах // Сборник аспирантских работ: Право, история, филология. – Казань, 1964. – С. 52–70.

128. **Султанов Т.Н.** Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.

129. **Татары**. Под ред. Д.М. Исхакова. – М.: Наука, 2001. – 583 с.

130. **Татищев В.Н.** История Российская. Т. VII. – Л.: Наука, 1968.

131. **Татищев В.Н.** История Российская. Т. I. Т. IV. – М.; Л.: Наука, 1962.

132. **Трепавлов В.В.** Государственный строй Монгольской империи в XIII в. Проблема исторической преемственности. – М.: Восточная литература, 1994. – 163 с.

133. **Трепавлов В.В.** Некоторые проблемы политической истории Башкортостана ногайского периода // Башкортостан в XVI–XVIII вв.: Тезисы докладов научной конференции. – Уфа, 1996. – С. 3–6.

134. **Трепавлов В.В.** История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2002. – 752 с.

135. **Трепавлов В.В.** Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. – Уфа, 1997. – 72 с.

136. **Трепавлов В.В.** «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России. XV–XVII вв. – М.: Восточная литература, 2007. – 255 с.

137. **Уксенбай К.З.** Политическая деятельность Урус-хана и его место в истории казахской государственности // Отан тарихы. – 2006. – № 1. – С. 89–95.

138. **Усманов А.Н.** Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа: Башкнигоздат, 1982. – 336 с.

139. **Усманов А.Н.** Татарские исторические источники XV – XVII вв. – Казань, 1972. – 223 с.

140. **Усманов М.А.** Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1978. – 318 с.

141. **Федоров-Давыдов Г.А.** Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – 180 с.

142. **Хазанов А.М.** Кочевники и внешний мир. – Алма-Аты: Дайк-Пресс, 2002.

143. **Халиков А.Х.** Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Таткнигоздат, 1978. – 234 с.

144. **Хамидуллин Б.Л.** Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Таткнигоздат, 2002. – 335 с.

145. **Худяков М.Г.** Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций… – М.: Инсан, 1996. – С. 526–746.

146. **Чекалин Ф.Ф.** Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды восьмого археологического съезда в Москве. Т. III. – М., 1897. – С. 65-74.

147. **Черменский П.Н.** Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Историческая география России. Сб. № 83. Вопросы географии. – М., 1970. – С. 83–95.

148. **Юдин В.П.** Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тука-тимуридов в казахских степях XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Чингыз-нама. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

149. **Юдин В.П.** Могулы / Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2001.

150. **Юсупов Ю.М.** «Хешдеки» Эвлии Челеби // Восток в исторических судьбах народов России. Кн. 2. Тезисы докладов V Всероссийского съезда востоковедов. 26–27 сентября 2006 г. – Уфа: Вили Окслер, 2006. – С. 162–164.

151. **Юсупов Ю.М.** Башкиры в этносословной структуре Казанского ханства // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). – Уфа, 2007. – С. 326–327.

152. **Яминов А.Ф.** Золотая Орда и башкиры: история и наследие ислама // Ватандаш. – 1997. – № 6. – С. 47–52.

153. **Яминов А.Ф.** Южный Урал в XIII–XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995. – 26 с.

157. **Башҡорт** теленен һүҙлеге. – Өфө: Изд-во УНЦ РАН, 1993.

158. **Мәржәни Ш.** Мустафад ал-ахбар фи вилаяти Казан, ве Булгар. – Казан, 1996. – 312 б.

159. **Нәҙероғолов М.Г.** Ҡара-табын ырыу шәжәрәһе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). – Уфа, 1985.

160. **Өмөтбаев М.** Йәдкәр. – Өфө, 1987. – 288 б.

161. **Рәжәпов Р.Ф., Хадыев М., Фахретдинов А.** Башҡорт тарихы. – Өфө: Китап, 2006. – 176 б.

162. **Салихов А.** Онотолған тарих биттәре. – Өфө: Ғилем, 2003. – 140 б.

163. **Соҡорой Г.** Шәм яҡтыһы: шиғырҙар, тарихи яҙмалар, хаттар / Текстологик эштәрҙе башҡарыусы, төҙөүсе, баш һүҙ яҙыусы: М.Х. Нәҙероғолов – Өфө: Китап, 1995. – 124 б.

164. **Алишев С.Х.** Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаклар. – Казан, 2002. – 72 б.

165. **Фәхретдинев Р.** Болгар вә Казан төркләре. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1993. – 287 б.

166. **Хөсәйенов Ғ.Б.** Башҡорт дәүләтселеге һәм Мәйтән бей миссияһы // Профессор Дж. Г. Киекбаев и проблемы современной тюркологии: Мат-лы Всероссийской научной конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 210–216.

167. **Хөсәйенов Г.Б. И** еүкәй Әмир // Ватандаш. – 2006. – № 6. – 42–63 б.

168. **Хөсәйенов Г.Б.** Үҫәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. – Уфа: БФ АН СССР, 1985. – 54–60 б.

169. **Хөсәйенов Г.Б.** Мәйтән бий // Ватандаш. – 2003. – № 1. – 97–102 б.

170. **Alişev S.H.** Communication of the Volga Tatars with Turkey // XIII. Türk Tarih Kongresiş 4–8 Ekim 1999. Ankara. Bildiri Özelteri. Ankara, 1999.

171. **Inan A.** Evliya Çelebi'nin «Heşdek»leri hangi ulus? // Türk kültürü. 1963. I, 3.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Заманалар киссахы*
(фрагмент)

«Когда обосновались (племя туркмен-кыпсак. – *Ю.Ю.*) в городе Каравансарай, Касим-хан написал письмо в Казань. Даже помню, что было написано:

«Ассалямагалейкем, Мырзабек-хан! Воистину, наши языки похожи, одна вера, ученых людей, которые могли бы стать во главе народа, мало осталось. Культура наша в упадке. Мастеров, которые делают оружие для моих воинствующих джигитов, порубили. Это вы хорошо знаете. Как только ты принял мусульманство, те, кто тебя подавлял, вернулись в Монголию, твоих людей стало меньше, из-за этого русский и выскользнул у тебя из рук. Ты во рту всемирных ворот. Если тебя завоюет русский, то и нас завоюет, а дальше наступать ему ничего не стоит. Со взятием узбеков и туркмен он может дойти до Мекки-Мадины. Поэтому, если мы укрепим наши государства, не только не отдадим себя в руки чужих, но и возродим прошлую мощь и силу. Те, в кого ты веришь – турк (тюрк), моя надежда – узбек и таджик. Вот из-за этого наши государства и расширятся. Границы твои достигают арской стороны, веруя в тебя, с дружескими чувствами, Касым туря». Подписывает, ставит печать. 50 есаулов отправляет послами.

Улыбаясь, смеясь, прочитал (Мырзабек-хан. – *Ю.Ю.*). Дочитав говорит: «Гостей устройте в какой-нибудь дом перед дверьми». Бегом возвращается дворцовый слуга и говорит: «При угощении гостей будете ли вы там?». «Нет. Для этого я в другой дом направляюсь, поставьте дворцовую стражу, одновременно закрыв двери и окна, облив маслом, подожгите». Вот так он сжигает 50 послов.

Казанский торговец, собиравшийся в Бухару, ночью спешно собирается в Самарканд. Его вызвал к себе Мырзабек-хан. «Это письмо отвези туре (правителю. – *Ю.Ю.*) Каравансарая. Но это известие

---

* *Башкорт* халыҡ ижады. VII т. – Өфө, 2004. – 362–363 б.

может вызвать чувство мести, что бы он тебя не убил, можешь передать его через какого-нибудь человека».

Проехав на пароме, Каравансарай остался позади. Достигнув Актюбы, с письмом отправил раба на коне. Приехав раб к воротам Каравансарая, кричит охране: «Нужен Касим-хан». Зайдя (к Касиму. – *Ю.Ю.*) говорят: «К тебе какой-то раб с письмом с печатью».

«Раз у него письмо с печатью, приведите его ко мне», – говорит хан. Открыв его, читает, а там его письмо, а на обратной стороне написано: «Эй, кыпсак – черный чекмень! Люди, выросшие в заднице у коровы. Мы знаем, кто вы. Хитростью в наше царство войти не сможете. Знаем, как вы в Бухаре стали хозяевами, – сказал, поставив подпись. – Враг из вас, может, и выйдет, но друг – нет».

«Сейчас же посадите раба на сертарыш (?). Поправьте ему волосы и бороду. Помыв в бане, с ног до головы оденьте его в одежду, приготовленную для послов. Опоясайте ремнем..., в карман ремня положите золото», – отдал приказ Касим-хан. Посадив раба около себя, начал его угощать. «Эй писарь, пиши письмо! Этого раба, исполнявшего обязанности посла, освободи от рабства, видную работу дашь... Если не сделаешь, что сказал, и останешься еще жив, то спокойно жить в Казани я тебе не дам. Твой пепел развеется в небесах. Я написал письмо со светлыми намерениями. Но Мырзабек-хан этого не понял. Без причин сжег 50 послов. Эта весть шла впереди вас. Слышал ли нет Мырзабек-хан, что нельзя убивать послов. Если бы я хотел мстить, то не пропустил бы караван. В моей душе нет злобы», – сказав, подписывает и ставит печать. Посадив раба на хорошую лошадь, отправили (в Казань. – *Ю.Ю.*).

Приехав, раб сказал слова Касим-хана, вручил письмо. «Правильно написал, умный, оказывается, – сказал Мырзабек-хан. – Я принял его письмо. С этого момента ты свободен от рабства, с сегодняшнего дня ты – дворцовый глава».

(Перевод с башкирского Ю.М. Юсупова)

Илеукай, Келяйле, Яик батыры*
(фрагмент)

В древности, начиная с верховьев Демы, жили беи Дамми и Ыршак. В то время наших предков не было. О народах, которые им и их уланам подчинялись, деды ничего не говорят. Против них с войной выступили с Яика – Яик-батыр, с Идели – Илеукай-батыр, с Урала Келяйле-батыр.

Келайле, подойдя с верховьев Демы, воевал против Дамми-бея, Илеукай с Яик-батыром воевали против Ыршак бея.

Каждый из этих батыров называл себя тысячником. После того, как Ыршак был побежден, Илеукай пошел на помощь к Келяйле и вдвоем победили Дамми-бея. Потом разделись землю между собой, каждый по Деме начал сажать аулами своих подчиненных сотников. С истока Демы сотники Келяйле-бия: там осели такие сотники, как Сафар, Тукханбай, Азнай, Биккол, Каскын, Каныкай. Именами этих сотников стали назваться аулы, и по сегодняшний день называются сотней Келайле. Они сегодня находятся в Бижбулякском, Миякинском районах.

Илеукай-батыр, посадив по течению Демы со своими сотнями батыров Балгажи, Кунакас, Абеш, Янаби, Алдар, Илчегул, с их детьми образовали аулы. Из этих сотников аулы Янаби и Илчегул – в Миякинском районе, остальные в Альшеевском районе живут. Эти аулы с древности именуются сотни Илеукая.

У Яик-батыра было девять сыновей: Алшей, Асылай, Татлыбай, Кайып, Кармыш, Сурай, Суракай, Идрис, Тук. Эти восемь от одной жены. Один Тук от другой жены.

Яик-батыр также восьмерых сыновей, сделав сотниками, дав им войско, посадил их аулами. Рожденного от молодой жены Тука оставил подле себя. После того, как умер Яик-батыр, восемь его

* *Башкорт* халыҡ ижады. VIII т. – Өфө, 2006. – 106–107 б.

сыновей за одно, рожденного от второй жены Тука отстранив, землю ему не дав, он, уйдя в сторону, в современный Баймакский и Кыпчакский районы, собрав войско с родных мест своего отца – Яика, начал войну против старших братьев. Начав с ними воевать, Илеукай их помирил.

Тук, попросив земли для своих батыров, взял земли устья Демы. Сейчас Альшеевского района – нижний входящие в Давлекановский, Чишминский районы аулы – пришедшие за сорока батырами народы. Поэтому их Кырк мин называют.

(Перевод с башкирского Ю.М. Юсупова)

Дафтар-и Чингис-наме*
(фрагмент)

...В ту эпоху ханом Булгара был Габдулла-хан. Габдулла-хану сообщили: «Аксак Тимур подходит». В это время Габдулла-хан собрал своих воинов. Под конец встретившись, начали жестокую битву. Не выдержав наступление Тимура, сломались, отошли в город Булгар. Кто умер – умер, остальные, войдя в город, закрылись.

Аксак Тимер осаждал город семь лет. Когда был 700-й год, 20 числа месяца зульхиджа город Булгар захватили. Было 124 великих бека (олог беклар), были уважаемыми старейшинами. Одного Акбаш-бек (Акъял-бек), одного Колгали-бек, также одного Хавали-бек, также одного Моркаши-беком звали. Всех убили. Очень много народа умерло. У Габдулла-хана было два сына. Одного Алтун-беком, другого Галим-беком звали. Люди, которые успели спастись (досл.: убежать от битвы) Алтун-бека и Галим-бека спрятали в глухом лесу. Одному 7 лет, одному 9 лет было. Их хорошо воспитывали.

После того как Аксак, Тимер разрушил и ограбил Булгар, подошел к Буляру. Вырыв траншеи, закрепились отрядами напротив Буляра.. Никаких битв не было.

В то время ханом Буляра был Самат-хан. Большинство был народ безкыбак, также был народ бараж. У народа бараж в начале времен древним юртом было устье р. Зай.

Было время алыпов. Был один дракон-змея именем Бараж. Он жителям города начал причинять большой вред. Выйдя, сражались с драконом. Победить не смогли. В конец сами, оставив город, убежали. Подойдя ближе к Булгару, над водой Буляра заложили города-юрты. Эти города Буляром и называли. По этой причине народ начали называть «Народ бараж». Уран был «бараж».

Там Самат-хан сказал:

– Ах, ай, народ мой бараж! В древности наши великие предки, бежав от вреда Баража, заложив свои города, на эту землю пришли,

---

* *Башкорт* халык ижады. VII т. – Өфө, 2004. – 170–174 б.

юрт держали. Но пришел Аксак Тимер который сильнее баража. Встал напротив город. Что будем делать? – сказал. Тогда народ бараж сказал:

– Ай, наш хан. Вы знаете, ваша воля. Что бы мы не сказали, у нас нет воли, сказали, но, если изволите, будем биться с войском Аксак Тимера, победим или сами умрем.

Тогда Самат-хан сказал:

– Напротив меня есть один старый человек. Спросим у него. Он что повелит. От его слов не отойдем, – сказал.

У этого старика спросили. Говорят:

– Ай, наш старейшина. Биться ли с подошедшим к городу Аксак Тимером? – сказали. Тогда старик сказал:

– Пойду, посмотрю.

Взобрался на один минарет. Посмотрел в сторону отряда Аксак Тимера. Посмотрел и увидел кого-то: Хызыр хазрат в отряде Аксак Тимера.

Спустился с минарета, пошел к Самату:

– Биться нельзя. Хазрат хужа Хызыр у него в отряде. Прикажи открыть ворота! – сказал, народ Самат-хана бараж поплакал, но сказали:

– Что можем поделать? Надо отдаться власти всевышнего, – сказав, открыли ворота города, отдали свою свободу, не бились.

После этого хазрат Аксак Тимер с отрядом вошли в город, людей убивали. Но Аксак Тимер, как наступала ночь, сам потихоньку, обмотав голову, выходил к народам, слушал. И говорил:

– Ай, люди! Егеты! Это разорение, это уничтожение нам от кого? – спрашивал. Если те, кто там был, отвечали: «Нас Аксак Тимер разорил, он нас карает, потерялись» – завтра же со всем своим племенем (ырыу) и родом (током) казнились. Кто же знал свои прегрешения говорил: «Разорение, от нашей греховности – тех не убивали, не грабили, их отпускали».

В один вечер хазрат Аксак Тимер, сам став шпионом, пошел к народу бараж. Сказал;

– Ай, народ бараж! Эта беда откуда к вам пришла?

Бывшие там сказали:

– Сам не знаешь от кого? Вор Аксак Тимер пришел, нас разоряет и унижает, – сказали. Там в этом вечернем собрании одного великого бека умная вдова была. Она сказала:

– Ай, егеты! Эти разорения – кара за наши прегрешения, из-за которых мы погибнем. Что бы сделал один Аксак Тимер? Это повеление Господа (Тенгри), – сказала.

Это была жена Жадыша. У этого Жадыш-бия (бека?) было два сына. Одного звали Инсан и второго Ихсан. В этот вечер эта женщина с сыновьями были взяты под его видение. Сами они не поняли, зачем их оставили.

– Нас убьют, – начали они плакать. Тогда Аксак Тимер этой вдове сказал:

– Я знаю твои прегрешения, ты свои прегрешения знаешь. Все случившееся от нас самих, от наших проступков. С этого дня тебя с твоими сыновьями, дочерьми, близкими освободил. Куда захочешь – в ту сторону и подадитесь, – сказал. Сам на все войско прокричал: Этого человека не трогайте, скот не отбирайте, никакого вреда не наносите! – сказал. – За то, что видит свои прегрешения, отпускаю со всеми сыновьями, дочерьми, близкими отпускаю.

После этого Ихсан и Инсан-бски, оба совещались, решили переселиться. Инсан-бек сказал:

– Ай, мать! Я великой Идели на внутреннюю сторону к горам пойду. Там юрт буду держать. Ради этого кто… – сказал. Мать одобрила его мнение.

Но второй Ихсан-бек в эту сторону пойти не захотел:

– Пойду в древний юрт своих предков, к р. Зай, там юрт буду держать, – сказал. Бек сказал:

– Я в то место не пойду, – сказал. Разошлись. Ушел в сторону гор. С ним ушла и мать. Придя туда, обосновались на реке Койеня.

У Инсана родился один сын. Сулейманом назвал. Сын Сулеймана – Кадир. Сын Кадира – Нурдавлет. Сын Нурдавлета – Нурабдал, сын Нурабдала – Котош, сын Кутуша – Мыктым, сын Мыктыма – Икенай, сын Икенайя Мухаммед, сын Мухаммеда – Хужахмед, сын Хужахмеда – Тукел, сын Тукела – Бирмухамед, сын Бирмухамеда – Жынты, Сын Жынтыя – Бабеш, сын Бабеша – Ульмас, сын Ульмаса – мулла Габдеррахман, сын муллы Габдеррахмана – Габдельгазиз, второй – Мухамедшариф, сын Габдельгазиза – Габдулла, второй – Габделислам.

Однако Ихсан–бек в горах пробыл недолго, пришел к Заю. У Ихсана родился один сын. Назвал Альмухамедом. Сын Альмухамеда – Канмухамед, сын Канмухамеда – Тукмухамед, сын Тукмуха-

меда – Атлак, сын Атлака – Шемяк, сын Шемяка – Туги, сын Туги – Саман, сын Самана – Эндарже, сын Эндарже – Тикэнэш, сын Тикэнэша – Безерган. Тамги были кош кешан, уран – бараж.

А о следующем начнем с начала.

После того, как хазрат Аксак Тимер разорил Буляр, пошел по направлению к Москве. Там, со своими войнами дошел до Владимира. Город неверных. Для битвы собрал все свое войско. Собралось войско у города неверных.

Во время хазрата Аксак Тимера ханом неверных был Михайла. Весть о том, что хазрат Аксак Тимер захватывает города, разнеслась среди неверных. Очень сильно его боялись.

Хазрат Мир Тимер подошел к крайнему городу гауров – Владимиру. Хазрат хужа Хызыр, подойдя к Аксак Тимеру, сказал: «Ты не обязан добиваться битвы с этими кафырами», – сказал эту весть. – Но этим кафырам показал свое благородство! – сказал хазрат Аксак Тимер

После этого хазрат Мир Тимер не воевал и что бы этого не делать и впредь, со своим войском вернулись домой. Вернувшись, направились в Бухару.

Пока шли, весть об этом дошла до двух ханов земли кая Амата и Самата. Они были кочующими ханами. Узнав о том что идет Аксак Тимер, зарезав верблюда, собрав народ, держали совет: «В какую сторону податься?». Народ бестолково начал хвалить кто своего коня, кто свою собаку, кто свою жену. Приготовленные угощения были съедены, а совета не было. Народ разошелся.

Тогда один Кинжа объявил: «Ай, калтаки! Чем каждый сам по себе, одним племенем было хотя бы 40 человек! Все одно дело делали бы. Ай, Калтак! Что это за дела?! Умные знают, безумные смеются, на совет собираются. Калтаки, что это за дела?! Один своего коня хвалит, один свою собаку хвалит, а один свою жену хвалит, а совета нет. Народ разошелся, угощения поели – и уходит. Наша надменность тому причина, наверное. Нам надменность близка» – объявил. Тогда этот Кинжа сказал: «Ай, яранлар! Народ если отсюда переселится, вы здесь останетесь без воды. Здесь оставайтесь! Лучше умереть в верховьях реки Куя. Пусть так и будет! Мы туда переселимся!» – сказал. Один настолько суетился, что в пену загнал лошадь, кричал, орал: «Ай, мой хан! Пришла война, Аксак Тимер сюда едет!» сказал. И Хан сам первым пошел (на войну. – *Ю.Ю.*). И обра-

тился к гонцу: «Хозяин, разве в такое время спрячется в камыше?». Таким образом, хан переселился…

…Войско Аксак Тимера остановило народ во время окружения, кто умер, тот умер. После этого Аксак Тимер призвал к себе хана:

– Ай, Амат Самат. Вы себя оградите от преисподни, спасите себя от отсечения головы, стань мусульманином.

Хан сам к нему обратился:

– Если мы станем мусульманами, вы мне мой народ вернете?

– Если вы станете настоящими мусульманами Нет божества кроме Аллаха и Мухаммед пророк его, каждый день 5 раз намаз будете читать, каждый год 30 дней уразу будете держать, от своих богатств закат будете платить, если возможности есть, совершите хадж и откажетесь от прежней жизни, станете мусульманами, к вам и вашему народу не притронусь, потому что все они станут мусульманами.

Аксак Тимер этому народу дал основы Ислама. Среди кочевников жил 1–2 года. Попрощавшись с войском, пошел дальше. Те, кто остались, также кочевали, но стали уже мусульманами.

(Перевод с башкирского языка Ю.М. Юсупова)

Приложение 4

Башкирские правители конфедерации «ханство Тура-хана», конец XIV–XVI вв.

Имя	Время правления	Социально-стратификационный статус и основные события периода правления	Источники
1	2	3	4
Амат, Самат, Хамат, Князь Астроханьский Салчей	Вторая половина – конец XIV в	Хан, сын зятя хана Узбека, Исабека (Исагургана)	«Дафтар-и Чингиз-наме», шежере юрматы Татигас бия, Никоновская летопись
Тухал Шагали бий	Рубеж XIV–XV в.	Улуг-бий, «из… знатных юрматинцев», в 1408–1409 гг. основывает свой юрт на р. Шаллык	Шежере юрматы Татигасбия
Гаджлука Гали Шейх Дервиш	Первая половина XV в., правление после смерти Тухал Шагали бия	Улуг-бий. Возвращается на западные территории: прибилярье и зайшешминское междуречье	Шежере юрматы Татигасбия
Чачлы Дервиш (по некоторым преданиям **Тура-хан** и **Ураз-хан**)	Вторая половина XV в., возможно, рубеж XV–XVI вв., правление после смерти Гаджлука Гали Шейх Дервиша	Улуг-бий	Шежере юрматы Татигасбия; варианты предания «Кусяк-бий» М. Сагитова, А. Исмагилова

Продолжение прилож. 4

1	2	3	4
Тура-хан, Тюра Бабату Клюсов, Герей хан, Кунграт-хан (эпические собирательные имена правителей конфедерации)	XV – начало XVI в.	Хан, Ставка на устье р. Белой (г. Башкорт) (после образования Ногайской Башкирии – близ г. Тура-тау)	Рассказ Кидраса Муллакаева; варианты эпоса «Идукай и Мурадым» М. Бурангулова и Н. Исанбетова; предание «Тураxан»; предание о Турахане Д.С. Волкова («Материалы к истории города Уфы» Т. 1. Л. 2. об. 3.); предание о Тура-хане Н.А. Гурвича (Описание г. Уфы // Справочная книжка Уфимской губернии Отд. IV. Уфа, 1883. С. 8–9.); шежере юмран-табынских башкир (*Башкирские родословные.* Сост. Р.М. Булгаков, М.Х. Надергулов. Уфа: Китап, 2002.); *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную систему Российского государства. Уфа: РИО БашГУ, 2005
Басман-хан (по некоторым преданиям **Кусем-хан, Касим туря**)	Конец XV – начало XVI в.	Брат (возможно, соправитель) правителя на устье Белой, известный под именем Тура-хан; ставка на устье р. Сакмары	Рассказ Кидраса Муллакаева; предание «Турахан»; шежере тамьян, вариант Баишева; «Боронго тарих китабы» записанный Р. Шакуровым (Башкорт халык ижады. VII т. Уфа. 2004. С. 360–362.)
Тукай-хан	После изгнания ногаев за Волгу до ногайской «реконкисты» (1520-е гг.)	Казахский тысячник	Шежере Татигас-бия
Ядигер (по некоторым преданиям **Кусяк-бий**)	Первая половина XVI в.	Гирей-кипчакский мирза, внук Чачлы Дервиша по линии матери	Шежере Татигас-бия; варианты предания «Кусяк-бий»

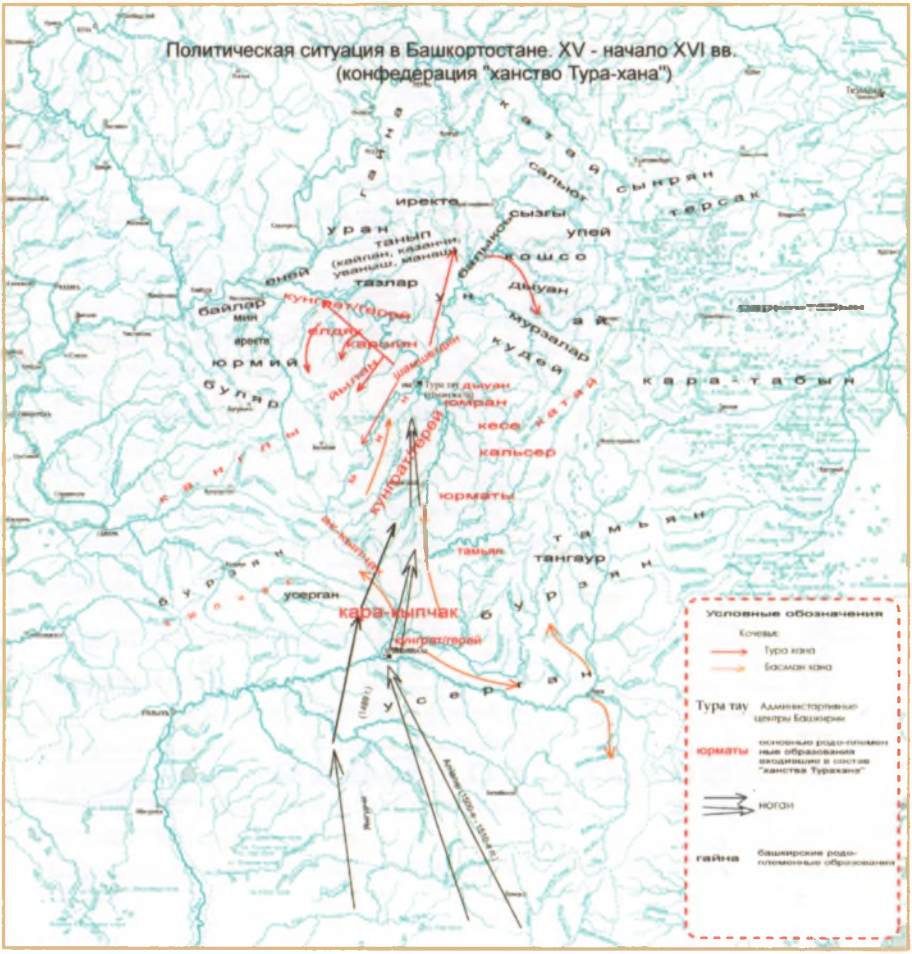
1	2	3	4
Бурнак	Первая половина XVI в.	Юрматинский бий, внук Чачлы Дервиша по линии матери	Шежере Татигас-бия
Татигас	Середина XVI в.	Юрматинский бий, принял подданство московского князя	Шежере Татигас-бия

Ногайские правители в Башкирии, конец XV – середина XVI в.

Правители	Период	Социально-стратификационный статус и основные события периода правления	Источник
Ямгурчи	Конец XV в.	Ногайский мирза, правитель правого крыла Мангытского юрта. Периодически кочевал на Южном Урале	*Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // МИИЭБ Уфа, 1997. С. 17; кыпчакское шежере (Башкирские шежере. Уфа. 1960. С. 96.)
Алчагир, Алтакар, Алсак	Начало XV в., до казахского нашествия 1510-е гг.	Ногайский мурза и бий, участвовал и выиграл войну с Тура-ханом и Басман-ханом	*Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // МИИЭБ. Уфа, 1997. С. 17; Рассказ Кидраса Муллакаева; кыпчакское шежере (*Башкирские шежере*. Уфа. 1960. С. 96.)
Хакк-Назар, Акназар, Алказар	30-е гг. XV в. до 1538 г.	Наместник Ногайской Башкирии, сын казахского хана Касима	*В.В. Трепавлов* Ногаи в Башкирии…; рассказ Кидраса Муллакаева; *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии: древние здания, городища, ногайские валы, курганы // Памятная книжка Уфимской губернии / Под. ред. Н.А. Гурвича. Ч. II. Уфа, 1873. С. 170–171
Исмаил	1538-1545 гг.	Наместник Ногайской Башкирии, брат ногайского бия Юсуфа	*Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии…; рассказ Кидраса Муллакаева.
Ахмед-Гирей	1546-1558 гг.	Наместник Ногайской Башкирии, шейбанид, ставленник Шейх-Мамай мирзы	*Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии…; рассказ Кидраса Муллакаева

Башкиры Восточной Европы XV - XVI вв.

Башкортостан в составе Ногайской Орды
Казанское ханство
Сибирский юрт
Ногайская Орда
Ногайская Башкирия
катай
гайна
уран
сальют
сынрян
терсак
иректе (кара-табын)
сызгы
упей
еней
байлар
мин
иректе
юрмий
буляр
канглы
таалар
дыуан
барын-табын
мурзалар
кудей
кара-табын
юмран
кесе
катай
кальсер
юрматы
тамьян
тангаур
ак-кыпчак
кара-кыпчак
усерган
бурзян
мин
бурзян
кунграт / герей
Тура тау
Территория Ногайской Орды (1530-1550-е гг.)
ногаи
казахи
Автор и составитель: Юсупов Ю.М.


Политическая ситуация в Башкортостане. XV - начало XVI вв.
(конфедерация "ханство Тура-хана")
гайна
катай
салъют
сынрян
терсак
иректе
сызгы
упей
уран
таныш
(кайлан, казанчи, уваныш, манаш)
кошсо
еней
тазлар
дыуан
байлар
мин
ирекле
кунграт/герей
мурзалар
кудей
юрмий
буляр
кара-табын
дыуан
юрман
кесе
кальсер
канлы
юрматы
тамьян
тамьян
тангаур
бурзян
усерган
кара-кыпчак
кунграт/герей
бурзян
усерган
Условные обозначения
Кочевья:
Тура хана
Басман хана
Тура тау
Административные центры Башкирии
юрматы
основные родо-племенные образования входившие в состав "ханства Турахана"
ногаи
гайна
башкирские родо-племенные образования

Табынские (кара-табынские) конфедерации
Казанское ханство
Сибирский юрт
Ногайская Орда
гайна
катай
сальют
сынрян
терсак
иректе
(кара-табын)
уран
сызгы
упей
танып
кошсо
таэлар
еней
байлар
мин
кунграт/герей
елдяк
иректе
юрмий
бадрак
карцин
дыуан
мурзалар
кудей
барын-табын
кара-табын
булйр
йылан
дыуан
юмран
кесе
катай
кальсер
кангль
кунграт/герей
юрматы
ак-кыпчак
тамьян
тангаур
усерган
бурзян
кыпчак
усерган
Кочевья:
передвижения табынской аристократии
Тура тау
иректе
наступления Ибака - хана Сибирского юрта
тангаур
бацкирские родо племенные объединения
Казанское ханство
постордынские государсвтенных образования

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. БАШКОРТОСТАН В СИСТЕМЕ ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

§ 1. Обстоятельства и историческое значение вхождения башкир в состав Монгольской империи 25
§ 2. Башкортостан в условиях распада Золотой Орды 40
§ 3. Башкиры и Казанское ханство 51
§ 4. Башкирия в составе Ногайской Орды 75

Глава II. КОНФЕДЕРАТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

§1. Социально-политическая организация башкирского общества 103
§ 2. Социальная структура башкирского общества. 112
§ 3. Кипчак-юрматынская конфедерация 118
§ 4. Табынские конфедеративные объединения 148

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 160

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 164

ПРИЛОЖЕНИЯ 175
1. Фрагмент «Заманалар киссахы» (фрагмент) 176
2. Илеукай, Келайле, Яик батыры (фрагмент) 178
3. Дафтар-и Чингис-наме (фрагмент) 180
4. Башкирские правители конфедерации «ханство Тура-хана», конец XIV–XVI вв. 185
5. Ногайские правители в Башкирии конец XV – середина XVI в. 186

Для заметок

Научное издание

Юсупов Юлдаш Мухамматович

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА XV–XVI ВЕКОВ
(социально-политический аспект)

Редактор: *Е.Р. Малая*

Компьютерная верстка *А.Л. Гаделовой*

Подписано в печать 4.02.09.

Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офисная «Снегурочка».

Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе.

Усл.печ.л. 11.2. Уч.-изд.л. 12.

Тираж 150 экз. Заказ № 6

Издательство «Гилем»
Академии наук РБ
450077, г. Уфа, ул. Кирова, 15
Тел.: (347) 273-05-93, 272-36-82
gilem@anrb.ru

Отпечатано на оборудовании
издательства «Гилем» Академии наук РБ
450077, г. Уфа, ул. Кирова, 15
Тел.: (347) 273-05-93, 272-36-82
gilem@anrb.ru

Юсупов Юлдаш Мухамматович родился в 1980 г. в г. Ишимбай. В 1998 г. закончил Башкирскую республиканскую гимназию им. А.З. Валиди. В 1998-2003 гг. обучался на историческом факультете Башкирского государственного университета. В 2003 году поступил в аспирантуру на кафедру археологии, древней и средневековой истории БашГУ. Является автором свыше 20 публикаций по проблемам этнополитической истории, эпосоведения и современных социально-политических процессов в регионе.